

Ради́ф Каша́пов

Окно в потолке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ради́ф Фа́ритович Каша́пов

Окно в потолке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66825233

SelfPub; 2021

Аннотация

История пяти иногородних жителей Петербурга, помещенных в одну коммунальную квартиру в Коломне.

Содержит нецензурную брань.

Радиф Кашапов

Окно в потолке

Вступление

Свет проник внутрь камеры-обскуры и на плоскости возник перевернутый рисунок, изображающий кусочек канала Грибоедова, уменьшенный в несколько раз. Оставалось только приложить бумагу и старательно обвести, надев чуть сломанные очки на чуть близорукие глаза.

Отлично работает машина для снимания перспектив, стоящая в походной палатке на самом верху холма. А на матовом стекле виден город Петербург – поверхность обрабатывают раствором солей железа – и оно меняет цвет. Потом исследователи добавляют бром и ждут минуту.

Слышен голос из прекрасного далеко, что асфальтовый лак подходит лучше – кому как не советнику из дорожного министерства, этого не знать? А потом надо еще обработать изображение кислотой, выгравировать линии – и начать печатание карточки. Но умник уже заключил контракт на десять лет и должен помолчать. Иные пользуются дорогостоящим хлористым серебром. И не вякают. А некоторые вообще дышат парами ртути по полчаса кряду ради великой цели. И что получается в итоге? Позитив и сенсация. И только в дальнейшем жесткое развитие превращает все в негатив и обыденность.

Я начал писать этот очередной нелинейный текст еще в мае позапрошлого года. Это были заметки, наброски, обрывки, не выглаженное белье объемом в 10-20 килобайт. Я не мог серьезно начать работу по оформлению этого мясного набора в полноценное произведение. У меня даже не получалось аккуратно делать заметки в блокноте в метро, потому что долгие годы сидения за клавиатурой отучили мои пальцы выводить буквы так, как натаскивали их еще в первом классе. Я не умею заполнять красиво библиотечные карточки и квитанции по гонорарам – так сказала мне множество бухгалтеров и коллежских ассессоров. Умею печатать. Так что пришлось сместиться на уровень детсада – ведь крошки наши умнее и IT-образованнее. Огромная голова и неловкие руки.

К тому же меня пугало то, что во многих абзацах я цинично отзывался о романтике, как о явлении, которое требует немедленного уничтожения – каждый раз, когда, хотя бы косвенно, поминается в разговоре или внутреннем монологе. Но ведь что есть мой треп священный, как не новая романтика? Возможно, я и воссоздам эти строки потом, по ходу работы. Дело в том, что недавно я умудрился удалить все эти файлы. Что ж, хороший повод начать все заново...

Действие романа происходит в большой коммунальной квартире, в пяти комнатах, а также порой в ванне, на кухне, а иногда и на чердаке. Ведь жилище сие находится на самом

верхнем этаже. Я сам жил в такой квартире в течение двух месяцев, платил смешные деньги, смеялся, мало спал ночью, почти ни с кем не общался. Да и вообще не знал, что будет дальше. В коридоре всегда горел свет, иногда в нем возникали соседи: 40-летние тетки на роликах, замученные вдовы с теориями об эволюции квартирантов, молчаливые мужчины в шортах.

А также полуторагодовалый малыш, который жил за стеной в компании матери, отца и бабушки. В комнате на 15 квадратных метров, представляете? Прямо напротив моих съемных метров редко тусила дома молодая пара – своеобразная схема моего будущего. Да, кстати, несмотря на разницу в возрасте, все жильца вели себя, как юноши и девушки. Только одна одинокая женщина однажды указала мне, что я готовлю не на своей конфорке. Так я узнал одно из главных правил коммуналок.

Глава первая, нулевой день – когда бросают и находят

Руслан зашел в кабинет, за столом подняли крашенную голову и спросили:

- А вы из журнала? Вообще-то я девочку ждала...
- Гм... – смущение, переходящее в протрацию, закрытие двери, выход под софиты.
- Садитесь вот сюда.
- Ну, хорошо, – стул скрипит и сердится. – Я так пони-

маю, мы будем говорить о консалтинге в области молодежной ипотеки?

– Почему? Про всю ипотеку...

– Нет, стоп, мне же говорили...

– Простите, молодой человек, вы готовились к встрече?

Вы имеете представление о том, чем занимаемся?

– Да, конечно, я же читал. Вы, если хотите, гм, учите людей...

– Не учим, а консультируем! – крашенная в возрасте при- встала из-за стола и посмотрела на Руслана внимательно. Села и продолжила: – Так, что-то мне не нравится это. У нас с вами как-то сразу разговор не заладился. Придется нам либо позже встретимся. Либо журнал другого человека придет.

– А, чего? Зачем, я не понял... Давайте работать. Я же приехал, у нас деловая встреча, наверное, просто в рекламном что-то напутали. Выясним...

– Нет-нет, не пойдет дело. Мы с вашим начальником выясним.

– И мне уходить?

– Да, пожалуйста.

– А если я не хочу? У вас текст совсем небольшой, вы сами эту тему определили – если менеджер не перепутал. А если перепутал – давайте разговор вести. Время не терпит.

– Уходите, мы сами выясним все с рекламным вашим делом!

– Так прямо сейчас позвоните и выясните!

– Молодой человек! Прекратите уже шуметь! Выйдите!

– Щас, разбежалась! – он схватил стул и швырнул его в сторону окна. И стул долетел, а стекло – разбилось. – Сколько уже можно! Я для этого, что ли, живу? Всяких немощных теток слушать, у которых настроение каждую минуту меняется? Пошла ты... куда подальше! – Он пнул дверь и вышел. Подошел к секретарше, взял с ее стола стопку журнала, но потом передумал и положил обратно. – Ну и дура у вас в соседней комнате сидит, я вам поражаюсь, как вы ее терпите!

И ушел.

Ну, на самом деле стекло не разбилось. Но стульями он швырялся. Случилось такое, все-таки.

«В начале этого года информационные агентства распространили информацию... Клубберы встретили новость неоднозначно: кто-то сочувствовал... не по обвинению в распространении наркотиков. В иске прокураторы, направленный в арбитражном суд... о неправильно оформленном договоре аренды.

Скажем, квартира, в которой располагается клуб, раньше принадлежала заводу – а он отдал ее общественному движению под молодежный центр... но не Мингосимушеству. ...был задержан 20-летний юноша с двумя дозами амфетаминов.

Заведение может поменять вывеску... Проиграем только мы. Те, кто хочет ходить потанцевать и пообщаться... Чем

бы там не торговали у входа».

Руслан дочитал этот текст и спросил у автора – миниатюрной брюнетки Наташи, стоявшей вместе с ним у вечернего компьютера, гудящего и мерцающего:

– И что мне на эту бурду снимать? Ты сама-то в это все веришь? Ну нафиг вообще нужны все эти клубы? Здоровье себе губить? Время тратить, жалкие гонорары?

И ушел из редакции.

Теперь он стал свободным хлебопашцем. А потом прошло еще несколько месяцев, и началась история.

Продолжим. Руслан, молодой человек 24-25 лет, который хочет прожить эту жизнь так, как он сам хочет (что, впрочем, ненаказуемо и недостижимо), стоит в проходе между сценой и железными заграждениями – к ним прислонились охранники в черных костюмчиках. И как им удалось довести их сюда в сохранности? Из-за спин секьюрити выглядывают ребята и девчата. Руслан поправляет беруши, снова глядит на последний кадр на экране фотоаппарата и наводит объектив на сцену. Снимать вроде бы и нечего – группа настолько зашугана, что только солист позволяет себе несколько взмахов гитарой, будто он не мать-его-рок-звезда, а танцор балета на разминке. Басист напряженно смотрит на десять примочек перед собой, видимо, боится, что их стырят прямо во время музицирования, на первом же тремоло. Лид-гитарист сверкает декой шестиструнной подруги, которой место

на рыбалке – приманивать улов. Он погружен в свое бесконечное соло. Парни считают, что они играют пост-панк по лекалам британской истории, хотя это банальный блюз с переизбытком искажений. Хотя Руслану на это плевать. Когда фото получается отвратное, то и музыка кажется склизкой и скучной. Почему на нее тратят столько денег? Вот и ему отвалили три штуки за четырехчасовую сессию. Он с этими балбесами сидел на базе, когда они собирались, в примерной бухал, теперь они наверху, он внизу. Когда они закончат? Неужели будут играть вечно, а?

Его кто-то толкает в плечо и кричит прямо в ухо:

– Ты ведь Руслан? Мне тут пальцем показали, мол, вон фотограф, зовут Русланом. А я Тема. Если что – это их последняя песня!

– Откуда знаешь? – фотограф поворачивается и видит перед собой потрепанного простыми удовольствиями паренька младше его года на четыре.

– А я их слышал раньше. И вообще знаком. Общался с их драммером.

– Ага. Значит, можно идти.

И они двигаются в сторону условных кулис.

– У меня база есть. Не собственная, но я там за старшего. Сегодня панки вот обломали с репетицией с утра. Ну, я плюнул, сменился и поехал на электричке сюда. Давно здесь?

– Недолго. С камерой особо не поплаваешь. Просто эти вот обещали денег, я и потащил. А с группой, которая сейчас

играла, ты как знаком?

– Я ведь тоже барабанщик, но я чисто так с ними знаком – шапочно. Просто они у меня репали в самом начале, когда только состав набирали. Честно говоря, никакого особенно-го прогресса с тех пор и не было. Но ничего так, вменяемо. Мне, собственно, нужно сделать фотографии одного концерта, он будет через несколько дней. Только со средствами не очень. У тебя как с этим?

– Смотря как. Можно и за средства, можно бесплатно.

Необходимо заметить, что знакомство происходит не в клубе, не во Дворце Культуры, даже не в спортзале, а где-то в Карелии во время сплава. Это значит – время, когда молодые люди берут множество резиновых предметов, вмещающих воздух, формируют из них плавучий агрегат, покупают еды и водки. И движутся по реке, глядя в небо. Особых проблем их путешествие не вызывает ни у поверхности, ни у обитателей катамаранов. Давно пора признать, что поездки на природу – это почти рособуддизм (неловкая калька с «евроислама»), потому что нынешний человек бесконечно оторван от флоры и фауны. Даже мимолетное соприкосновение с живым и вечным должно в нем, безусловно, вызывать хоть какое-то просветление. Но в это Руслан точно не верит. Как и не вызывает у него повышенной симпатии его новый товарищ. По крайней мере, у него есть какая-то информация, которая невероятно ценится в наше время. Ведь друзей сейчас

почти не осталось – друзей заводят в 8 лет (в школе), потом в 15 (в школе), потом в 17 (в институте, академии, университете, в армии-армии-армии), в 22 – по приходу на первое место работы, на котором тебя как-то ценят. Или делают вид, что... Словом, прошли знаменательные даты. В четверть века есть только коллеги, партнеры, а человек может себе позволить разве что безотчетно влюбиться. А дружеские отношения – это уже из песен и пресс-релизов айриш-баров.

Концерт же проходит в конце маршрута, когда уже никто не плавает – просто допивается оставшаяся водка. Возможно, кто-то из выступающих даже прошел этот ленивый путь, знакомый уже настолько, что плавание превратилось в необязательное дополнение к наблюдению за небесными светилами и облаками на протяжении нескольких суток. Сломался по дороге – причалил к берегу или острову в 20 локтей в диаметре, выспался в палатке, залатал дыры – и вновь в путь.

Тема приехал из Елабуги. Окей, он приехал из Москвы, я реально гоню, благо, история давняя, могу чего-то и не вспомнить. Нужно ли мне оправдываться сейчас? Или вообще быть проще – и меньше показываться? Я затихаю.

Говоря на новоязе, Тема не был обмороссом, но и в замкадышах не числился. Не центр, не область. Не ЦАО, не МО. Посредственность, родителям которого повезло родиться в Москве. Год назад он продал свой любимый малый барабан, чтобы купить билет в общий вагон и оплатить свой месяц ни-

щенствования в Петербурге у левых друзей. Он просто оказался на грани тогда, в столице. Его группа зарезервировала неделю в студии в Подмоскowie на запись альбома. Тема жил в районе ВДНХ, но последние недели перед самой поездкой предпочитал зависать у подруги рядом с Черкизовским рынком. Так вот, он проснулся, продал барабан и уехал. Заодно загнал и небольшой, но ценный синтезатор второго гитариста. Только его и видели. А если бы старые товарищи нашли бы его потом – что бы случилось? Наверняка Теме намяли бы бока. Потому герой наш Москвы боялся, с каждым месяцем нежелание там появляться и то, насколько велика его глупость, только росло.

С другой стороны, на нынешней работе он выглядел жалкой пародией на москвича. Сидячий образ жизни, представители не самого адекватного среза молодежи вокруг, постоянный грохот. Либо надо менять работу, либо делать в вид, что в твоём ежедневнике только одна страница.

Тема работает с 12 утра до 11 вечера, потом напивается дома в одно. Его цель – отражать весь этот поганый мир так, что ничего его лично не касалось. Потому что работа вызывает в нём отвращение. Даже редкие репетиции с упёртыми фанкерами не ослабляют его бесконечную веру в ненависть.

Сначала приходят школьники. С гитарами за 200 долларов и шнурами, которые развалились ещё на прошлом прогоне. Почти до вечера они борются за право быть царем горы со студентами. Потом заявляются старперы и занимаются

монструацией.

Монструация – это когда олдовые рокеры сидят на крутейшей базе и бухают целыми днями. И однажды, в единственный ежегодный концерт, они выходят и выдают «мощный настоящий крутой рок!». А потом гордо еще полгода об этом говорят и вещают остальным.

А он не любил, когда стучат постоянно по райду, каждую долю. Он заявлял порой, что лучше лупить по тарелкам руками, предварительно обматывая их сотнями колец изолен-ты. К чему весь грохот сей, говорил он себе, сидя на диване и молотя палочками по обшивке. Можно взять деревянную коробку, эффект будет тот же.

Тема приехал из-за женщины. Они познакомились на улице, когда курили возле клуба в два часа ночи. Тема – потому что ждал, когда выйдет его тогдашняя пассия, слегка полноватая и смешная Катерина. А девушка – теперь уже точно – девушка, – собиралась с духом, чтобы идти на вокзал. Они разговорились, лишили некоторых персонажей приятной ночи, попили чаю неподалеку от Пушкинской площади. Хотя и трудно представить, что можно пить в том районе какие-то безалкогольные напитки. Поболтали, не успокоились, поцеловались. Позже она приезжала несколько раз к нему в гости и ходила с ним за руку по городу, много молчала. И иногда выкуривала одну единственную сигарету.

Тема в итоге позвонил ей уже в Питере. Они пересеклись

на Манежной площади, отошли в сторону Фонтанки, где барышня призналась, что ей всего-то 15 лет, а ростом она вышла благодаря занятиям волейболом. И ей совсем не до серьезных – ну, насколько они таковыми могут быть – отношений, ей надо готовиться к поступлению в институт. А если Тема на что-то рассчитывал, то его тут же могут увезти в изолятор, к примеру, за связь с малолеткой. В Петербурге дама сердца носила чуть больше теней вокруг глаз, а на сумке висела тьма значков. Тема только сжал нижнюю губу, простоял так с минуту и двинулся на квартиру к знакомым. Они его довольно быстро пристроили на базу администратором, иногда звонили из одного клуба – и он шел принимать номерки и вешать одежду на плечики. Москвиченок не жаловался – ему было тогда всего 20, чуть больше – сейчас. Осталось поступить в очередной вуз, чтобы не забрали в армию. И все будет в предельном ажуре.

Тема носил на ногах «Камелоты», которым исполнилось недавно около трех лет. В двух местах швы разошлись, еще на одну дырку в мастерской наложили недешевую заплатку. Тема никогда не заправлял рубашку в штаны и постоянно дул на огромную челку – ее можно даже жевать в минуты протрации. Если он будет продолжать в том же духе, то через десять лет получит шершавую кожу в морщинах. В нее можно будет прятать заначку от будущей жены и бесконтактную карту для проезда в метро.

Тема ехал на автобусе в сторону Васильевского острова. Репетиционная точка находилась в самом конце череды линий, на заводе, производившем когда-то полимеры. Точку построили знакомые хороших знакомых. Они и сами там репетировали, а Тема просто сидел целый день, сменяясь с напарниками сутки через двое. Хотя график менялся.

Первая репетиция начиналась в одиннадцать, потом – в два, пять, восемь. Без десяти одиннадцать вечера нужно всем сворачиваться, а потом Тема сдавал ключи на вахту и ехал до временного дома. Заработать за месяц много и легко не получается. Но – так – и – столько – и не надо. Ведь здесь – все равно, что официантом в пивной – без перспектив, просто передышка. Даже если решишь уволиться вечером, к утру найдется достойная замена, а в следующем месте никто и не спросит – почему. К тому же можно иногда играть на отличных барабанах. Тема хочет, чтобы здесь репетировала какая-нибудь его группа, чтобы они сами платили ему деньги, а он журил их за опоздания. Пока что не получается.

Они просят второй микрофон и стойку для клавиш. И начинают настраивать гитары, вывернув ручки громкости на усилителях до предела. Там-дам, там-дам... 15 минут неколокольного, антирелигиозного звона за стенкой, пока ты завариваешь себе кофе. Потом начинается нечто страшное – гул, который невозможно игнорировать. Говорят, хорошая музыка требует напряжения от слушателя. Так вот, это исключение из правил.

Девять часов сидения на одном месте, с прогулками в магазин. Возможно, кто-то захочет устроить перекур и поговорить о музыке. О барабанном пластике. Тема мало понимает в пластике, кроме того, что его надо беречь, а за испорченный – платить штраф. Хотя он и предпочитает играть на барабанах. Но также он мечтает о клавишных. Купить себе какой-нибудь «Курзвейзлер», как его там точно? Пока что он играет на репетиционной «Ямахе», подаренной пять лет назад на день рождения совладельцу точки, а также на «миниКорге», который иногда оставляют диско-рокеры, которые репетируют по три раза в неделю. Он все-таки неплохо может зарабатывать деньги.

А потом ты идешь по улице, в ушах гремит эхо Манчестера 80-х. А на дорогу выбегает лохматая собачка, несколько грязная, но, кажется, почти не бездомная. Она долго смотрит на тебя – по крайней мере, ты так считаешь. Может, ей просто надо иногда поднимать глаза к небу... А ты вытаскиваешь наушники и обнаруживаешь, что вокруг полуночная тишина. Кто ее сочинил? Собака, которая уже мочится на ближайший столб?

У него всегда было плохое настроение в начале дня. Мукаешься. Протираешь глаза, даже если спал 12 часов кряду. Но он же – неудачник-музыкант. Десятки составов, областные фестивали, украденные тарелки и палочки, этот постоянный стереотип насчет барабанщиков. Мол, они странные существа, либо слишком замкнутые, либо чрезмерно общи-

тельные.

И постоянные сомнения, насчет того, а стоило ли вообще нырять в эту дыру с дерьмом, если до океана можно дойти и пешком? Проблемы, головомойка.

Как тогда, когда Тема решил поиграть со знакомыми ребятами, поставил условия – провалится первый концерт, значит, до свидания. Они вышли на сцены в два часа ночи – и им вырубили свет. Тема зашел в гримерку, подошел к двери, за которой лежало оборудование, требовавшее ремонта, и начал ее крушить. Первым ударом пробил дыру в обшивке, второй вышиб правый нижний угол. Его схватили ребята от организаторов, бить не стали, но вдоволь наорались, нагрозились, напились, побратались.

Что делать, внезапные вспышки гнева. В классе шестом он ходил к психологу в порядке профилактики. То есть – все мальчишки как мальчишки, дерутся каждый день. А он два месяца ходит тише воды, ниже травы, а потом как достанет молоток и как стукнет кого-нибудь по пальцу.

– И что там произошло у психолога? – Руслана подробно-сти детства ни капельки не испугали. Во-первых, он считал, что при знакомстве надо рассказывать больше о том, какой ты был, а не какой ты есть. А, во-вторых, когда у тебя в руках драгоценная камера с суммарной стоимостью в две штуки, а ты по жизни лезешь под дубинки ОМОНа, рассказы нердовчиков с проблемами переходного периода не вызывают даже

крохотного прилива адреналина.

– Она постоянно говорила-говорила, а я сидел и не моргал, – ответил Тема, а потом спросил у Руслана, где он нынче живет. Тот ответил, что живет он нынче в большой комнате, набитой друзьями. Они курят в прихожей, каждый раз ему приходится выбирать место для ночлега. Так уж получилось. Фотоаппаратуру он кладет у живота, под одеялом, когда ложится спать. Продолжается эта тема уже больше месяца. Скоро он не выдержит.

– Я жил раньше с матерью. А потом переехал в центр, – сказал Руслан, глядя на поверхность стакана, заполненного чаем. А может, и каким-нибудь глинтвейном.

– Проблемы?

– Что?

– Из-за чего уехал? Из-за проблем?

– Это почему это?

– Ха, да потому что все перемещаются оттуда, где им плохо! И что же, нормально платят тебе за фото?

– Платят ничего так, просто хороших предложений попадается мало. А так – я бы снял чего получше пожить.

– У меня имеется, кстати, предложение! Комната есть в коммуналке, где я обитаю. Она почти пустая. Там пять комнат, одну занял я, а в других пока что никого нет. Без посредников. Водопровод в порядке, наверху чердак для сушки белья.

В это время соседи по костру начали что есть мочи орать под гитару песни великого башкирского коллектива украинских поэтов под названием «ДДТ». Звуки, усиленные при помощи генератора и пары фонарей, оказались окончательно забыты историей. Никаких флейт, аккордеонов, и, боже упаси, струнных инструментов с вниманием к нижним регистрам. Тема переключился на нехитрую походную еду, Руслан между тем побродил по лагерю, пытался снимать в темноте, потому щелкал фотоаппаратом, словно по плану сверху, по 200 раз на дню. Ведь главное – найти призвание и сгноить себя ради него.

К фотографии Руслана приучила мама. Она работала в магазине. Продавала фарфоровую посуду. Магазин располагался в трехэтажном здании, который к началу девяностых, когда мамин стаж перевалил за десять лет, переделали из универсама в торговый центр. Плитка на полу и трубы ежегодно меняли цвет после очередного ремонта. Тем не менее, основываясь на внешнем и внутреннем виде помещения, легко было доказать теорию о том, что, сколько место не корректируй, в нем все равно остается неприкрашенная суть.

В данном случае – суть советская. Которая очень нравилась Руслану. Поэтому он очень любил ходить в универсам. То есть в магазин, где продукты можно брать самому. Позже он даже близко туда не подбирался – не хотел общаться с продавцами, которые знают его более 20 лет.

А когда он еще служил дошкольником, в одном из отделов, в детских игрушках, продавалась марионетка. Несколько шаров, разделенных надвое, именовались лапами, туловищем и головой. Нити от конечностей привязаны к деревянному кресту, которым управляла рука счастливого обладателя. Руслан попросил купить забаву, но ему дали лишь повозиться с ней несколько минут, пару раз пройти по залу, а потом отобрали. В дальнейшем он до самого окончания школы вспоминал этот случай. А если сильно напивался, то рассказывал какому-нибудь случайно товарищу.

Почему люди сами делают игрушки? Потому что процесс изготовления – чистейшей воды fun-fun-fun. Это даже интереснее, чем играть. Потаскал за ухо, показал знакомым, оторвал руку – и до свидания. Сделанная собственноручно игрушка – все равно, что настоящий ребенок. Это не продукт, собранный на фабрике неизвестным человеком и размноженный в огромном количестве.

Самое простое это, разумеется, поделки из бумаги – оригами. А также игрушки из платков и носков – перекрутил, связал веревочками.... И вот он – заяц-страшилище!

Мягкие игрушки шьют так же, как и платья – по выкройкам. Ничего сложного: надо лишь вырезать необходимые части и сшить, а потом набить ватой или поролоном.

Также рекомендуем записаться в кружок резьба по дереву. Всего-то и нужно, что кусок липы, осины или ольхи да острый нож. Лично я так долго засиживался за своим рисунком

оления, что в школу пришли родители. Проведать: может, чего плохого случилось? Не забываем также о советской забаве: выжигании. Сколько миллионов будущих теток и дядюшек дарили мамам сюжетные зарисовки на главные праздники? Сейчас, конечно, смотрится ужасно. Но тогда считалось достойным хотя бы умиления.

Кроме того, игрушки вырезают из фанеры лобзиком. Сначала вырезают все детали, а потом склеивают их. Ну, и последнее – игрушки из глины. Сначала материал очищают, просеивают, добавляют для крепости шамот. Из глины делают отдельные детали, которые склеивают ею же, но разведенной в воде до более жидкого состояния. Потом модель сушат до полного высыхания несколько дней и обжигают в специальной печи. И раскрашивают.

И не забывайте, что никто не отменял луки и стрелы, городки, кораблики и радость человеческого общения! И еще: надо, чтобы у каждого в коммуналке на подоконнике дремала пушистое и усатое существо. К примеру, дикая откормленная рысь. Или примат, предок Сталина или Михалкова.

В середине 90-х, мама Руслана, как, пожалуй, как и все родители того времени старше 30, купила в магазине «мыльницу». Она не хотела работать руками, ей было достаточно одного пальца, чтобы создать забаву на радость взрослым.

И не так купила, чтобы – шла за молоком, а вернулась с фотоаппаратом. Нет, она специально направилась в салон по продаже камер и аксессуаров к ним. И вернулась с коробоч-

кой, производящей изображения и переносящей их на пленку. В принципе, никто, кроме нее, этой штукой в доме и не пользовался. Именно в доме, да-да, редко этот красавец покидал пределы жилища. Мамаша использовала его в качестве историографа – она любила запечатлевать всех побывавших в пределах квартиры людей на пленку. В кадре могла быть ее семья, родственники из другого города, соседи, пришедшие на скромное семейное день рождения. Но самым ужасным было то, что все они сидели на диване. Часть гарнитура. Часть зала. Неизменная часть зала, как мумия фараона в гробнице, третий глаз у медиума, как пятно на брюках после шашлыков на природе. Везде стоял этот чертов диван. Он поработал объекты. Электрический диван. Зубо-врачебный диван. Сплюньте, сплюньте. Больно? А сейчас? АААА...

Потом Руслан поглядел за раз все альбомы, отобрал у мамы фотоаппарат и сказал, что впредь в семье только он сможет щелкать затвором. Ну, или сестра, если станет солдатом и получит винтовку, ха-ха...

Рассказать о предыдущей неделе? Если считать с воскресенья, то в первый день Руслан снимал митинг. Толпа собралась возле «Октябрьского», на тротуарах стояли милиционеры и пускали в кольцо только с одной стороны. У БКЗ курили люди с камерами, позади – чиновники из Смольного. Руслан сначала бродил внутри толпы, делал ленивые сним-

ки — здесь просто разговаривали о том, что цены растут, что охраны слишком много, что надо было митинг разрешить, тогда и ажиотажа не наблюдалось бы. В одном из углов, который был огорожен временным железным забором, стояли три старушки с иконами и пели церковное. Он щелкнул и их. Спустя полчаса в центре площади внезапно начался громкий разговор. Кто-то крикнул: «Старика бьют!». И точно — пожилой человек заспорил с молодым омоновцем, а потом начал биться об него седой головой. Пытались прекратить, подошли другие, сочувствующие. Руслан ринулся со всеми фотоаппаратами в гущу, правым локтем прокладывая дорогу, а левой рукой прижимая к груди фотоаппарат. Он снял, как глядят друг на друга мужчина в ушанке и парень в шлеме и что-то еще. Вдруг оказалось, что никого из демонстрантов нет, движется только колонна ОМОНа, а напротив них стоя фотоаппаратов пятиться назад, вспыхивают лампы. Толпа рассосалась, перешла на Восстания и куда-то еще. Собирались идти на Невский. Руслан подошел к знакомым, те курили и думали, что дальше делать. Решили выждать несколько минут и идти на Литейный. Говорили, что там будут стоять антифашисты, так что возможны хорошие кадры.

Так и оказалось. Стояло около 20 парней, сцепившись руками, глядя вперед, с ненавистью и пустотой в глазах — в сторону митинговавших-бродивших. Когда подошли демонстранты, в их сторону полетела подожженная тряпка. Толпа сначала очертила границу между двумя группами, потом

начали драться. Снимать стало просто невозможно. Кажется, кому-то из коллег разбили голову. Руслан сел на автобус, доехал до Казанского. Там собирались провести еще одно собрание, итоговое. По пути он заметил, что возле Александринки поет казачий хор, звук шел из больших динамиков, он даже разобрал слова песни. Наверное, этот сбор власти разрешили, вот и славно. У собора еще не появлялись лютые массы милиционеров. Разве что ходило по отдельности несколько мелких сошек. Но уже стояли кучками люди. Вскоре кто-то взобрался на памятник и попросил расходиться. Все послушались. Руслан разочарованно присвистнул. Три часа на холоде, а все ерунда.

За пару недель до митинга игралась свадьба, на которой он также работал. У Руслана в тот день случилась поездка на природу – хотелось развеяться. А потому у него осталось всего полтора часа, чтобы съездить домой. Жил он тогда тоже в самом центре. Он скинул фото в компьютер и оделся чуть теплее, потому что погода не жаловала, а в пригородах он достаточно основательно продрог. Однако в загсе натопили так, что с трудом дышалось, но все-таки свежий свитер не мешал, а помогал – ведь фотограф тоже должен выглядеть празднично.

Скучно рассказывать об этом. В свадебной фотографии почти нет фантазии. Надо снять вход в зал, напряженное вслушивание в слова, роспись, поздравления. Потом – прогулка по городу, шампанское, на фоне Стрелки, на Дворцо-

вой и так далее. Ах да, начало – одевание невесты, жениха, выкуп ему почему-то зафиксировать это не разрешили. Экономили. Но в кафе позвали – иначе зачем вообще приглашать гостей и выставлять полный стол кушаний и напитков?

Он по обыкновению сначала встал в стороне, сделал несколько общих кадров. Ожидал, пока гости выпьют, расслабятся. Запоминал самых важных родственников. И постоянно щелкал невесту. Не то что бы она казалась очень красивой девушкой. Но ему постоянно казалось, что глаза у нее сейчас увлажнятся. Это ей невероятно шло. А он не мог пропустить хорошие мгновения.

Девушка поманила его пальцем.

– Пойдем отсюда. Иди, не бойся.

Руслан оглянулся – свадьба находилась в той стадии, когда ни песни, ни конкурсы, ни артобстрел уже не спасут положение. Он переложил камеру в рюкзак и двинул за угол.

Невеста стояла выхода во внутренний дворик и смотрела на него. И кривила губы.

– Не помнишь уже? Ольга меня зовут. Выйдем?

– Я думаю, это можно. Снимки сделать хотите?

Она закрыла дверь и сказала:

– Послушай, как тебя?..

– Руслан.

– Руслан, ты на меня всю свадьбу смотришь. Нравлюсь я тебе?

– Как фотографу.

– Послушай, я пьяная сейчас, сейчас все пьяные. И я подумала: почему я такая правильная, а? Выхожу вот замуж, за мальчика, у которого родители – моим предкам в предки годятся. А он мне почти мил, да. Я, наверное, в него скоро влюблюсь. Но мне не нравится, что я такая хорошая. Вот ты же все на этих свадьбах видел?

– Ну да, мне приходится много кадров удалять по ночам, если ты об этом.

– Тогда... Поставь куда-нибудь свой рюкзак, а то неудобно. У тебя есть презервативы?

– Вообще-то, Ольга, это не в моих правилах.

Девушка, поправляя платье, сказала:

– Ха, интересно. Ты любопытный экземпляр, ты это понимаешь? Я же сегодня, возможно, в своем лучше варианте. Помнишь еще, как меня зовут? Или брезгуешь?

– Ольга вас зовут. А меня Руслан. Так в паспорте, по крайней мере.

– Может, позже где-то еще увидимся? Хотя, возможно, тебе не интересна богатая сучка, да?

– Почему же, наверное, они всем интересны.

Оля попросила бумагу и ручку, написала десять цифр и попросила позвонить через неделю. Если что – пусть говорит, что захотел пофотографировать.

– Я тебе нравлюсь, как человек? – Оля достала тональный крем и начала поправлять макияж, так что на Руслана она не глядела.

– Вроде бы мы не так уж много общаемся. Пока что только фото и флирт.

– А я расскажу тебе историю сейчас. Тебе придется послушать.

Она из Выборга. Все парни ее оказывались бандитами, а она ездила в Финляндию слушать НІМ, тратила деньги на косметику и обувь. Переехала в Санкт-Петербург, на Литейный, работала парикмахером, пошла однажды на ярмарку красоты, сооружала модели какую-то прическу, бежала в туалет, сшибла по пути аккуратного мальчика, которого заманили на мероприятие бывшие одноклассники. Алле-хоп, свадьба.

– Вообще, у нас, конечно же, мало общего с Максимом. Я думала, понимаешь, что достаточно одного коннекта, что-бы.... Но он – не через сердце проходит, черт побери... Я первая выхожу. Ты через пять минут. Позвони, не забудь. Поболтаем.

Тема подул в стакан, посмотрел на свет и спросил, – успев подумать о том, что все это, конечно, хорошо, но пока что ему надо ехать с утра до Финляндского вокзала, а потом на Ваську и спать в комнате, где хранятся инструменты и не выветривается запах сигаретного дыма. Спросил:

– А ты обнаженку снимал когда-нибудь?

– И не только, ага... Вообще, снимать ню – скучно. Там много всяких клише, да и люди не такие красивые, как в жур-

налах. Я же не могу их покрывать искусственным загаром и тональным кремом. А у них самих очень завышенные представления о себе. Так что если только сильно попросят. Или много заплатят. У меня девушка есть, Оля, я вот на ней тренируюсь.

– Ты как-то странно про это сказал.

– Так девушка, как бы сказать, свежая еще. Странная вообще история с ней. Не хочется рассказывать.

Фотограф, как и любой человек творческой профессии – это персонаж своей истории, живущий от заказа до заказа. У него нет четкого деления времени на отдых и работу. Временное трудоустройство – а ощущения такие, словно ты просидел в одной и той же конторе три года. Постоянная беготня – за людьми в поисках хорошего кадра. А затем и денег. Паузы, которые воспринимаешь как конец карьеры. Неуверенность. Это и есть взрослость, как считает Руслан.

Если его спросить о том, можно ли научиться так называемому «эстетическому видению», он пожмет плечами. Руслан постоянно смотрит на мир так, словно наблюдает за ним через объектив. Старается ограничить возможности зрения, оквадратить или наложить фиш-ай.

Есть фотографии, которые не снимают похороны. Не пытаются поймать человека в тот момент, когда он ужасно смотрится. Но зато почти все они собраны и аккуратны. Это стиль.

У него принципов в отношении грусти нет. И в отношении кривости тоже нет.

Вот у него 20-й «Сапог» в руках, а ведь это не дешевая штука, но ведь это и не понты, это для работы. Можно делать пять кадров в секунду, чувствительность – от 100 до 1600 ISO, вам не понять, а если вы покажете образованность, камера все равно его, а не ваша.

– У меня есть образование, я в специальной школе учился. Но все равно – основное в работе. Можно поступить во ВГИК, на отделение кинооператоров, учиться пять лет. Есть еще семинары от разных фирм, – говорит Руслан привычные уже фразы.

– А ты пьешь на свадьбах? – задает Тема привычные уже вопросы.

– Ну, рюмку может быть... А вообще многие спиваются. Такие, как я – бытовые фотографы. Хотя и художники тоже. Вот те, кто на заводах или в УВД – там само собой. Хотя они ведь милиционеры, что тут может случиться? Всякое.

Есть вещи, о которых ты жалеешь десять, а может, и двадцать лет (*я не знаю, я не уверен, мне-то всего лишь почти Двадцать Семь*). Руслан вспоминал иногда концерт в Ленсовета, в который он пробрался в 19 лет на акустическое выступление. Бесплатно. Он сидел в комнате, откуда раньше показывали фильмы, в будке оператора киноаппарата. Рядом толпилось еще человек пять, сплошь незнакомые люди. Три

девочки, мужчина на стуле и, по видимости, его сын. Никто не обращал друг на друга чрезмерно много внимания. Впрочем, одна из девушек стояла к Руслану ближе всех. У нее были узковатые глаза и летнее платье в черно-белую полоску. Она стояла, прижавшись к стулу, за мужчиной, видимо, отцом, и напряженно смотрела на сцену, которая располагалась достаточно далеко, чтобы делать именно так. Руслан замер возле нее, схватившись правой рукой за левую, которую поневоле прижал к бедру. Потому что в комнате оказалось тесновато для стольких халявщиков.

Концерт оказался скучен. Много акустики, болтовни с залом.

Было видно, что музыкантам, большинству из них, неинтересно стоять на сцене. Главная причина их появление – вокалист, который не усидел в студии и решил прогнать новые вещи на публике. А потому спустя 40 минут Руслан начал смотреть по сторонам, постоянно спотыкаясь на соседнем платье и лопатках, выглядывавших из-за выреза сзади. Под лямками кожа за лето не успела загореть (стоял холодный август). Наверное, готовилась к экзаменам, подумал он, так и не удалось выбраться на пляж. Сам он любил ездить за Молодежное, где не строили ресторанов и не производили шума. Последние полгода он не любил массовых прогулок, а летом предпочитал фотографировать, хотя – что может быть зануднее съемок на природе?

Стараясь не зевать, он пошевелился и столкнулся в полу-

тьме с девичьей рукой и не захотел оказаться придурком, потому не дернулся назад, а замер. Прошла минута. Он решил-ся и провел пальцами по ее ладони. Несколько раз. Девушка повела плечом, но продолжала смотреть концерт. Забавно, можно ли также делать в метро? Это можно причислить к фроттеризму? Это здоровое влечение? Он сжал руку в кулак и прижался к ее линиям жизни и судьбы, словно пытался оставить там мелкие отметины. Она повернулась буквально на 25 градусов вправо, посмотрела на него. Вернулась к сцене. А он продолжал гладить ее руку. Она подалась вперед, контакт оказался нарушен, но потом вернулась на место. Схватила его пальцы и крепко сжала. Концерт явно заканчивался. И он подумал – и что дальше? Я поведу ее сейчас за угол и поцелую, обнимая за талию? Или что-то скажу в начале? И мы проведем три недели вместе, пока не поймем, что характер не определишь по руке, а потому не стоит трать-ть нервы и время ради нескольких любовных ложек?

На бисировании он повернулся и резко вышел из комнаты. Стремительно прошел по лестницам, спустился на этаж ниже, открыл дверь в курилку, затем черный вход-выход – и ушел в сторону Кронверкского проспекта, мимо бутиков и аптек, дальше и дальше, а потом до Стрелки, хотя жил совсем в другом конце города.

С утра Руслан с Темой приехали на Финский вокзал. Перебежали через пути, вышли к поездам, празднично побрели на-

встречу уже проводившим своих людям. Сбежали по эскалатору до глубины сонного метро. Сели в самом углу вагона и поехали смотреть комнату. Заплатить агенту – ему звонили вчера ночью (потому что таким людям – всегда можно, в любое время) – надо было совсем немного, потому что Артем знал ее лично, а друзьям или знакомым всегда делают скидку. Невыгодно – не делать. Обиды, знаете ли, копят-ся быстрее, чем дивиденды, а навредить в таком деле каждый сможет. На Сенной они встретились с Мариной Гавриловной. Проработав за годы работы в сфере услуг населению, она вдоволь наобщалась со всячески малоадекватными и приятными будущими квартирантами. В том числе и с немалым количеством музыкальным маргиналов (у ней у самой сын играл на басу, а также бегал мелким риэлтором). Они вместе прошли по Садовой до побитой ремонтными работами площади Тургенева, свернули направо, перешли канал Грибоедова и остановились на перекрестке.

– Я специально иду прямыми улицами, чтобы вам было понятнее, – сказала женщина, – я сама тут редко бываю, не особо мой профиль. Я как-то больше по окраинам.

– Тут поблизости есть сквот, где живет группа «Психея», – сказал Тема, показывая на одно из вполне приличных с виду зданий.

– И что – они в гости к тебе заходят? – съехидничал Руслан, поправляя рюкзак с аппаратурой и прикидывая, как ближе добираться отсюда до метро (с тем, что он в комнате

поселится, чего скрывать, фотограф решил заранее).

– Нет, просто сказал. Я вообще не люблю такую музыку. Все думают, что драммеры слушают только тяжелую всякую шнягу – или нечто нераспространенное особо, типа фриджаза свежего. Или просто хард – хард-кор, хард-рок или харди-гарди. Но у меня есть друзья, которые с ними общаются. Место неплохое, правда? Мы еще не дошли, впрочем.

Они потопали дальше и уже через пару минут стояли у открытой парадной. Поздоровались с подошедшей через пару минут хозяйкой – стандартной теткой под 40 со стальным лицом и короткими руками. Поднялись по винтовой лестнице до пятого этажа в полном молчании. Уже у двери мадам-квартиросдача сказала:

– Можно было и на лифте, но я сразу предупреждаю – он может и не работать.

Войдя последним, Руслан сразу двинулся в сторону ванны, заглянул на кухню, спросил о том, какая тут вода на вкус и цвет, доходит ли всегда и не шумно ли. А затем поинтересовался у риэлторши:

– Скажите, а вот эта ближайшая комната свободна?

– Левая занята, а ту, что справа, я хотела вам предложить. Вот... Тамара Ивановна, а где у вас ключи?..

– А шкафа нет? – спросил Руслан.

– Увы, нет.

– Ну и не надо. У меня вещи почти отсутствуют. Я у матери возьму что-нибудь деревянное. А холодильник работает?

– Да, он старый уже, но не ломался ни разу. Током не бьет, размораживать надо редко.

– Хорошо... В общем, я согласен.

Когда агент и хозяйка ушли, довольная, и при деньгах, Тема сказал, что ему уже надо ехать на работу, а поэтому:

– Ты сейчас будешь переезжать?

– Я посплю немного. После полудня начну, – Руслан почесал редкую бородку и решил, что ее надо сбривать. Не идет она ему. Увы. Думал, что чем больше волос на лице – тем больше шансов адекватного восприятия его личности. Шиш. Все равно локтем отодвигают и паспорт просят.

В комнате у Темы лежал большой синий матрас, под который он заботливо положил еще и старый ковер со следами от кофе и кошачьей мочи, не нашедший применения на базе. Напротив – маленький телевизор с DVD. Телек он добыл бесплатно в Интернете, а плеер купил на распродаже ну совсем за недорого. Рядом лежали стопки дисков. Сплошь музыкальные концерты. На окнах – синие грязноватые занавески, тут же еще и шторы в тон. Над матрасом закреплено большое бра. Неизвестно, какая у него роль, ведь, похоже, Тема, книг по вечерам не читает. А, вот оно что – никакого другого освещения в комнате нет.

– А ты стучишь тут на своих барабанах?

– Зачем? Я это по утрам на точке делаю. У меня там все барахло и лежит. К тому же грохота мне и потом хватает.

Я же иногда еще и преподаванием занимаюсь – чтобы как-то финансы сходились. Редко, правда, нет особо желающих – статуса не хватает. А если берусь, то довожу до определенного уровня, чтобы все еще казаться барабанщиком экстра-класса – и прощаюсь. Стучат после меня, по крайней мере, ровно.

Мама, с которой он жил то ли в районе Черемушек, то ли Черкизовского, но точно что-то на букву Ч, не отпустила бы его в Питер, применив метод прекращения финансирования. А тот его малый барабан звучал отлично, прекрасно звучал – большой, круглый, есть еще несколько факторов, но мало кто их поймет без соответствующего объяснения. Скажем так, услышав игру на нем, любой бы сказал: «Эге!». Новый пластик, настроил человек с абсолютным слухом. Тема мог бы продать еще и тарелки, но, во-первых, они принадлежали не совсем ему, а во-вторых, хотелось стучать в Питере не по малознакомой и чужой фигне, а на проверенном и любимом. Которое можно спрятать, скажем, в диван, на котором все пьют чай в середине репы.

Ну, а про синтезатор лучше вообще не говорить ни словечка, ни полслова.

Когда Тема ушел, Руслан лег подремать, в итоге поспал два часа, проснулся к обеду, вышел на улицу, купил в магазине на первом этаже кефир, подумал – как это клево, ходить за продуктами в тот же дом, где живешь! И решил для на-

чала съездить к матери, попросить какой-нибудь мебели для комнаты. А потом уже взять вещи со старого места.

Мама обитала на улице Дыбенко в двухкомнатной квартире вместе с дочерью, младшей сестрой Руслана. Он и сам там просидел-проел-проругался до окончания университета. После развода родителей – он тогда учился в восьмом классе, – папа уехал в Москву обустраивать новую жизнь, вестей о нем доходило немного. Кажется, он начал работать мастером по отделке или супервайзером. Руслан не любил ездить в Москву.

Про район вокруг станции «Улица Дыбенко» ходит множество легенд. В 2008-м его хотели официально назвать тамошнее метро «Веселым поселком» – но властям стало очень жалко жителей. Этот район – бывшая главная нарко-точка Питера. Здесь можно было достать все. Потому одна из школ рядом с метро именовалась «синей», а вторая сидела на героине и амфетаминах, курила травку и ходила биться с соседней. Когда Руслан начал ездить учиться в центр, стоял в вагоне с рюкзаком в руках, сдавленный тетками и дядями рабочего возраста, он был все же рад, что проживет несколько дольше, чем те парни, что орут на всю улицу в четыре утра пьяными голосами.

Веселый Поселок известен тем, что его показывали в фильме «Интердевочка», что здесь не хватает детских садов, зато много алкоголиков и наркоманов. А также супермаркетов и бульваров. И имитацией лесопарков. До револю-

ции жили почти те же самые – дачники и пролетариат. Если пойти от Поселка на север, можно найти артефакты истории, вроде Храма Святого пророка Илии на Пороховых, Александровских ворот или дачи Безобразовых. А если пойти на юг, то рассчитывать приходится разве что на ножик в районе шеи и минус кошелек.

Дорога до метро заняла в первый раз 20 минут – мимо Мариинки, где уже разбирали леса для так и не построенного второго здания, по композитора Римской-Корсакова, налево и прямо до упора. Он нашел карточку для метро, вновь пробежал эскалатор и вскочил в вагон, когда двери уже закрывались. Его сшибло на довольного алкаша. Руслан поспешно извинился и встал у дверей напротив. Подумал, что рюкзак с аппаратурой не стоило оставлять дома. То есть в новой комнате. С другой стороны, сегодня у него выходной. Нет, ну чего волноваться?

Подумать лучше вот – с одной стороны, если люди жили столько лет вместе, тебе кажется, что у них идеальные отношения. Если это не твои друзья, тогда – родителя. Вариант А: ты видишь их на совместных тусовках, они держатся за руки, на дачных пьянках стремятся уединиться в отдельной комнате. Так, что ты слышишь стоны и вздохи в три утра. И думаешь, что все замечательно. Потом ребята-зверята расползаются по норкам и злобно рычат. Вы собираетесь в сторонке и обсуждаете их поведение. Мол, что за дела? Они же

неразлучная пара, у них не может быть проблем. Потому что только после проживания собственного и аналогичного опыта понимаешь, что нет ничего болезненнее долгих отношений. Смирение и молитвы помогут.

И даже если мама с папой кричат друг на друга в прямом эфире телемоста «кухня-зал», предыдущий опыт дает тебе возможность для положительных прогнозов. Это их привычки, это их победы. И поражения. Тебе достается роль историка, который постарается не повторить их ошибок.

Он прошел мимо одной школы, потом и второй – в ней он учился до 7 класса, потом зачем-то захотел поступить в военную академию, завалил экзамены, вернулся, получил кличку «Прапор», а потом постарался и перевелся в заведение в центре, где его научили пользоваться камерой. А до этого он вместо учебы чаще всего ходил по Искровскому или даже по Староневскому. Если бы проводились чемпионаты по медленной ходьбе, он получил бы звание самого медленного. Как могли бы говорить в Одессе, где до сих пор есть зимнее и летнее время, самого чемпиённистого.

Мама отозвалась на домофон почти моментально (ключи он ей отдал еще в прошлом году). Обняла, провела через коридор, завешанный бельем, прикрыла дверь, где спала старшая дочь после ночной смены на заводе. Усадила на кухне. Налила чаю. Подвинула конфеты – коробка уже полупустая, но – его любимые. Расспросила о новом месте жительства. И начала тут же главный разговор, благо, он шел уже не пер-

вый месяц.

– Я тебе предлагаю эту квартиру продать и купить на нее еще одну двухкомнатную и однокомнатную. А твоя сестра, думаю, скоро выйдет замуж.

– Само собой.

– А вот ты себе жизнь никак не наладишь. Я ходила уже в банк, посмотрела условия. Можно взять кредит на нужную сумму. 13 процентов годовых. На 10 лет. Платить будешь ты, уж извини.

– Да я не против, просто...

– Что просто? Ты опять за свои идеи принялся? Хочешь всю жизнь пробегать с фотоаппаратом и спать в съемных квартирах?

– Меня это устраивает. Я сейчас не хочу что-то резко менять. И эта ипотека... У меня уже есть друзья, которые пробовали покупать жилье. Мне не нравится, как они теперь выглядят. Тем более этот кризис еще... Я хочу, чтобы все шло само и двигалось вперед.

– Не будет, сынок, ничего само. Все меняются, принимают решения. А покупать сейчас самое-то, метры дешевеют, а кредит совсем небольшой, такой брать легче.

– Я не хочу потом жалеть.

– Так не бывает, Руслан. Нельзя так жить, не жалеть того, что случилось раньше. Если у тебя есть опытные друзья, так спроси их – они ведь хотят жить спокойно?

Руслан сосредоточенно глядел на комод, за которым он,

ориентировочно, и приехал, а мать спросила:

– Тебе до сих пор мерещатся эти пальцы на фотографиях? Профессиональное такое заболевание, кажется?

– Что? – Руслан отхлебнул из чашки чая и потянулся за печеньем. – Я вот за этой штукой приехал, отдашь?

– Ты ходил к врачу? Ты, кажется, слишком много работаешь, устaeшь, а выгоды мало.

– Никуда я не пойду, – и он попытался, как птица, спрятать голову подмышку. – Это моя профессия. Мне она нравится.

– Ох, как ты там жить будешь, в коммуналке своей? – всплеснула руками мама. – Не представляю. Не представляю.

– Конечно, потому что не жила, – усмехнулся Руслан.

– Похами мне тут еще. Значит, комод? Забирай, мне не жалко. Но и про квартирку подумай. Ты же знаешь, что это все ради тебя.

– Ну... – замаялся юный фотограф и решил, что сейчас уже стоит прощаться.

– Да знаю я! Всего добиться самому, никому не быть должным! Ладно. Вызывай такси или что-то там.

– У меня сейчас должна ГАЗель подъехать.

И в доказательство его слова на улице послышался гудок.

– Как по часам. Все-то ты знаешь, – подперев щеку, сказала мать. Звали ее, кстати, Анной Андреевной, считала свой род русским до самого крещения будущей империи, а вот

сбежавший отец так толком и не объяснил, в какое посольство при случае еще можно будет обратиться.

– Привычка.

– Лучше бы ты на мои просьбы откликался, – Анна Андреевна начала собирать посуду на столе и складывать ее в раковину.

– Ладно, мам, я поехал, – глядя мимо нее, сказал Руслан и пошел выяснять, что там с ГАЗелью.

В кабине сидел мрачный еще с утра Сергей. Он пробурчал вместо приветствия:

– Деньги на бензин давай. Чего задержался-то? Куда едем?

– В район Коломны.

– Это там, где семь мостов и Новая Голландия? Романтика!

– Наверное-наверное, я там собираюсь жить, а не плавать. За час доберемся?

– Даже быстрее, – и Сергей отпустил сцепление. – Хочешь, приколы расскажу? У меня тут дядю тормознули в Египте в самолете. Он пошел за три дня до этого посмотреть пирамиды. Стоял там рядышком, восхищался, а потом видит – лежит камень красивый. Он его взял и в карман положил. А в аэропорту – контроль, досмотр. Открывают его сумку, ворошат там рубашки и шорты, а потом говорят – пройдемте. Оказывается, нельзя ничего брать в районе пирамид. Тем более всякие образцы пород. А уж везти это домой – вообще

подсудное дело?

– Что – национальная реликвия? – усмехнулся Руслан.

– Получается так. Он восемь часов просидел в местном отделении милиции, пока составляли протокол. А могли посадить реально.

– За камешек?

– А черт его знает, что это за камешек. Может, им убили кого-нибудь. Или это кусок носа Сфинкса, забытый варварами. Я вообще думаю, что там нет никакой истории – такие вещи должны лежать за стеклом, чтобы вакуум был, покой. А если миллион туристов наследило – это уже история туризма. Мерчендайз, верблюды.

– Ага. Если ты пронес мясо верблюда через таможеню...

– Да не избегнет тебя карающий меч! Как, кстати, коммуналка? Кто живет?

– Да музыкант один. Еще три комнаты пустуют.

– Слушай, – Сергей одним глазом продолжал смотреть на дорогу, но его, похоже, больше интересовала вот эта свежая информация. – У меня есть барышня одна знакомая. Инна, шсекретаршей работает в фирме по поставкам холодильного оборудования. А может, и отопительных систем, я забыл. Она жилье ищет. Такая боевая барышня. Карьеру себе делает, все время на работе. Мешать не будет. Проблем не создаст.

– Ну, там можно договориться. Еще три штуки сверху, правда, платить риэлтеру.

– Ну, это вменяемо.

– А ты-то, откуда знаешь? Всю жизнь на Петроградке живешь.

– И чего? Я тебе даже завидую иногда. Всегда можешь положиться на себя.

– Э, давай не продолжать? У тебя есть законные метры жилплощади и машинка на привязи. А у меня только камера за космическую сумму.

– Ничего-ничего, ты у нас гений, все к тебе само приползет. Так дашь телефон агента?

Вторая, с письмами и воспоминаниями

Эта глава будет либо самая короткая, либо не очень. Не знаю, как получится. У меня тут синдром Теодора, так что примите это к сведению и сильно не ропщите. В ней говорится о квартире, где жили все участники этих вполне обычных событий. Когда я говорю об ординарности, я имею в виду то, что такие вещи случаются сплошь и рядом. Я не собираюсь кромсать тут «Криминальную хронику» и разливать кровь из кувшина, потому как, кажется, нет более банальной для современного человека трагедии, чем чужое убийство. Нас мало трогают проблемы иноверцев, тех, кто верит в свою жизнь, а не в нашу. Нет, никаких ножей в спину, топоров в тумбочке, стертых номеров пистолетов, и даже сломанных стульев. Я за правду без перекрестных допросов. И покаяний... на перекрестках, словом, отстаньте, иначе уже

ничего не расскажу.

Квартира, кстати, казалась очень даже большой, в ней имелось – давайте снова посчитаем вместе – вот, как раз пять комнат, как удачно, правда? Прямо по курсу после поворота от входной двери – небольшая ванная комната: чугунка, кафель, чуть-чуть места для будущей стиральной машины. Слева – две горенки-палаты-светелки, туалет, кухня, справа – все остальное. Потому первые две жилые клетки чуть меньше остальных, и, пожалуй, по совести, и немного дешевле, но я в бумаги не смотрел, цифр не знаю. В первой живет – Даша, за стенкой – Марина. Они говорят, что выбрали эти комнаты как раз из-за цены, а Марина еще и потому, что она мало проводит времени под крышей, больше – на танц-поле и подсобных ему помещениях. Так что ей все равно где жить, лишь бы поменьше свободного помещения. Вы ничего не знаете об этих двоих, но я расскажу их истории позже, поскольку не хочу вести разговор без присутствия героинь. Но мы поверим.

Напротив Дарьи живет Руслан, его соседи – Инна и Тема. Артем, как заехавший в пустую квартиру первым, поступил мудро – он выбрал помещение, которое находится ближе всего к кухне и ванной. Руслан, напротив, выбрал комнату ближе к выходу – он хочет быстро выходить отсюда, не привлекая внимания.

Квартиры и пассажиры, эх... Мы будем сначала жить в квартире, которую сняли у знакомых, потом переедем к черту на кулички втроедорога, потом рассоримся с сожителями, найдем комнату в самом центре, куда будут ходить толпы любителей общения, далее нас забросит за город, к печам, древним кроватям и электричкам по утрам. Наверное, к концу жизни мы будем снимать два жилища в Москве и Петербурге, где-нибудь в районе Девяткино и Черемушек.

А спать будем в поезде, в купейном вагоне, выпив предварительно коньяка на ночь с соседом, едущим по делам в другую столицу. И не потому у нас не будет собственного угла, что не будет у нас денег, но потому что уже потеряем мы это чувство тепла, а может, и сырости, которые присущи этой площадке под крышей, в которую приходишь и как в могилу, и как в рай. Человек переносит в новую квартиру память о старой, только потом он уже разбрасывает по ней события и носки. Но сначала надо иметь запас в душевном блокноте, который бережется у самого сердца. Но он, кажется, потерян, или просто вырваны лучшие страницы.

Извини, пожалуйста, не я это придумал. Даже завзятый хитч-хайкер хочет иметь небольшой уголок, где он будет сушить свой костюм желтого цвета и править путевые записи красной авторучкой. Все будет хорошо, а пока надо притворяться, что нам не нужно слишком много стен, чтобы чувствовать себя обособленным организмом. Который может заботиться о себе настолько долго, насколько это потре-

буется до того момента, когда ему выдадут ключи. Коих более ни у кого нет.

[illegible]

Больше ничего и нет, кроме специального фото-рюкзака и зеркала рядом. Даже шторм. Руслан хочет купить большой отражатель, чтобы заслонять солнце. Хотя ему приятно, когда утром оно светит прямо в глаза. Свет – это его хлеб.

Но все это вам не так интересно, правда. Еще никто не приехал, только два парня из породы гладкошерстных зануд.

Я это точно знаю, ведь я встречал множество барабанщиков и фотографов в своей жизни, которая длиной уже в несколько эпопей. Они либо весельчаки, либо тихони-меланхолики. Руслан с Темой – точно вторая категория. Иначе бы они не жили в спартанских условиях в самом центре города, где много алкоголиков, продуктовых магазинов и есть Мариинский театр. Я недавно ходил туда на премьеру балета, музыку к которому написали люди от хип-хопа. На сцене стояло пятеро танцоров, один из них – Рефери. Классические движения и художественная гимнастика – страшно и завораживающе. Вместо спокойных мелодий – сухие, срывающиеся биты, немного клавишных переборов в самые лиричные моменты. Соло Рефери сопровождается имитацией барабанов от битбоксера. А в условной третьей части на зал обрушился скорострельный МС с рассказом о кометах, метро и драке между работниками балета и автором. Сидящие рядом с нашим репортером две тетушки, аплодируя, заявили: «Нам нравится. Так не обычно!». И, похоже, весь зал стоял на ушах. Когда еще в Маринке не звучала экспериментальная электроника, а уж о рэпе тут вообще не помышляли.

Но этого в книге не будет. Как и не будет, кстати, группы «Психея», которая где-то рядом проживает. Я об этом читал в интервью и других компостах целлюлозы. Не бывает, увы, чтобы все вместе случилось и в одном месте. Несмотря на то, что Артем работает на репетиционной точке, на которую часто заходят какие-то темные звезды подполья. Накле-

ить объявления, спросить про аппаратуру. Вы же знаете музыкантов – всегда норовят организовать сторонний проект, чтобы не ходить на репетиции или подзаработать на забаве пару тысяч.

В книге, скорее всего, будет написано еще и о том, что вы будете чувствовать, когда за вами постоянно следят. Или предлагают пообщаться с высшими существами. Или когда вы узнаете, что эти двое – брат с сестрой. В общем, сплошная жизнь без перерывов. Ладно скроенная, на первый взгляд обыкновенная. Однако, ни разу, повторяю, ни разу не встречал я одного и того же человека в вагоне, в котором ежедневно езжу на работу. Неужели в большом городе не могут найтись люди, которые живут по тем же законам, плывут по тем же потокам? Они смотрят на текст и бегут в Гаагский суд, где им говорят – товарищи, как вам не стыдно признаться в своей ординарности? Вы же даже не эталон, а его кривое подобие!

Пройдем, шаркая обувью, на кухню. В проходе, на гвозде, висит ключ от чердака. По правую руку – первое подобие гарнитура, он почти ничем не отличается от остальных – ДСП в качестве основы, грязновато-белый цвет дверей, боков и верха облагораживают голубые круглые нашлепки, они же ручки. Один из углов распух от сырости раза в полтора.

Следом расположилась черная, сияющая блеском плита с четырьмя электрическими конфорками. Другая, аналогич-

ная, стоит рядом с нами по левую руку, у окна, прямо напротив входа.

Хотя на одного человека, на самом деле, приходится не один миниатюрный очаг, а даже чуть больше. Каждый раз новые жители сами определяют, помечать ли их, как собственность, или пользоваться наобум, по воле случая и свободы. Есть в стране негласное правило, что у любого человека, который провел всю свою жизнь в соседстве с несколькими неродными ему индивидуумами, должно быть что-то незыблемое. Для некоторых это несколько синих огоньков вокруг круглой железки, на которой готовится пища. Я не знаю, ради чего еще женщина 49 лет может поднять шум. Хорошо, что сейчас здесь таких нет.

Все остальное пространство по периметру занято шкафами, шкафчиками, тумбочками, разделочными столами. В центре кухни, очевидно, по взаимной договоренности, поставили огромную столешницу – на ней удобнее всего резать овощи и мясо и смотреть в висящий над головой маленький цветной телевизор.

В крайнем от нашего местоположения правом углу мы видим дубовую деревянную дверь, ведущую на крохотную площадку, а потом и на чердак. На этих лестницах никто давно уже не ходит. Во избежание недоразумений все пользуются другой парадной, выходящей прямо на улицу. Здесь курят, иногда плачут, носят белье на сушку. Из чердака очень тяжело выбраться на крышу, как бы не хотелось, потому что

все окна заколочены и запроволочены.

Что еще рассказать? Вода в ванной течет с примесью глины, от горячей порой исходит странный запах – как будто долго варили мясо, отвар слили и оставили догнивать. Иногда и эта жидкость не доходит до жителей – если их соседи с утра разом ломанутся чистить зубы. Санузел (что размещается между убежищем Марины и пристанищем Дарьи) узок и высок. Можно повесить библиотеку, положить туда все сочинения Бакунина и Ленина. И еще останется место.

Пол в коридоре покрыт паркетом, который скрипит на каждом шагу, пузырится на счет «восемь», отсутствует на пятнадцатом, тридцатом и далее. Здесь лучше перемещаться на скейте, роликах, велосипеде (на кухне лет 20 назад один из случайных баловней судьбы постелил линолеум). Круглосуточно горит свет – пять ламп без абажуров и других украшательств. Яркое желтое пятно на потолке – ближе к кухне, очевидно – яичница. Или следствие потопа. На одной из стен висит стенгазета, точнее – скелет стенгазеты. Наклеены заголовки, но поля для текстов пусты. Под этим незаконченным всплеском вдохновения расположилась полочка с телефоном, украшенная счетами за электричество и жилье. Счетов очень много.

И это не случайно. Собственно, эта квартира досталась риэлтерской конторе в результате хитрой операции. Сначала пришла милиция с предложением выплатить всю квартпла-

ту. На следующий день – фирмачи с деньгами и проектом, в котором после улаживания проблем с властями жильцы уезжали восвояси с хорошей суммой в кармане. Коммуналку перевели на фамилию одной активной тетушки.

А жалко было лишь одну семью: в ней жили, кроме мамы с папой, бабушка и полуторагодовалый ребенок. Мальчик. Эпохи вымирания. Страны.

В первом классе до 90-го года училось много детей. Не знаю, сколько их там сейчас. Но Руслан учился в классе «И». Нечего с этим не поделаешь. Перепроизводство значков для октябрят, напряжение на кухне школьной столовой во время подготовки к обедам и общее безразличие к индивидуальности.

У Руслана был друг, Антон. Он сидел на первой парте, когда как Руслан – на самой последней: маленький, шупленький, но умный. Мало кто об этом знал. Ну, разве что Антон. С ним они лазали по стройкам и вырезали звездочки ниндзя из плексигласа. А в конце третьей четверти осуществили свой единственный performance. Происходило это так. Им приказали поучаствовать в школьном вечере. Спеть песню, станцевать танец, навести глянец. А они вдвоем решили показать сценку. Авторскую. За основной источник взяли «Буратино» Алексея Толстого. Картинка с остроносой деревянщиной, спрятавшейся за петухом, почему-то навела их на мысль о привидении. Они нашли простыню у Руслана до-

ма, честно поглядели его маме в добрые тогда еще глаза, выпросили разрешение в расплывчатой форме и прорезали две дырки. Простыня навеки испорчена, костюм готов. Сценарий написан в общих чертах.

«Акт первый. Появление главного героя. Появление при видения.

Второй акт. Выяснения отношений.

Третий. Оба расходятся. Чтобы позже появиться из-за кулис для аплодисментов».

Я не знаю, почему они сделали так. Вышли перед полным актовым залом в три часа дня, три минуты говорили ерунду и разошлись. И им бурно хлопали. Думаю, лет через десять они могли прочесть в какой-нибудь книге по современному театру, что это было спонтанное творчество. Революционно для первого класса. Время для того, чтобы гордиться, уже упущено.

Мама Руслана, довольно посредственный, но дипломированный психолог, не нашедший применения своей специальности, а потому ушедшая в торговлю, считала, что это, наверное, юношеская сублимация, ответ на отсутствие внимания со стороны других лиц, чаще всего – иного пола. Хотя какие девочки могут быть в первом классе? Только те, что за партой рядом с тобой, в других и не влюбляешься. За ними ходишь по коридору, ради них стукаешь одноклассников портфелем и подсовываешь товарищ в отместку неверные решения на первой контрольной.

А еще мама находилась в предразводном состоянии, так что – как ей-то верить?

Коммуналка сия не вчера построена. И историй в ней – как и в каждом доме с полуисправным санузелом – хватит, чтобы обеспечить брошюрами целую районную библиотеку в Агрызе. В начале прошлого века в этой, тогда еще совсем не коммунальной, но квартире, жил и творил великий, по мнению окружающих (и самого себя) русский поэт Константин Владыкин. Неизвестный советским учебникам, он проживал вместе с отцом, мачехой и старшей сестрой Валентиной. Печатался в «Цветнике» и «Вестнике вегетарианства». Любил курить кальян в одиночестве, по случаю купил в антикварной лавке на Гороховой два иноземных меча. После революции работал в РОСТА. В квартиру еще в 20-е годы въехали рабочие семьи. Уплотнение Владыкин с семьей (он недолго был женат и сына смог оставить себе, а жена уехала с горя в Сибирь покорять степняков и тундряков коммунизмом) пережил достаточно безболезненно, – ведь он имел законное право всего на две комнаты, а оставили хотя бы одну.

Сестра после революции вышла замуж за какого-то большевистского кликушу. И хотя жила теперь за Невской заставой, все норовила зайти в гости, что взять, взять и отнести нажитое добро, скажем, в наркомат по национальным вопросам. А его оттуда – детям Востока! Владыкин-младший старался в подобные дни – все больше выходные – больше вре-

мении проводит на даче в Вырицах, а сокровища прятать в крепкие сундуки на чердаке. А вот соседи у него оказались тихими, даже боялись – вроде бы знаменитого при царизме – стихотворца. Он появлялся в дверях – и, казалось, смолкало даже центральное отопление.

Костя тихо умер перед самой Второй Мировой. От Владыкина остались нам только рифмованные строчки да письма, которые он писал Валентине в первой половине 1910-х годов из-за границы, когда предпринял долгое путешествие по Западной Европе и Скандинавии: из Финляндии в Данию по воде, далее по земле в Норвегию, на пароходе в Голландию, поездом по Германии и Польше. Публикуем их потихонечку, по ходу дела.

ПИСЬМО ИЗ ФИНЛЯНДИИ

Здравствуй, Валя! Мы только сели в поезд, даже не доехали до таможни, а я уже начал писать тебе письмо. Привычка! Профессиональная привычка!

Честно говоря, делаю сии пометки я еще и потому, что в купе поговорить по душам и не с кем. Как мне кажется, все три моих попутчика – из той породы людей, что впервые решились отправиться дальше своих дач в Келомякках. Жутко боятся посторонних контактов. Выползут, посмотрят и обратно в норку. А потому почитают себя за героев, не подозревая, что они тут (да и я, честно тебе говоря) – личности самые что ни на есть ординарные. Малоподвижные.

Удивительно, насколько человек стал смирен за эти века! Раньше он пешком проходил от деревни до деревни босиком. Бежал по сельским улицам домой и под ноги не смотрел. Теперь же мы прогуливаемся в калошах вдоль Фонтанной и называем это прогулкой, осуществленной в качестве оздоровительной процедуры. Ей-богу, словно пациенты лечебного дома.

Не знаю, стоит ли тебе мне писать – я не буду надолго останавливаться в городах, ибо гостиницы дороги, а вот билеты на поезда все же дешевы, так что буду спать-дремать в них, а по сторонам особо не смотреть. По крайней мере, не сравнить с ценами на постоялые дворы их. Не хотелось бы поиздержаться... Проклятое чувство. С одной стороны, едешь ты получать удовольствия, с другой – о кошмаре собственном печешься. Никакого расслабления. Кейфа, как говорит один мой приятель. Фамилия у него распространенная, так что называть не буду, но знаю точно – прогремит!

Так вот, расскажу я тебе о случае, что имел место уже за Белоостровом. О досмотре говорить не хочется – скучнейшая процедура. Кажется, попутчики мои никогда алкоголя и не употребляли. А я же решил, как и обещал тебе, остепениться, поэтому искушать себя провозом за рубежи нашей родины спиртных не стал.

Однако, проехав некоторое количество верст после первого знакомства, решил я выйти в коридор освежиться. И,

возможно, найти себе собеседника. И ты знаешь, кого я встретил? Кириллова! Да, того самого Сашу Кириллова, который к нам в гости заходил постоянно. И виды на тебя имел – я человек прямой, так что без обид. Папаша его еще привечал. Мол, как хороший молодой жених, а! Карьеру делает! В банке! В государственном!

Так вот, кажется мне... а может, только и показалось... Однако когда я начал подходить к этому субъекту, к которому и ты, душенька, имела слабость (надеюсь, слабость только... хм, зачеркнуть? А, пусть остается!), он внезапно повернул голову – буквально на мгновение. И скрылся в собственном купе. И я точно видел, что узнал он меня. Узнал. Иначе бы не испугался.

И тут всплыла в голове история, о которой некоторое время назад писали газеты – мало и скучно. О том, что следует повысить уровень контроля за служащими низкого ранга, поскольку они, высоким стилем выражаясь, имеют склонность к мелкому воровству в особо хитрых манерах. Так вот, Сашенька – птица невысокого полета, так чего это он в Финляндию собрался?

Извини, если настроения тебе испортил – не об этом в письмах путевых пишу. Однако я о тебе пекусь, ты хоть и старшая сестра, но романтичная. А мне беспокойно.

Целую, обнимаю, обещаю отписать, как буду в городе Копенгагене, найду там дешевый приют и место для уединения с пером и бумагой,

Словом, заканчиваю. С приветом!

Константин.

Третья, короткая, девичья

Марина. Чувств нет. Населена роботами. Скоро ей стукнет 21 год, так что во многие ночные заведения можно будет ходить официально. Толкнула дверь в комнату, кинула сумку в угол, освободилась от крашенных вручную кед, которые таскала уже третий год, а им хоть бы хны. И упала на диван, шепотом выругавшись на чистейшем английском с русским акцентом. Полгода уже здесь, а она приходит домой, чувствуя себя уставшей собакой. Может, потому что организм так и не привык к новому режиму. Человек не запрограммирован на то, чтобы ежедневно возвращаться к постели в четыре утра. Он должен быть жаворонком, обедать в два, ужинать в 7-8 часов вечера, смотреть новости и ложиться спать с чувством выполненного долга. Один раз в месяц можно жадно воткнуть ключ в брюхо двери после полуночи, но тогда твоя мама начнет беспокоиться за тебя, потому что ты превратилась в агрессивную соню.

В случае Марины ее мать давно должна была бы пройти курс психотерапии.

Девушка два года как ходила с убитыми в вороний цвет волосами, летом она предпочитала шорты, а зимой... Зимой она носила джинсы и оранжевое шерстяное платье. И короткую куртку. Ей хотелось быть женственной, но и не мерзнуть

в то же время. В клубах часто продувало, приходилось в то время, когда остальные поправляют макияж, пить таблетки и закапывать капли в нос. В конце концов, у каждой профессии есть свои недостатки. Многие офисные жители истребляют свое зрение. Уже и точки вокруг мерещатся, и цвета мутнеют, но что еще можно придумать для себя интересно-го и полезного? Кажется, и срок уже вышел. Поэтому постоянное пре-пати в горле – не самое худшее, чем может наградить работа.

Марина родилась, прожила всю жизнь, включая школу и несколько курсов университета по классу филологии и секса, в Казани. Когда она уезжала, прощальная вечеринка растянулась на два дня. Она уже крепко поссорилась с родителями, собрала рюкзак, переместила нехитрое барахло к Наташе, и там они закатили откатную. Правда, в тот вечер она не знала, что этот отрыв – последний. Сначала пошли в «Арт-Вену». Конечно, называлась она иначе, но местная наркота туда валом валила – но вечерами там было еще тихо, пускали бесплатно. И бар работал расслабленно, не надо кричать, стоять в очереди, все достойно. Один коктейль – и в путь, к новым свершениям на ниве клубного интриганства.

Наташа – ее единственная казанская подруга. То есть друзья у Марины существовали – до поры до времени, но все они постепенно смотались в другие города, переженились (как к таким подойдешь запросто, без задних мыслей в голове супруги?), выскочили замуж (а эта сама за порог не пуска-

ет, ревнует – и, надо сказать, совершенно оправданно). Осталась одна Наташка, добрая и некрасивая. Они с ней являлись собой классическую пару подружек. За одной волочатся, другая отфильтровывает и плачет.

Далее они поехали в «Латину», клуб, который ранее славился концертами и диджей-сетами. Теперь сюда ходили владельцы магазинов, расположенных на нижних этажах торгового центра. «Латина» блистала на четвертом.

Марина не собиралась учиться танцевать. Но тогда даже в регионах начался бум всевозможной сальсы, танго и хастла. Марина записалась в танцшколу по двум причинам: ей надоело ходить не только на фитнес, на котором на нее постоянно пялились не только парни из тяжелой атлетики, но и девушки в группе. Наверное, потому что у нее имелась подтянутая задница и небольшая грудь – так они и записали ее в «своих». А во-вторых, она слышала, что на подобные штуки западают богатые кавалеры – ведь ясно же, что не только за хореографией сюда приходят эти неритмичные люди. Марине знакомства всегда казались некой формой загибания уголка на странице. Листочки все знакомые, ничего в них нового и не найдешь, однако отдельные экземпляры можно и запомнить ненадолго, пока страница не обмусолится. Марина говорила себе: есть цели, есть средства. И все мы используем друг друга тем или иным способом. А значит, нет ничего зазорно в том, что, когда ресурсы внутри человека кончаются, можно с легким сердцем отправить его обратно во тьму для

перезарядки и реновации. Если человек не прогрессирует – почему он должен быть интересен?

В тот вечер «Латина» грохотала до отвращения. Хотелось пойти и убить диджея. Однако подразумевалось, что этот сумбур вместо музыки был поставлен специально для нее, милой Мариночки. Но она знала, что милой Мариночкой точно не является. Она ждала, когда ее новый спутник напьется до такого состояния, что вызовет такси, и она его кинет, сбежит. Однако Андрюша не пьянел, но распускал руки. До невозможности. Уже и коленки ее пытался гладить, и на ухо предложения говорил. Тут объявили конкурс wet t-shirt, да, он самый. И 1000 рублей в качестве приза.

– Наташка, пойдем! – шепнула Марина подруге, которая иногда подбегала их столику – проверить, как обстоят дела.

– Я? Да и ты еще... Издеваешься! – Натка посмотрела на нее, как на недоразумение.

– Надо валить отсюда. А денег нет. Как хочешь, а я пошла...

– Ну уж нет, я за тобой поприглядываю.

Мокрой предстояло быть одной из них – так в клубе решили «усовершенствовать» конкурс. И когда Натка, опрокидывая кувшин на Марину, мельком взглянула ей в глаза, обеим стало понятно, что они не просто так друг за друга столько лет цепляются. Они выиграли, разумеется. С небольшим перевесом у какой-то толстой коровы, которая упала от горя со сцены. Приехали домой вдвоем, да, начали целоваться. Но

потом Марина сказала:

– Наташа, все девушки делают это. Будь оригинальна – отвергни меня! – а потом собрала вещи и поехала на вокзал, благо, поезд отходил через два часа (они прекрасно знали расписание московских поездов). В вагоне ее колотило, соседи налили коньяку, но она попросила у проводника крепкого чаю...

Возможно, тогда она и решила пойти танцевать, хотя, насколько я могу доверять сведениям из чужих рук, еще за два года до этого происшествия Марина ходила в хореографический кружок, и кажется, на курсы стриптиза. Я уже писал об этом? Ага... Ну, точно, ведь она сразу уехала, какое там «после»! Впрочем, она и сама говорила об этом Теме на следующий день после их знакомства. Неизвестно, удалось ли ей применить свои знания в родном городе. Но Петербург клонил ко сну. Марина не хотела просыпаться раньше трех часов, потому ни курьерство, ни реклама не стали кратковременным смыслом ее переменчивой жизни. Когда родная тетка, взявшая ее в компаньонки, на втором месяце северной эпопеи начала ежедневно возмущаться, Марина прошла по центру, сходила на собеседование, две недели не появлялась в квартире, а потом взяла чемодан, когда тетя ходила на рынок за овощами, и переехала на Просвет.

Конечно, ей приходилось часто сидеть в клубе до упора, а это порой невесело и даже депрессивно для юных лет. Так что она напрягла-запрягла всех коллег по гримерке, что

быстро дало верный результат. Ей дали телефон агента, с обещанием, что тот, великой души человек, возьмет с безденежной малютки только половину стоимости за услуги. Марина подумала, что эту сумму он возьмет еще и натурой – зачем эта мысль тогда вообще пришла ей в голову? Ах да, ведь она хотела мыслить цинично. Однако перед ней появилась женщина, сама всю разведенную фазу своей истории прожившая на севере СПб. Казалось, этой толстой феминистке вообще по барабану, что Марина в итоге решит. А она лишь взглянула в ванну и решила – надо соглашаться, пока не поздно. Хотя тогда надо было тщательнее осматривать комнату! Не пришлось бы сейчас изворачиваться, накладывать на себя обязанности. Тут недалеко и до интриг.

Марина лежала в новой чужой кровати и смотрела наверх. Похоже, она паниковала. Казалось бы, она выдерживала сейчас множество взглядов. Чужие пальцы касались ее кожи, в то время как мышцы лица срабатывали и производили улыбку. Тем более, как Марина считала, совсем не обязательно быть выпуклой коровой, которая тянется к импульсным продажам. Достаточно мило улыбаться по ту сторону прилавка. Чтобы кошельку в брюках становилось темно и одиноко. Они же все нелюдимые – работники рынка ценных бумаг, оптовые коммивояжеры, рискующие получить инфаркт в 35. Они пресыщены. А я могу просто пощекотать их самолюбие. Не вызов, так противостояние. Смена деятельности – но вектор-то постоянный.

Четвертая, с пеной и долгими разговорами

Слово автору!

Кто там веселился, на дискотеках прошлого? Горничные, швеи, местные шалуны, их молодые поклонники из приказчиков и бедной интеллигенции, словом, люди пьющие.

Что делала танцовщица? Она поднимала ногу, предъявляя взору публики многочисленные юбки. Как поется в песне:

«Франтику с картинки

Любо будет мне

Кончиком ботинка

С носа сбить пенсне».

Удар по оптике, а отнюдь не убажнение клиента.

А что же сейчас?

Можно ничему не учиться – а лишь смотреть, как танцуют другие девчонки, не ходить в школы и даже не иметь природной красоты, привлекательности, сексуальности, достаточно внутренней греховности. А потом ты идешь на конкурс в клуб, облизываешь ментально все жюри – и готов путь к славе! Все, как в офисе – хочешь, неуставные отношения, хочешь, рабочий день с 11 до 5 (ночи). И даже с приватными танцами порой все не так плохо, то бишь – не противно. Это за рубежом за тобой на мальчишники ходит охранник, который может превратить день рождения в ночь в трамвпункте, оплаченный из собственного кармана.

Зато здесь, не за рубежом, работают настоящие женщины, знающие себе цену... По крайней мере, иных не попало. Невосприимчивость, знаете ли, возрастает, так что в тимбилдинге я вам не советчик. К тому же – столько раз уже оценивали. Прицел не собьешь, он привинчен, заварен и оплакан.

Но заработать можно. Если пахать, как на заводе. Микрозаводе с большой производительностью труда. В черную дыру наслаждений. Да и безопасности вокруг предостаточно – слава богу, вырастаешь ты не в гнезде птичьем, но в логове волчьем. Не теряя шарма. И премии, начисляемые спонтанно. По желанию. По дурости.

Тук-тук. Когда Тема услышал звуки, доносящиеся из ванны, он как раз собирался включать ноутбук, а потом принимать душ. Но он не хотел с утра размышлять о природе этого шума. Но подумал, что, честно говоря, ему тоже не мешало бы помыться. А еще собрать носки, собрать белье, рубашки, толстовки, сходить в кафе со стиральными машинами, сыграть в шахматы со случайными посетителями. Тема честно признался вслух, что ему не нравится самому очищать свою одежду от грязи. Он предпочитает доверять эту функцию машине, а сам в это время развлекается.

Тема вышел из комнаты в оборванных домашних тренировочных штанах и засаленной красной футболке, которая линяла под воздействием высоких температур и воды. При-

вычно дернул дверь. Он еще спал, а потому только через секунду среагировал на вопрос:

– Ну, и кто учит людей стучаться?

Есть женщины любимые, а еще есть те, с которыми у тебя связь. Это не значит, что вы обязательно занимаетесь сексом на стороне, нет, но вы можете обсуждать с ними очень личные вещи. Это своего рода близкие подруги для мужчин. Почему-то никого не удивляет, что две девчонки могут друг с другом целоваться при встрече и вообще выстраивать весьма странные отношения. А между мальчиком и девочкой в середине третьего десятка лет этого, значит, быть не может?

В просторной ванне лежала девушка, ее тело скрывала вода и пена. Она строго смотрела на него.

– Ммм, Артем. Тема.

– Так что же, будешь мне тут создавать сквозняк?

– А да, я выйду, извини.

– Ну, почему же, можно и поговорить. Я вообще мало говорю, особенно по утрам. Но так уж и быть.

– Вообще-то я хотел помыться.

– Ну, тогда лезь в ванну. Она, слава хозяевам, большая, а пены тут много, смущаться не будем. Но не смей меня трогать.

– Ого...

– Я даже отвернусь.

Тема стянул джинсы вместе с трусами, потом футболку и быстро залез в воду.

– Ладно. Начнем, привет, я Марина. Кем ты у нас работаешь? Наверное, играешь где-то? Что у тебя за татуировка на плече дурацкая?

– Это иероглифы... Да, я барабаню и сижу на репетициях других групп, слежу за порядком.

– А я танцую в клубах. Так что я сейчас почти в рабочей униформе. Обычно мужчины в моем присутствии одеты в костюмы и банкноты, но сейчас все немного иначе.

– Ты поэтому четко говоришь странные вещи? Ой, я твою ногу задел...

– Приятно, правда? Мокрая кожа и все такое. Меня мало что смущает.

– Ты крутая.

– Нет, я уставшая. Три выхода за ночь, а ведь это не ерунда – танцевать.

– Я и не считаю...

– Нет, считаешь. Все думают, что мне легко. Кто знает. Мало кто знает, правда.

– А как это вообще происходит? Ну, обучение?

– Танц-класс, фитнес. Никакого целлюлита, очень удобно. Правильный макияж. Еще нас учат играть лицом. Знаешь, не все смотрят на твою грудь, кому-то важны и глаза.

– Она у тебя ничего, грудь, я имею в виду.

– Да ты ничего и не видишь. А вот таак?

– Впечатляет. Красивая.

– Нас собирали в один зал и просили делать номер по от-

дельности. Кто-то даже убегал с плачем. Ну, а я только за-
водилась. Меня мальчишки не особо привлекают. Один танец
надо делать недели три... А еще там учились взрослые тет-
ки, которые хотели показать себя мужу.

– Ясно. А как первый выход?

– Ох, я дико краснела, но на свете на сцене это не очень
видно. Немного тяжелее подходить к клиенту. Но надо про-
сто придумать свои правила и четко их выполнять. Просто
подходишь к автомату с деньгами, щелкаешь глазками... А
ты мог 60 раз встать на мостик?

– Нет.

– Вот. А я могу. На высоких каблуках

– А у вас есть там соперничество?

– Ну, конечно, есть. Но мы общаемся. Потому с обычны-
ми людьми трудно общаться, они не все вникают. Вообще
считается, что мы замкнутые.

– У меня есть знакомый, который фрик-постановки дела-
ет.

– Это совсем другое, им и платят меньше, хотя пробиться
туда труднее

– А сейчас ты расслабляешься? – Тема развел руками пе-
ну.

– Да, – Марина ударила его по пальцам. – И веду разговор.
Ты думаешь, что сейчас будет?

– Что?

– Тебе надо принести мне полотенце.

– Хорошо.

– А потом я приведу себя в порядок. А ты уже выйдешь.

Тема зашел в комнату Марины и сразу обратил внимание на то, насколько схожими оказались их жилища. Большой матрас, небольшой телевизор. Правда, нет никакой музыки в физическом виде. Возможно, плеер? И еще шкаф стоит. Открыв его, он долго смотрел на запиханные в полки в беспорядке вещи. Разгреб одну кучу, схватил розовое полотенце. И черные трусики. Черт побери.

– Ты долго, – Марина зашла в комнату, оставляя мокрые следы на полу. Тема кинул ей полотенце. – Спасибо. А теперь вали отсюда. И белье оставь!

– А почему у тебя так пусто?

– У тебя ведь также. Я видела.

– А я думал, у тебя должен тут стоять шест. И чтобы пахло ароматными палочками.

– Так я еще толком не переехала. Еще не привезли мое зеркало. Оно огромное, его в обычный грузовик не положишь. Надо отдельно доставлять.

– Любишь на себя смотреть?

– И на пустую комнату в отражении. А еще у меня есть проигрыватель.

– И даже коллекция винила?

– Несколько пластинок. Я от музыки устаю. Она напоминает о работе?

– А ты не любишь свою работу?

– Люди не могут любить работу. Скажем, еда не только спасает от голода, но и дает наслаждение. А работа только спасает от недостатка времени.

– Что ты хочешь сказать? В ванной? – Руслан поставил упаковку на стол и выключил конфорку, на которой жарилась яичница. Было уже за полночь, а он только вернулся со съемок. Какая-то презентация энергетика в торговом центре на Садовой. В конце они с друзьями-фотографами положили камеры в кофры и отплясывали под дискотеку 80-х. Каждому по штуке за каждый час работы – жаль, что такое случается раз в неделю. А так – таскаешься с рюкзаком на нужные только тебе события, и надеешься, что они интересны не только тебе.

Так и вырастаешь неучем, индивидуумом, не сведущим в современной информационной системе. Да... Народ, участвовавший в самом мероприятии, хмуро сворачивал рекламные растяжки и огромные постеры, собирал в угол пластиковые стулья, а фотографы в это время корчили рожи и прыгали друг на друга. Попав, наконец, домой, Руслан понял, что он дико устал. Спину ломит, в глазах точки бегают. А еще он ни фига за сегодня не жрал – так, булочка, кола, тяжелый воздух. Пивом тоже можно поужинать, но, как минимум, одну бутылку придется отдать Теме. Иначе он ничего не расскажет. А Тема – человек, в отличие от некоторых, интерес-

ный. Только он сам себе в этом не признается.

– Да ничего и не произошло... – и Тема стал смотреть в телевизор.

– Отдавай батл оф биир назад. Ты быстрый чел, скажу я тебе, я вообще никого в квартире этой не вижу, а ты уже крутишь романы.

– Да у нас нет никаких отношений. Платоника. Я бы, конечно, не отказался, от более близких штук, но она, кажется, равнодушна к мальчикам.

– Девочки? Она что, под два метра ростом, у нее нет груди, она курит?

– Гм, может, и курит. В остальном – НЕТ.

– Мужик, я знаю, в чем траблы. Она уже хочет тебя выселить. У нее наверняка есть подружка, у которой нет жилья.

– Так у нас ведь еще есть комнаты.

– Ими занимается тетка с быстрыми ногами. А эту можно сдать по быстрому знакомому, если ты ударишься в депрессию. И уедешь отсюда.

– Чувак, у тут всего несколько дней, мне здесь нравится. И я спокоен. Если ничего не случится – значит, ничего не случимся.

– Будь как я. Игнорируй все это.

– Ты одиночка?

– Ну, у меня есть девушка.

– Ах даа, я и забыл.

– Правда, мы ссоримся. Часто. Но я ведь не завишу от

нее. Я свободный человек, у меня есть какой-то культурный и материальный бэкграунд. Выплыву как-нибудь.

– Убежденный холостяк?

– Шхуна без весел. Бревно, которое не тонет. Извини, я посолою и начну есть. Больше пива не дам.

– А мне много и нельзя. У меня аллергия.

– Ясно. Так вот, будь осторожен. Я, может, и не против, чтобы тут все происходило, как в ситкомах. Дружеский секс, попойки, но давайте без романтики и занудной музыки на фоне, окей? Я в курсе, что в итоге все впадают в многолетнюю депрессию. Но, в конце концов, к ней легче привыкнуть, когда все вокруг только и притворяется, что и весело. Я просто не люблю, когда врываются. Люди – это другая форма памяти, это не фото. Я не могу сформировать их, как хочу, понимаешь? Я могу выставить свет, направить объектив на объект, сфокусироваться на деталях – словом, я не буду всего этого объяснять. Я могу открыть фото в компе и вообще смазать все краски будней. А что я могу сделать, скажем, с родственниками? Ты видел когда-нибудь в художественных текстах намеки на то, что с ними можно ладить? – Он дожевал последний кусок яичницы и добавил: – Кстати, Марина эта – она откуда-то приехала? Или жила уже в Питере?

– Неа, она раньше квартировала на проспекте Стачек где-то полгода, а до этого в Ставрополе, кажется, училась. Или в Казани. Я плохо запоминаю. У меня проблемы с названиями. Вроде бы она поссорилась с кем-то – ну и вообще ей стало

скучно. Так что она уехала. Вот. Я думаю, мы все уехали, потому что нам было скучно.

– А я – потому что – тесно.

– Отличный у вас район там, на Дыбенко. Не знаешь, кто, кстати, повесил эти фигуры из пластиковых бутылок?

– Где? Там, по пути в школу? Хрен его знает, но никто их не трогает. И все знают о них. Ну, вот кого не спроси. Во всем городе. Это очищение Дыбенко, воот. Раньше – нарко-Горбушка, а теперь, бац! – район для фриков и рабочих.

– Веселый поселок, все же.

– Ага, вот поносят там все пятиэтажки, построят еще пару бизнес-центров на Крыленко и Тельмана. И начнется настоящее веселье. Надо бы, кстати, сказать матери, пусть быстро продает дом, я уж соглашусь. Она мне в тот день, когда ты въехал, примерно это и предлагала. Причем половину суммы – чтобы мне отдать.

– Так это же круто. купишь себе что-нибудь.

– Ох, да я не знаю точно! С одной стороны, платишь бабки по кредиту, живешь якобы в своей халупе, с другой стороны – такая гиря на всю жизнь. И я угроблю себя ради нее? А ведь хочется больше простора.

– Простор есть. Это когда летишь с 14 этажа. Летишь, а потом падаешь. Соглашайся.

– Давай сменим тему. Как твоя репетиционная точка там поживает? – спросил Руслан. – Ты вообще с ума не сходишь от всего этого шума, когда две группы одновременно лабают

в соседних комнатах, а изоляция ни хрена не работает?

– Наверное. Там сейчас такая проблема происходит – крыша подтекает. И, скорее всего, мы съедем.

– Это опасно?

– Съезжать? Конечно, нет.

– Я имею в виду – работу терять. Это же не твоя точка.

– Гм, гм, наверное, я почему знаю? Непривычно, наверное. Я знаю ребят, которые живут на точках. Ну, а мне терять нечего. К тому же я могу домой поехать, – сказал Тема.

– Хочешь домой?

– Я там до сих пор и не приезжал ни разу. С тех пор, как...

– Черт, хотел бы я также. На белом коне, – хохотнул Руслан.

– Так ведь нет никакого коня. Рассказывать нечего. Я подзреваю, как это будет. Несколько часов славы в первый раз, секс по старой памяти. А если приехать через месяц, то на этот раз друзей уже меньше, у них гораздо больше планов. А большинство вообще уедет из города. Правда, у меня – Москва. Там, во-первых, ждут, наверное, уже давно не дружелюбные ребята. Во-вторых, из него люди уезжают только за кордон. Значит, все мои точно останутся. Неудачники.

– Но тебе они в этом не признаются.

– Конечно, там же big city, – согласился Тема. – Кто тут первый парень на деревне? Тут все первые. А там все гонят за лидером. Реально гонят, аж тошно становится. А дальше я пойму, что мне тут не хватает общения. И все-таки свалю

обратно. Таков мой прогноз, чувак.

– Да, есть кризис среднего возраста. И возраст этот – наш.

– У тебя много друзей здесь?

– Ну, как у меня много коллег, нам есть о чем поговорить, – ответил фотограф. – Плакаться кому-то уже не охота.

– У меня и того нет.

– Ну, ты можешь обсудить железо или новый пластик.

– Я терпеть не могу эти вещи. Я раньше вообще имел только три пары палочек, а все остальное добывал перед концертом. Меня друзья хаяли, а я не хотел всю кухню постоянно с собой таскать и от нее зависеть.

– Основа моей философии – пустота, – заявил Тема и поднял глаза к потолку. Посмотрел на зеркало, хмыкнул и завершил: – Неподвижная и бесформенная.

– Это все? – Марина хотела спать. Уже часа два хотела, но бывает такое состояние, когда даже сильные, мощные причины не могут тебя заставить сделать простые вещи. К тому же она, наконец, покрасила волосы в противоположный (а какой был до этого?) и боялась даже прикоснуться головой к подушке. А еще она думала, что с Темой сможет победить эту комнату. И, может, даже перестанет спать с ним в одной комнате валетом, когда ему по лицу периодически попадает ее нога, но он не обижается, а устраивается так, чтобы касаться ее лодыжек. И так успокаивается. Кто тут, черт побери, мужчина. Для кого весна, а для меня – сырость! Мол-

нии на ботинках расползаются! Для кого – лето, а для меня – лень. Но мне нельзя расслабляться, потому что тогда труднее заработать на расслабление.

Марина помотала головой, освободила голову от мыслей, а потом поцеловала Тему в лоб и сказала:

– Вот, если я выйду замуж, то я позвоню тебе первому! На большее и не рассчитывай! Чаю?

Тема решил, что тема обломалась. Та, на которую он рассчитывал излить всю энергию, окей, будем выражаться в терминах министерства по ТЭЦ и ГЭС, – та, на которую он рассчитывал излить всю энергию, – с ним шутит.

– Я шучу, – (бинго, Марина!) – Ну, то есть я устала еще со вчерашней ночи. Я весь день в себя прихожу. Я вещи роняю. Все будет, не беспокойся.

Марина может рассказать вам долгую историю своей семьи. У нее легендарный прадедушка. Американец. Звали его Котовым. Котов был тем писателем, который превратил собственную жизнь в роман. У его текстов порой нет ни кульминации, ни четкого финала – как и у любой обычной биографии. Поправка – тем не менее, жизнь Котова отнюдь не казалась скучной. Любителю чужих историй здесь есть чем поживиться.

Родился Евгений Котов в Нью-Йорке, в 1891, в семье русских эмигрантов первой волны. Отсюда, кстати, и космополитичность будущего писателя – его родители, сохранив

часть национальных традиции, по прошествии времени стали обычными американцами.

Не прошло и года – и семья переехала из Манхэттена в Бруклин. В 1909 он бросил Нью-йоркский муниципальный колледж и начал трудиться. Сначала – в финансовом отделе «Ситец Силэнд Портмэнд Продакшн». Потом – работником на ранчо. Тогда же начались его скитания по стране. В Сан-Пауло он попал на лекцию анархистки Ани Каратской.

Далее Котов батрачил в ателье отца, женился на пианистке Женевиеве Пенелопе Калла, у него родилась дочь Беатрис. Следующее место работы – почта. Во время отпуска в 1922-м Евгений пишет первую книгу «Подрезанные крылья». А в следующем году знакомится с платной партнершей дансинга Джун Карен Карпентер, бросает семью и становится нищим писателем. Сочинения не приносят ему дохода – хотя он даже пытается продавать свой сборник стихотворений в прозе «Лярго-синто».

В 1927 Котов с женой открывает бар-закусочную в Гринвич-Виллидж. Весьма иронично, не правда ли? Особенно, если учитывать, как жилось писателю в это время. Об этом написано в романе «Времени убийц»: «До чего же мне понятна эта одержимость! Оглядываясь на свою жизнь в Америке, я думаю, что прошел сотни миль на голодный желудок. Вечно в поисках хоть нескольких монет, хоть корки хлеба, в поисках работы, места, куда можно было бы плюхнуться. Вечно в поисках дружелюбного лица! Порой, несмотря на

голод, я выходил на дорогу, останавливал проезжающую машину, а там – пускай водитель ссаживает меня, где ему вздумается, лишь бы сменить пейзаж. Я знаю тысячи ресторанов в Нью-Йорке, но не потому, что был там завсегдатаем, а потому, что стоял под окнами и тоскливо разглядывал сидящих за столами едоков».

В следующем году Евгений путешествует с Карен по Европе – деньги дает один из поклонников ее жены. Следует заметить, что пара никогда не смущало то, что она живет за счет толстых кошельков, ухлестывающих за Карен. Чувства между этими двумя людьми казались настолько крепкими, что мелкие интриги на стороне не могли быть причиной для ссор. Хотя... как следует из посмертно изданного романа «Сумасшедший петух», Котов испытывал болезненное удовольствие от страданий, которые приносили ему похождения жены. Ему нравилось унижаться перед ней.

30-е годы Котов проводит в Европе на улице и в гостях у друзей. У него нет дома, зато есть дело. Он знакомится с писательницей Ниной Оно, ради которой после долгих терзаний бросает Карен.

Евгений работает над «Черепашой экватора», романом, который принесет ему успех. Он пишет о себе в автобиографии, что работал тогда «посудомоем, посыльным, рассылным, гробокопателем, продавцом книг, барменом, продавцом виски (во время сухого закона), машинисткой, машинистом, библиотекарем, собирателем статистики, работ-

ником благотворительной организации, страховым агентом, мусорщиком, секретарём пастора, грузчиком, трамвайным кондуктором, преподавателем гимнастики, разносчиком молока и так далее...».

1934 в Париже выходит «Черепаша экватора». Рукописи в три раза длиннее, чем книжный вариант. Однако книгу напечатали слишком малым тиражом, чтобы вызвать шумиху. Солдаты из Америки, оказавшись в Париже спустя десять лет после издания, купили весь тираж. На родине писателя книга вышла спустя 15 лет. Зато Котов может похвалиться количеством судебных исков – более полусотни. Его обвиняли в порнографии. Смешно, не правда ли – обвинять философский трактат в растлении нравов. Кстати, в 1964 в том же Париже «Черепаша экватора» опубликовали на русском тиражом в 200 экземпляров, половина книг в итоге застряло на советской таможне.

С этого момента жизнь Котова – это череда публикаций и путешествий. К примеру, в 1939 едет в Грецию. «До сих пор это остается самой крупной авантюрой в моей жизни». Рисует акварели, его выставка с успехом проходит в Американской галерее современной живописи в Голливуде. К 1944 к изданию были готовы 17 книг в Англии и Америке. Котов переезжает в Смолл-аят, местечко неподалеку от заповедника Лос Мозерс. Сейчас та располагает его дом-музей.

В 1967-м в Беверли-Хиллз он женится на японке Уоки Хоткуда, джазовой певице и актрисе, и начинает учить род-

ной язык своей супруги (в 1996-м в Нагано будет открыт Музей картин Евгения Котова). По правде говоря, свадьба могла вообще не состояться, однако Уоки требовалось американское гражданство, иначе бы ей грозила депортация...

В этом же году во Франции ставят оперу по его либретто «Улыбка у подножия лестницы», а Камиль Хален снимает фильм «Одиссея Евгения Миллера». Еще две киноленты появляются в 1970 году – их основой становятся романы «Экватор Носорога» и «Громкие вечера в Туапсе». Тогда же Котов получает за роман «Стереолистья» итальянскую премию за лучшую книгу года. Это единственная премия в его жизни. Тогда же он расстается с Уоки – романтик, которым всегда был Котов, не мог ужиться с расчетливой японкой. В 1971 писатель издал автобиографию «Жизнь и время Евгения Котова». Умер он 7 июня 1980 года, прожив последние годы в тиши и спокойствии, уже без скандалов, будучи признанным мастером пера и кисти. Уже невозможно проверить всех подробностей его биографии – писатель выстраивал свою жизнь «задним числом», превращая ее в героическую эпопею, в которой не нашлось места слабости и мелочности. Он стал умелым архитектором, воздвигнувшим памятник саму себе еще при жизни. Однако даже камни хранят человеческое тепло...

Марина не очень-то верит в эту историю, кажется ей, что вся она сочинена году этак в 47-м, чтобы не припомнили родственникам про кое-что и кое-когда. Но байопик вышел

бы знатный, Марина бы не возражала, если бы это появилось на экране. К тому же, пересказывая басни в компании, она каждый раз вызывала восхищение.

Да, как пела, кажется, Пи Джей Харви, чудная барышня, последний альбом которой на тот момент представляет собой набор песен под пиано и минималистичный прочий аккомпанемент, Ты Оставил Меня Сухой. Иногда несколько раз за год читаешь, что девушка до 27 лет (постепенно переставая быть девушкой) вообще не испытывает оргазма. В юности стенки влагалища не настолько чувствительны, отсюда психологические проблемы, неведомые мужчинам и писателям, далее привыкание к половинчатому удовольствию, а потом само оно и приходит. Мне и самому еще нет 27, и меня зовут не Марина.

Ибо ей гораздо легче было решить эту проблему, обратившись к таким же девушкам с повышенными требованиями. Они-то и помогли достичь блаженства в более короткие сроки. Вообще, тема однополых отношений весьма странно развивается в современной России. Почти каждая знакомая хоть раз, но страстно целовалась с девушкой (а потом обыденным голосом говорила про это очередному парню), меньшая часть занималась сексом. Хотя какой секс может без плотского проникновения!

Однако оставим эти совсем не политкорректные шутки с изрядной долей истины. Потому и Марина, и Даша уже легли

спать. Когда начинаешь переходить в не материалистичный мир, в голову лезет не только чепуха, но и прошлое. Зачастую человек начинает задавать вопросы, которые он повторяет изо дня в день, не находит на них ответа, сходит с ума, укрупняет собственные страхи. К примеру, я боюсь воды. И даже сейчас, набирая эту фразу, меня передергивает от того, что есть храбрые люди, которые могут плыть, не чувствуя под ногами почву. Казалось бы, проще простого – нырни поглубже, встань на почву и иди домой. Во сне это реально, так почему в реальности это не иллюзорно?

Просто иди домой. Папа Марины 20 годами ранее направляется от трассы между двумя промышленными городами в сторону деревни, где родился он, и где удосужилось родиться ей, поскольку матери пришлось разрешиться раньше срока. Издалека он не совсем похож на человека, этот счастливый папаша. Он несет небольшую, но вполне увесистую чугунную ванну, добытую по большому благу в столице республики. Несет ее, надев на себя. Только ноги видны. А сверху – белый чугун. Сама по себе дорога скучна. Вся та же разбитая полоса земли с бороздами от автомобильных шин, несколько соседних поселков, объединенных – тогда еще – в один колхоз. Кладбище, в котором очень много свободного пространства, деревья растут скоро, они уже дошли до состояния настоящих лесных братьев. Чем питаются они? Неужели это и есть наше истинное продолжение – дерево, сок, корни, листья, солнце... Ах, скажи, читатель, что это правда.

Он проходит по главной улице, уже полдень, но все на работе, кроме бабок, каждая из которых норовит остановить папашу и расспросить, чего он так вырядился, для того ли эта ванна, про кого они думают. Но отец Марины спешит, он взмок отчаянно, у него будет болеть спина и немного трястись руки по окончании нелегкой прогулки. Однако этот его камень уже никогда не покатится вниз... Потому что даже сейчас, глядя, как изгибается эта всадница в ярко освещенной комнате, понимаешь, что она будет жить долго. И будет смотреть не только вперед, но и вверх, на самую верхушку.

Почему иногда друзья спят друг с другом? По старой памяти. Они все же исследовали друг у друга, они не используют секс в качестве орудия воздействия, им не надо врать, что ни с кем еще тебе не было так хорошо. С хорошими друзьями крепко выпивают, с хорошими подругами – просыпаются в одной постели. А все лишь потому, что дружбы и вовсе нет, есть только взаимообмен любезностями, функция наволочки для слез, информационной базы для горестей и радостей, железная скоба в отвесной стене успеха. Кому ты нужен, на этой вечеринке выпускников? У тебя свой столик и он под любым углом не стыкуется с остальными. Перестаньте калечить мебель, организовано двигайтесь к выходу.

Почему Марина встречается с Темой? Ну, почти встречается. Потому что она увидела, когда въехала в комнату позд-

но вечером, что у нее на потолке есть маленькое оконце, конечно, это зеркало, но ей-то кажется, что за ней следят. Поэтому она хочет проводить в комнате как можно меньше времени.

Это окно... Она сразу испугалась стеклянного прямоугольника – на него осела пыль, а еще постоянно попадало солнце. Марина нашла тряпку на кухне, в ванне взяла чей-то пластмассовый таз и протерла сей объект. Тогда она еще не подумала о зеркале как об окне. Но когда, выжимая тряпку, Марина взглянула еще раз наверх, ей показалось, что ее взгляд не утыкается в отражающийся пол, а проходит дальше. Она не только себя в зеркале видела, это факт. Что-то еще, что-то темное, а может, это даже и пустота, а духи прошлого. Почему бы и нет, кстати? Может, лет сто назад здесь жила куртизанка или революционерка (что в лоб, что по лбу), и за ней следили воздыхатели или охранка. А переделывать такую конструкцию наверняка недешево.

Марина пошла на лестничную площадку, поднялась на один этаж вверх, но дверь чердака оказалась надежно заперта. Она прописала у себя в голове, что надо спросить у риэлтера или хозяев о том, как туда попасть. Кстати, где их телефоны?

А потом она ходила вокруг примерного параллелепипеда на полу, которое могло бы вычерчивать зеркало и ругала себя. Как так можно! Танцевать ночью, три выхода, порой сотни глаз смотрят – и ничего. А тут неизвестно что, есть ли оно

вообще... И она боится!

Марина хотела спрятаться за диван, но там оказалось невероятно пыльно. Кстати, надо бы прибраться, заметила Марина и решила – она ляжет спать, как обычно, но укроется множеством простынь и одежд, потому что на улице уже достаточно прохладно.

И она заснула. Но ей постоянно казалось, что над головой кружится вихрь из воспоминаний и фантазий. А на следующий день пришел Тема. И Марина решила, что так жить нельзя. Надо поступаться принципами и мешать одиночеству этому мальчику.

А еще Марина воспринимала Тему как шкатулку, в которую можно положить все свои откровения.

В шкатулке три отделения. В голове у Темы хранится информация о том, что Марина думает о людях вокруг. Она из той категории, которым почему-то есть дело до других. Поменяй окружающий мир – и станет тебе теплей. Это не ненависть, это модерновая форма внутренней гармонии. Марина воздействует своим неприятием на локальное сообщество ей подобных, потому что оно испорчено. Причем испорчено не так, как сама Марина. Узоры не совпадают, не сходится мозаика, не поет Малежик. Если Марине сказать, что она просто чужой кусок, ей нужен другой комплекс, иные приятели и незнакомцы, она скажет: ее драгоценная личность станет украшением любой плоской картины мира.

В район груди Марина вкладывает знания о попытках ее взаимоотношений с кусочками сообществ, которые казались Марине схожими с теми формами существования, которые принимала она сама. Проще говоря, с теми людьми, которые ей были симпатичны. Она рассказывает о 31-летней работнице клининговой службы, которая пыталась изнасиловать ее на крыше 25-этажного бизнес-центра, про 17-летнего курьера, который просил ее только лишь посмотреть вместе с ним вечерние новости (она должна была надевать его рубашку, застегиваясь на одну пуговицу). Но эти истории так скоротечны, в них есть только суть и с десятков деталей. Что значит они для рассказчицы? Забирает ли их обрывок сердца и наклеивает ли она стикеры с их именами на свой чемодан?

Или все будет так, как с тем парнем из ее студенческой группы (она учила филологию), которого она заперла в аудитории на ночь, а ведь сначала заманивала обещаниями. А он изрезал 12 парт, написав вычурные проклятия в ее адрес. Исключили обоих, а ему пришлось выплатить стоимость мебели. Кто-то потом рассказывал, что парты моментально растащили на сувениры, так что, Марина, если увидишь у кого-то кусок древесины, покрытый слоем лака и парочкой крепких выражений – можешь даже не переспрашивать имя владельца и искать его в социальных сетях.

В районе паха Марина несколько пыталась просто разместиться. Но, кажется, Тема оказался прав, и они могли только сосуществовать, но не успешно соединяться и меняться

жидкостями во благо всех живущих существ. Хотя Марина точно помнит, что несколько раз она отдавалась ему с той покорностью, которую предпочитают дальнобойщики от дорожных подруг (насколько мы можем об этом судить). Психология, новая глава, курение по причине алкоголизма, коитус по причине появления свободного времени и безразличия к гигиеническим требованиям общества.

– Да, кстати, – сказала Марина. – Мы так хорошо переночевали у тебя... Можно и сегодня так сделаем? Ты ведь не против?

– А что ты будешь делать в своей комнате? – спросил Тема.

– Одежду хранить. Может быть, переодеваться. Курить, сидя на подоконнике.

– Ну, ведь можно просто посмотреть, что там на чердаке? И не париться понапрасну.

– Тогда нам придется разойтись, малыш, а ведь тебе этого не хочется.

– Но я еще хочу, чтобы ты перестала беспокоиться.

– Но ведь ты все равно и сам весь на нервах. Что ты там смотришь в своем ноутбуке, когда я ем твои макароны? Я, вообще, кажется, больше тебя ем. А ты вот сидишь в Интернете, читаешь там что-то?

– Так, финансовые отчеты.

– Очень смешно. У тебя поклонница в столице нашей

необъятной родины? Она пишет для тебя пьесу с двумя главными участниками? У вас постановка?

– Очень круто ты придумала. Нет, все проще. Письма. Они не из Интернета, они на чьем-то компьютере. Тут сетка нашлась, я потыкал туда, сюда, один открылся. Всего один диск, ну, и папочка, соответственно, тоже одна. С текстовыми файлами. Я копирую эти файлы по одному – больше получается, они какие-то дико огромные, читаю, удаляю, а у меня пропадают минуса для занятий барабанами. Как будто, знаешь, в ответ. Словно кто-то мстит. Я думаю, это прикольно – я хотя бы могу не тратить все мое время, играя и слушая эти чертовы барабаны.

– Тебе уже не нравится?

– Да я просто в восторге от ударных, а ты думала? Просто это ни к чему не приведет. Другие люди учатся делу, которому хотят посвятить свою жизнь, приходят на работу, учатся делать ее лучше. Они гораздо честнее, чем я. А я просто потратил кучу времени на веселье и терзания.

– Но ведь это было хорошее время.

– Ну да, потом можно кряхтеть и говорить, что все проходило отлично. Типа крутые времена. А на самом деле ты лишь притворялся, что ты другой, ты просто ленился. Я не думаю, что быть карьеристом так уж и плохо.

– Наверное, с моей работой тоже карьеры не построишь.

– У тебя такая же работа, как у продавщицы в супермаркете. Только не такая скучная.

– Да, я стараюсь не скучать.

Тут самое время – и очень необходимо для Темы – заметить, что у нашего барабанщика есть закадычный питерский друг Алексей. Сходящий с ума из-за собственного творчества. Музыкальный хирург. Резать к чертовой матери! И все тут.

У Леши в голове действует странный принцип, согласно которому, если в мире останется только один композитор, то слушатели не должны почувствовать подвоха. Музыкальный гедонист – это уровень, своеобразный, по которому можно оценивать, насколько далеко другие могут зайти в своих экспериментах. Он пишет свою музыку при помощи теории блоков, соединяя детали без обработки, без форматирования. Минимализм вслед за гитарным поносом, прогноз к народной плясовой... Телевизонный заппинг, примененный в музыке – это терапия мозга: умеешь жить быстро, научись также воспринимать звуки. Порой хочется подойти с обширным вокабуляром и начать расставлять песни таких людей по полочкам – при этом каждая почему-то оказывается в нескольких разделах. Вот это хард-кор, металл, грайнд-кор и фри-джаз. Да, когда такие люди выступают в наших златоглавых и северно-белых столицах, в зале, кажется, идет настоящая месса. Люди стоят, впечатав ноги в пол и неотрывно смотрят на сцену, где беснуются, к примеру, трое – саксофонист в штанах цвета хаки, басист в феске и япо-

нец-барабанщик, молотящий не только по пластику, но и по самому воздуху. Никто не танцует – потому что под это танцевать невозможно. Но каждая композиция заканчивается одинаково – дестроем на сцене и воплями-аплодисментами в зале.

Алексей явно не подозревает, что он настолько талантлив. Наверняка он испытывает множество терзаний, которые скрыты от других. Потому что выносить все это наружу – это все равно, что рассказывать в гостях о своей работе в питомнике для уличных собак. Делать вид, что все хорошо, хотя все не так хорошо смотрится – на первый взгляд. Ему тоже не хватает денег, постоянно приходится генерировать новые идеи, возможно, и не совсем музыкальные. Товары как объект искусства более желанны, чем объект искусства как товары...

Человек должен быть свободным. Но быт ограничивает человека. В этом мире можно делать все что угодно – однако не все об этом догадываются.

Можно успешно гастролировать с проектом, исполняющим собственные вариации на тему традиционного клезмера – джазменов-радикалов играют еврейские мелодии так, словно готовятся решить конфликт Палестины-Израиля собственноручно. Или лабать джаз – если так можно назвать музыку, лишенную рамок. Покушался он и на классику, и на саундтреки (интересно, о чем прямо сейчас думает Морриконе?). Для меня символ сумасшедшей музыки – это слюна,

вытекающая из мундштука саксофона, когда музыкант пытается выжать инструмента медный пот. Вы еще здесь? А он уже там.

Тема страшно завидует Леше. Вот он, гедонист, ему все можно, у него все получится, потому что если не видишь стену, так ее вовсе нет. А Тема? Мало того, что он сам подносит кирпичи, так еще и других агитирует, чтобы подходили с другой стороны...

Однако.

Алексей стоит на сцене клуба и вешает куклу. А он, простой российский барабанщик, которого за последние три дня подготовки все достало (слишком много халявного пива и грохота), держит стойку виселицы, чтобы она не упала... Алексей лезет на праздничную елку и играет с ее верхушки на пиле – снимается новое видео. Камеру держит Тема. Алексей таскает за волосы голую девушку – ну, а Тема уговорил ее признаться, что сейчас идут месячные, а искусству нужна грязная кровь.

А что об этом думает Алексей? Ха-ха... Я не думаю, что Алексей считает себя настолько талантливым. Наверняка он считает, что просто занимается любимым делом. И у него есть множество терзаний. Которые скрываются от посторонних. Потому что выносить все наружу – то же самое, что работать ассенизатором и рассказать в гостях о своей работе. Он делает вид, что все хорошо, хотя на самом деле все не так идеально, как смотрится на первый взгляд. У него тоже не

хватает денег. Постоянно приходится генерировать немусикальные идеи. Генерировать что-то очень внешнее. Особая форма промоушена. Зачем музыканту заниматься собственным продвижением? Зачем ему продавать собственные диски? Или делать футболки. Это должен делать директор. Если бы художник занимался только картинами, кто бы их покупал. Почему же кажется, что в нынешней ситуации товары как объекты искусства более желанны, чем объекты искусства, как товары...

Фигня какая-то, думает тем временем товарищ Алексей.

Он лежит под кроватью, боится света, пьет воду из чайника и проклиная себя за то, что ведет разгульный образ жизни, прикрываясь личиной творческого человека. Вот кабы случился товарищеский суд. И его навечно приковали к компьютеру в офисе. Или к проходной по утрам.

Еще немного о чужих текстах. Итак, в тот день, когда окончательно отменили DRM-защиту и музыкальные файлы стали копировать с компьютера на компьютер легально, свободно и для здоровья всех живых существ, Тема открыл ноутбук и увидел, что у него появился бесплатный вай-фай, предположительно – из стада офисов напротив. И хотя и до этого он не особо старался переписывать треки на dvd-болванки, сей факт его обрадовал даже больше появления вчерашнего клиента, который просил всего лишь за неделю научить его стучать три панк-ритма за тысячу долларов. В то время,

как три крупных Интернет-магазина решились извиниться перед пользователями всего мира и, наконец, выложили программу, в которой любую музыку можно слушать бесплатно, поглядывая в левый верхний угол, где иногда всплывала реклама, Артем качал бесплатные уроки по реггей-ритмам и читал Макса Фрая. Потом компьютер завис, перезагрузился, а когда вновь включился, на рабочем столе лежал еще один файл, с виду вирус. А на самом деле – письма, женские письма.

Да, на самом деле, он, конечно, Марине соврал. Но как вообще объяснить, как подобное происходит.

ПИСЬМО ИЗ ДАНИИ

Здравствуй,

Какой странный себе избрал маршрут мой братец, скажешь ты, читая адрес. Так уж случилось. Я стоял на берегу моря, смотрел на пароходы, открыл кошелек, пересчитал наличность... И вот я уже плыву вторым классом в компании индусов и алжирцев в совершенно непонятную мне страну.

Что я знал о Дании? Что мне предстоит увидеть Копенгаген. И не более того. Знаешь, сестра, этот текст я посылаю тебе (извини за прямоту), скорее, из правила, чем из-за желания сообщить какие-либо приятные известия. Если есть возможность, пришли мне немного денег – не своих, разумеется, знаешь, в моем секретере лежит некая сум-

ма, возьми половину. И еще в «Аполлоне» мне должны гонорар, Серж обязался тебе об этом сказать. Отправь их в Осло, на главпочтамт, до востребования. Я думаю, послание быстро дойдет до тебя – его я отправил, как ты поймешь, с дипломатической почтой – выяснилось, что в местном консульстве есть немало поклонников современной поэзии... Поневоле задумаешься об эмиграции! Но что я должен делать в стране, в которой никто не понимает мой ломаный немецкий! Я пытался шутить про данайцев и японцев, никто извиваний моих так и не понял, а один местный завсегдатый-выпивоха даже хотел меня поколотить. Ныне я пребываю в католической часовне начала прошлого века, слушаю песнопения и пишу тебе это, в общем-то, бессмысленное письмо, которое, впрочем, всегда в ходу между родственниками, ведь мы должны радоваться не столько изменениям, сколько видимой стабильности. Так что рапортую – со мной все в порядке, испытываю небольшие финансовые трудности, при случае – отправлюсь через Австро-Венгрию и Эстонию до родных пенат.

Да, кстати, ходил на могилу Андерсена. Представляешь, его похоронили в этой вот статуе Русалки. Приходится подплывать вручную и в-ножскую, рискуя замерзнуть. Мне так и не объяснили – каким образом... он... там? Но видится мне эта ситуация забавной.

Видел много странных людей в ярких одеяниях. Пытался разговориться с одним из них. Говорит, что живет в центре

города, в особом квартале для таких, как он, свободных духом людей. Послушав его – а поведал мне случайный собеседник о торговле гашишем и армейских ночных операциях – и решил не ходить. Очень я боюсь такой свободы – со спущенными рукавами. Сразу понятно, что там – нож. Или обреза.

Вновь понял, что основа моей философии – пустота. Неподвижная и бесформенная. Я тебе об этом говорил еще около пяти лет назад. А сейчас, находясь в густонаселенной Европе, еще более отчетливо ощущаю свою правоту. Ведь, скажем, если для кого весна, то для меня – **СЫРОСТЬ!** Подошвы буквально гноятся кожей! Хотя, я уже не верю и не понимаю, почему некоторые преподаватели в мудрых книжках считают, что основные понятия проще передать образами. Представь себе на пару секунда – через противоположное! А эти только напрягают без причины мозг. Поэтому я постараюсь сказать коротко

Ведь диалоги в научных книгах – споры, уточнения – сильно беспокоят уставшее тело, но пользы не приносят.

Любые смысловые потоки построены на порождениях человеческого мозга. Сотворил – отправил. Появляется симулякр. Ведь не может разум создать точную копию мира, он придумывает собственную версию, которая вовсе не похожа на реальную, а потом ее копирует. Это своя микро-вселенная, уютная паразитарная вселенная за переносицей. Нет никакой возможности срастить ее с настоящим. Но пока мысль проходит оттуда и вот сюда... Ладно, я поз-

волю себе исключение, – проходит, словно бы воздухолет, который научился проникать за естественную оболочку Земли... Падает вниз, сквозь огонь, сгорают крылья, обшивка, ничего не остается, ни пилота, ни машины. Пока мыслил, пока пробирался к жизни, осталась одна пустота. Так к чему утруждать себя наслоениями? Не стоит ли выдавать одну лишь пустоту? Сразу же.

Не получится – рука сама тянется к ножу и масленке. Потому все мои стихи – суть шприцет мою точку зрению, почувствуют, как клацают они, сталкиваясь в попытке найти что-либо в вакууме. А потом подумает – откуда же звук в вакууме. И перестанет интересоваться поэзией. Еще один спасен.

Смущает ли это меня? Отнюдь. Не торговля воздухом, так образами. Вопрос состоит только в том, кто признается в создании мечт-мечтов-мечтей из звенящей темноты. Я готов признать – и даже знаю, что сие только прибавит мне очков.

Как видишь, я осторожен, хе-хе. Да и ты береги себя.
Крепко обнимаю тебя, Валя. Привет папаше.
Твой брат Костя.

Пятая, о паре подружек, сошедших с гор

Даше снилось, что она бульдозер, что она бульдозер, что стоит снежном поле, в белых кедах и сером длинном платье, держит в руках скрипку и смотрит в сторону, прочь от

невидимой камеры. Это действительно она – худая шатенка, младше своего настоящего возраста – главным образом потому, что у нее есть ямочка на подбородке, тонкие губы и очень четко очерченные брови. Что же я делаю, думает Дарья, неужели я позирую для фотографов? Во сне не чувствуется холода, однако она видит, что кеды уже намокли, что ей надо в машину, кинуться на заднее сиденье и заснуть по-настоящему. А где она находится, где авто, почему на трассе никого нет? Да и, вроде бы, камеры тоже нет. Ничего не щелкает. И чья это скрипка? Почему она должна заботиться о чем-то чужом и мало ей интересно, но наверняка дорогое, опытным, громком?

Даша села в этот поезд потому, что он ехал в нужный ей город. А еще – потому что он насквозь пропах рыбой. И она могла, закрыв глаза, представить, что едет по пустыне, прямо по сердцу африканского континента, а за окном – песок, небо и горизонт. Депрессия – когда есть пустота, заполненная астероидами.

У нее лежало на столе три бутерброда с сыром, и оставалась еще бутылка малинового морса. Она и раньше ездила с таким запасом еды далеко в Питер. Хотя ее родное жилище хоть и находилось отнюдь не близко. Она просто практически не могла жевать в дороге, поэтому на вокзале по прибытию казалась бледной и одухотворенной. Да, она ездила в СПб достаточно часто, так что хорошо его знала. Но у нее не появилось там друзей. Так что ей пришлось залезть в Ин-

тернет, поглядеть на предложения, позвонить в контору, выбрать несколько вариантов... В принципе, она могла тут же вернуться, благо личные вещи влезли в одну большую сумку. Ни швейной машинки, ни аккордеона, который она обожала, потому что он – большой, громкий и зеленый. Но с другой стороны, дома она все уже хорошо знала, а ведь очень тяжело жить без новых впечатлений, если ты не тот человек, который намерен разрушать или, что гораздо сложнее, создавать новое.

Если ехать до Питера в вагонах не с утра, а с вечера, по времени выходит дольше. Плацкарт, в котором не выдают белья, потому что никто не будет спать. Однажды она попробовала пропутешествовать, проснулась дома в пять утра, еще солнце не взошло, а она уже завтракала, а потом отправилась к поездам на вокзал. Никакого удовольствия. Перед отправлением она выпила банку коктейля, а еще раньше купила «Ромовый дневник». Есть не хотелось. Потом она все же попросила белье.

«Я во сне вчера ела, – говорит через несколько лет Даша мужу. – Хватала все, что в гостях лежало, и поглощала. Потому что знала, что сплю и хотела поесть побольше. А наутро мне пришла хорошая версия пьесы «На дне» Горького – остается один Сатин, говорящий все диалоги, какой-то левый мальчик его слушает, а потом появляется мельник, который никак не может мельницу продать. Ну, вы понимаете, неожиданный поворот событие, все такое...»

Подушки в наборе не оказалось. Даша не стала конфликтовать с кондукторов, она подумала, что ей она и не нужна. Слишком много места занимает на верхней полке. Она вытащила пару свитеров, завернула их в большое полотенце и приготовилась заснуть. Внизу обсуждали автобусные поездки в Европу: в шесть утра тебя будят, а за окном – Париж. А куда это годится, ну? Даша согласилась про себя, что никуда не годится. Но, с другой стороны, ведь нельзя ждать того, что удача придет не просто вовремя, а еще и после завтрака. Так что жди, в любой момент может явиться. Нельзя сказать, что дома Даша себе плохо чувствовала. Жила в полноценной семье, располагала большой комнатой и с десятком собственных виниловых дисков, заказанных по сети из-за границы. Плела украшения на продажу. Закончила исторический факультет. Даже чужие дети ее слушались, наверное, потому что как учитель Даша к себе располагала: голоса не то что – не повышала, но даже как-то скрадывала. А потому приходилось остальным помалкивать, чтобы услышать ее речь. Check-check, включите микрофон, прибавьте средних. В мониторы подайте, ага, нет, больше ничего не надо, я вообще-то одна выступаю, без сопровождения. Популярностью не пользуюсь, за деньги на меня не ходят. Государство само платит. Скорее терпят, но вежливо.

Даша посмотрела на забор из проволоки, который тянулся вдоль леса второй час. Кому придет в голову перелезть

через него. Кто ходит по рельсам? По ним только ездят. По рельсам ходить очень неудобно. А в заповедники можно попасть и более удобным путем. Как все это неэкономно. И она опять стала читать Гоголя. Очень интересно разбирать подобные романы, когда школьная программа уже забыта. Можно превратить поэму о хитрой афере в любовный роман.

Когда ты едешь в поезде, общаешься ли ты с соседями, фотографируешь ли пейзажи за окном, смотришь ли ты кино на ноутбуке, в конце концов? Может, ты спишь всю дорогу? И роешься в мобильном? И ешь лапшу, пьешь чай с «Юбилейным» печеньем за 20 с лишним рублей, потому что не продают в поездах печенье на развес. Даже твоего любимого. Иногда пройдет пара старушек или их внуков (в три часа ночи, через весь поезд, ни задев ни одного грязного носка, что торчат в проходе нагло и расслабленно).

Сейчас Даша возмутится, мол, а как же мои ценнейшие мысли? Ведь я же, пока вы тут разглагольствуете, думала о том, что зря закончила университет, а не пошла шить одежду еще на третьем курсе. К примеру. Все равно ведь – не пошла. Может, что-то и вышло бы в итоге. Более забавная ситуация с точки зрения синопсиса, а не духовных переживаний. Она хочет сказать – имелось бы больше практического у нее опыта – и ей было бы гораздо проще жить сейчас. А теперь у нее багаж знаний, который даже в камеру хранения не сдашь. Зато ее гарантировано ожидают несколько лет временной работы, пока она не падет духом и выйдет, скажем,

замуж.

Еще можно полететь самолетом. Но она знает, что это такое – дешевым рейсом, ближе к ночи, из пригорода. Билет не дороже полутора штук. Правда, она испытала это один раз. До аэропорта ее тогда довез одноклассник, который купил по случаю «Оку» и страшно ей гордился. И правда – чего бы не гордится? Возит, ломается, жрет бензин – все чин чинном. Больше ничего и не требуется. Это произошло зимой. В городе температура опустилась до минус тридцати. Потому они быстро добежали до здания, спутали терминалы, немного замерзли. А оставалось еще два часа до вылета. Регистрацию начали поздно, чуть ли не за час. Пока ждали, съели все беляши, которые приготовила Дашкина мама, побегали по зданию, прочитали рекламные объявления и, наконец, решились попить кофе в местной забегаловке.

Аэропортовский общепит – категория особая. Все точки оформлены до противного аскетично, но красиво – даже и не чувствуешь, в какой стране находишься. Одни и те же виды товаров – что в Италии, в России, что в Нидерландах. И сидя в центре огромной страны, думаешь, что ты являешься частью гигантского материка...

Объявили рейс, она быстро прошла осмотр, но сумка весила аж восемь килограмм вместо пяти, пришлось сдать ее в багаж. Летели они на редкость некомфортно. Рядом с ней сидел огромный мужчина, который заглушил гул турбин хра-

пом – ее место оказалось в самом хвосте. А спал он весь полет. Приземлившись на 15 минут позже расписания, они долго ждали багаж – и уже наступила полночь. Самолеты еще летали. А вот поезда из Домодедово до Киевского вокзала – не ходили. А она сговорилась с подругой, у которой хотела протусовать чуть ли не целую неделю, что успеет прибыть на постой к часу ночь. М-да, денег осталось впритык. Она бегала по всему зданию, ходила к остановке такси. Потом какие-то добрые водители автобусов сказали, что рейсовое сообщение, в общем-то, есть, но ждать очередного «Икаруса» придется еще долго. Странно, вот ходят отличные экспрессы от Шереметьево за 250, почему же тогда такси за 500? Понятно, почему, но почему именно сегодня нужно столько платить? Она простояла в итоге еще 20 минут. Доехала до Юго-Западной в половине второго ночи. И поняла, что деньги выкладывать все же надо. А ехать нужно было до самого центра – маленького, но далекого. Даша подняла руку, подъехали сразу две машины. Азербайджанец, заваленный пакетиками быстрой лапши, сказал: «Садись, 500». Уставшая, она высчитывала в голове суммы, разделила вновь их на семь дней. Махнула рукой, кинула сумку на заднее сиденье. Тут в окне появился другой представитель южной нации и заявил: «Так! Ты – вылезай! И ты – почему ты клиентов отбиваешь?». И начал водителя за грудки вытягивать из салона. Даша испуганно схватила сумку. И добежала чуть ли не до следующей станции, где поймала такси на 50 рублей

дешевле. Добралась до подруги. Которая совсем не обрадовалась, потому что давно уже собиралась заснуть. Но потом она вздохнула, достала из холодильника пакет красного вина. «Ты представляешь? – сказала она после первого бокала. – Вчера мою знакомую так отшили, вообще. Она пришла в гости – а там гульба, парень у знакомой этой сидит, еще гости, коньяк, вермут... Извинились, посадили за свой деньги в машину – и отправили обратно куда-то еще».

Даша тогда так и не поняла, имелся ли какой-нибудь тайный смысл у этой истории.

Так что она ехала поездом, а не самолетом или поездом. Говорят, скоро поезда будут стоять как в Европе – дороже, чем любой крылатый переноситель пассажиров. Любопытный способ прыжков до материкового уровня. Стоило бы поглядеть внутрь вагон, а потом думать, как нарастить на нем жир... И уже неизвестно в каком времени подумала Даша о том, что если все будет дорого, то люди станут сидеть по домам без всяких разъездов, не думая, что легко можно поменять не только прописку или регистрацию, но и мировоззрение, настроение, развлечения. А также собственное долголетие и успех. Будут сидеть каждый в своем районе, ходить через улицу на работу и в магазины, фитнес-центр, кинотеатр и в гости – прямо в соседнюю дверь на лестничной площадке. И у каждого русского языка появится множество диалектов, столько, что мы будем вынуждены каждый раз,

переходя улицу, доставать новый разговорник.

Прошло два дня после эпизода с ванной, когда в квартире появились еще две девушки. Надо, наконец, сказать, что Инна и Даша раньше жили в Екатеринбурге. Я только два раза приезжал в Свердловск, и скажу вам откровенно – он ничем не отличается от центральной России. Так что они не были, эти девушки, какими-то тихонями-фуриями, говорящие на своем, особом диалекте.

Вообще-то Даша – лучшая подруга. Вот только они поехали в Петербург порознь, как-то даже и не знали об этом. А сейчас столкнулись. Наверное, потому что они разные. Инна – белокурая, любит сапожки носить, ходить в клубы (но не сейчас, правда, а раньше). Даша любит песни петь в парках под гитару, с друзьями, а когда те напиваются, уходит. Но это тоже, правда, было раньше. Сейчас они обе немного скучают по прошлому. Хотя у Инны появилась достойная работа – она секретарша. А Дарья продает книги в магазине. Такой вот шаг на месте. Вроде бы есть перспектива, но нарисована она как-то криво.

– Так, что скажете? – тетка-агент сжимала в руке телефон и смотрела мимо нее. Чего глядеть на очередную девушку в длинной юбке, которая, видно, совсем недавно перестала носить очки, а потому, кажется, немного косит? На этот раз обошлись без хозяйки, которая, слава богу, теперь риэлтор-

ше полностью доверяла.

– Ничего. Да... А кто тут еще живет? – спросила Даша, потому что это была она.

– Двое молодых людей и девушка. Один фотограф, вроде бы, а девушка учится на журналиста. Так, прямо по коридору ванна, рядом – кухня. Да, за свет платят все по отдельности, у вас тут счетчик. Вот, кстати, и ваша комната. Небольшая, но, как видите, есть холодильник, диван, шкаф, столик журнальный. Шторы в шкафу лежат.

– Мне подходит. Надо что-то подписать?

– Да, я сейчас... Скоро у вас все заполнится, еще одна девушка вселится. Должна с дня на день появится... Вот ваш договор, я его сейчас заполню, вы прочтите и распишитесь.

– Да-да. А, может, если ей не подойдет, ну, девушке, я вам телефон еще один дам? У меня есть подруга, Инна, она тоже ищет.

– Какая популярная девушка, – усмехнулась женщина.

– То есть?

– Если эта самая, то я уже звонила одной Инне от некоего юноши. А он говорил, что взял номер у ваших новых соседей.

Жить надо четко, до тех пор, пока глаза не устанут. Прошло два дня с тех пор, как мы в последний раз посещали квартиру. Перенесемся чуть ближе к Невскому.

Инна в очередной раз перечитала свое резюме: строчка о

работе «оператором развлекательного центра» ее в очередной раз смутила, но как еще описать процесс в зале, забитом игральными автоматами, когда вокруг одни недозрелые подростки! Они задают вопросы о том, почему кнопки плохо реагируют на их действия. А дело не в машине, а в вас, уроды. Вам бы сразиться в морской бой образца 85-го года, только прицел и одна кнопка, а по бокам подружки заглядывают в окошки, и говорят, что ты попала, хотя ты и сама все прекрасно видишь.

Инна сидела в это время в постороннем для нее офисе, куда ее пустил тогдашний кратковременный бойфренд. 24 года уже, а все – кратковременные. Помещение хоть и называлось офисом, однако в нем не поставили еще строгую пропускную систему, а хозяйка пару раз даже подкинула какие-то пресс-релизы в качестве подработки. Сейчас Инна пила кофе, украденный на кухне, с тоской думала, как отвязаться от обладателя компьютера и раскидывали резюме по всем адресам, которые могла найти. Двоюродная, а может, и троюродная, и вообще, не тетя, тихонько грозила выпереть ее на улицу. И вроде бы и не страшно. Потому что вчера столкнулась она с Дашей, дико неудобно получилось, но Дарья всегда оставалась девушкой спокойной, скандалов не устроила, но сказала, что знает риэлтера, с которым можно договориться, и вроде бы есть комната. Малюсенькая, зато за копейки.

Инна с детства любила хлопать глазами перед зеркалом и представляла себя женщиной, тревожащей сердца. Ника-

ких позитивных волнений. Именно душевные переживания на грани страха и ужаса оттого, что эта красавица – не твоя женщина, а ты сама. Она ни разу в жизни не пользовалась хной, краской или чем-то еще. Она берегла свои волосы лучше собственной мамы, которая, однако, годам к 15 поняла, что родственные связи не дают право покушаться на все векторы поведения в жизни дочери. Все-таки семья – это длинный семинар по дипломатике. Это даже не карьера в посольстве, это даже не работа на органы госбезопасности – тут тебе придется несладко до постоянной горечи во рту, что-то застряло в небе, ты лезешь языком, но чем больше болтаешь, тем только острее раздражение.

У Инны всегда была аккуратная челка, а уши всегда закрыты прядями, потому что она считала, что здесь природа с ней доработала.

Когда Инна также ехала в том же самом поезде, что и Даша (тот же номер, но иная дата оправления), она говорила соседке в поезде, выпивая с ней четвертую бутылку пива, примерно такие слова:

– Как пела Пи-Джей Харви, ты оставил меня сухой. Вообще-то писатель не должен говорить о таких вещах. Оставить должен он эти дела девушкам с острым языком, более ни на что не годным. Ибо с чего он взял, придурок, что может рассуждать о женской чувствительности, если в него никогда ничего не вставляли? Психология сталкивается с показания-

ми терапевта. Скажите, доктор, гм, просто доктор, что вы думаете о нашей пациентке? Я думаю, мистер сомнение, что здесь мы наблюдаем типичный случай: лишилась девственности в 15 лет, потому что очень хотела этого. Произошло важное событие на даче, в одной из маленьких комнат. Причем народу приехало тогда совсем немного, большинство тихо напилось и заснуло внизу на диванах и полу. А она пошла наверх, к себе, ведь это ее дача! И кто-то очень настойчивый заявился к ней через полчаса, откинул одеяло – а она его ждала, ему даже не пришлось снимать с нее одежду. И они долго боролись... Ничего, что я так подробно? Словом, это был акт скорее общественный, чем эгоистичный. Потому что потом мозг не напрягается, он клиширует и клиширует страсть, когда узнает знакомые сокращения мышц. Это все равно что – краска прилила к лицу, ноги бросились в пляс, левая рука резко вылетела вперед. Ох, извини, юный гений, это все воспоминания о войне в Сибири, против оленей и оживших бревен. Не хочешь ли чаю? Или может, таблеток из моей волшебной шкатулочки и забудем об досадной ошибке?

Инна не понимала, что же изменилось за последние три года. Она все так же сидит за столом у входа в главный кабинет, поправляет стопки бумаг и читает иностранные блоги, потому что доступ в блоги и социальные сети перекрыли админы, а в новостях пишут о том, что она и так знает. Если бы

они посмотрели, что она ищет в Гугле, то вряд ли бы сильно удивились: «работа», «расписание поездов», «рингтоны бесплатно». Не сказать, что Инне вообще нечего делать: ей любят звонить поставщики из-за рубежа и дотошно расспрашивать, почему патрона нет на работе. К тому же они очень правильно произносят ее нехитрое имя.

А Сам-скрытый-Самец предпочитает докучать ее правкой расписания дел на неделю, день, месяц, перепиской с подчиненными. На ковер он редко кого вызывает и требует порой, чтобы она рассказывала ему о Екатеринбурге, своей семье и тех немногочисленных приключениях, которые с ней там происходили. Она должна садиться на край стола и покачивать ногами при этом. Кажется, именно это его и привлекает. Далее действия развиваются только в голове у Инны. Не нравится ей эта нерешительность. Мог бы и пригласить куда-нибудь. Хотя поездка в Японию, которую он пообещал устроить в конце месяца, вполне может считаться эквивалентом романтическому путешествию. Инна слышала, что в Японии все жутко дорого. А значит, даже обыденные расходы-ритуалы будут проведены с шиком – с точки зрения ее нынешнего положения.

Сейчас она идет в круглосуточный супермаркет покупать йогурты. И стиральный порошок. Звонит сотовый и женский голос говорит с нажимом:

– Это Инна?

– Да.

– Здравствуйте, меня зовут Марина Гавриловна, помните, мы созванивались по поводу жилья.

– Да-да, ох, извините. Я же должна была прийти, а тут дела на работе, а номер ваш я потеряла.

– Ну, ничего страшного. У меня для вас до сих пор есть один отличный вариант. Очень прилично и недорого – насколько это вообще возможно летом. Подруге вашей, Дарье – ей комната подошла. Соседняя. Может, будете жить в одной коммуналке.

– Даше? Да-да, конечно, спасибо, а посмотреть можно рано-рано утром, часов в восемь?

– Без проблем.

– Хорошо-хорошо! Говорите адрес.

Она пришла обратно в офис и решила поспать здесь. Благодетель уехал в Москву, у молодящейся бабушки, кажется, наконец, начался климакс, поэтому лучше оставаться на относительно нейтральной территории. Смотреть чужие фотографии, 10-минутное домашнее порно исполнительного директора (наверняка все ее подчиненные добрались до этого файла). Инна долго глядит в потолок, потом скачивает программу, скрывающую IP и заходит на uoicporn с директорского компа. Утром она ее удалит – хочется посмотреть, насколько офисный терроризм интересен таким же, как она, полуночникам.

Потом Инна берет стационарный, но беспроводной телефон в руки. И звонит, быстро нажимая по клавишам:

– Здравствуй, дорогая! Присмотрела себе жилье, как я слышала? И как оно?

– Привет, Инна. Очень неплохое, кухня там чистая, две плиты и гора посуды. Кран в ванной слегка протекает, зато – кафель. Пять комнат, два парня живут и девушка. Я, правда, никого не видела, но квартира-то целая!

– Пять, ужас какой! Шумно будет. Стоит ли оно того, дорогая?

– Инна, ну, забудь ты про то, что происходило раньше. Слишком у тебя высокие требования и маленькая зарплата.

– А раньше ты по-иному говорила! Да уж, иняз оказался не самым перспективным факультетом мира. Как и твой истфак, впрочем.

– Я и не претендую. Я человек потерянный, совсем не надежда своей страны.

– Зато ты много читаешь. Да?

– Сейчас уже меньше – книги заканчиваются. И ты звонишь...

– Не язви, пожалуйста, лучшей подруге.

– Пардон, муа. У меня из окна видна огромная труба, которая дымит в небо 24 часа в сутки. Поэтому мне будет в самый раз переехать в громкий центр. А пока что я не могу быть тактичной и деликатной барышней, потому как много езжу в общественном транспорте. Хотя, слушай, я могу соорудить себе множество газовых платочков.

Инна, конечно, ее лучший товарищ. Понятно, что на дискотеках парни подходят знакомиться не с Дашей, а с Инной. Но потом и ей достаются лакомые кусочки. А с другой стороны, все зазнайки и напыщенные придурки также фильтруются Инной. Очень удобно -можно отслеживать все повороты и засады.

Кстати, о последних! Ведь Даша хотела себе тогда вены покусать из-за разрыва с Андреем! А Инна тогда ее не бросила, нет, она сидела рядом. Держала ее за руку, не только потому, что так положено, когда утешаешь подругу, а еще потому, что в них располагались канальчики для крови, которые очень легко вскрыть. Слегка полноватые девушки – они это умеют. Думается, чем барышня меньше весит, тем меньше в ней слезы, которые в нее заливают про запас на всю оставшуюся жизнь. Хотя, кто не видел плачущих модельных блондинок, сидящих на парапете, тот зря пропил свою молодость.

Давайте еще немного расскажем об этих девушках. Сейчас они сидят на новой кухне, пьют белое вино из кружек и иногда похихикивают. Сели они за стол, даже не распаковав вещи – переселяться пришлось сразу после работы, так что сил нет даже распаковать вещи. Хочется выпить, принять душ.

– А помнишь, – говорит Инна, – как мы Новый справляли? Ну, когда у тебя кость застряла в горле, рыба. И ты до

вечера пыталась ее оттуда извлечь, ездила с папой своим по поликлиникам и больницам, в итоге тебе ее достали, а еще накачали медицинскими разрешенными наркотиками. И ты находилась, ну, в таком в состоянии прострации. Я помню, мы с тобой ехали к мальчику какому-то – как его звали? – ехали на автобусе, а я уже успела отрезветь и смотрела на людей в салоне. Там были либо грустные, либо пьяные лица. Улыбалась только я одна... Я пьяная уже, а ты? – Инна посмотрела на смутившуюся Даша. – Давай пей, нам же жить еще сколько? Клево здесь, правда. Надо бы остальных позвать?

– Так вроде бы никого еще нет.

– Подождем. Знаешь, что я не люблю. Я очень не люблю сидеть в офисе в субботу. Нет, я люблю работать. Но представь себе сегодня: солнце пляшет на монитор, в комнате трое – я и Женин хахаль. И Женька – она рядом сидит, уже два года, секретарь зама нашего – а теперь умотала в магазин за сигаретами. А он развалился и пляшет на меня. Даже не разговаривает. Понятно, что в словесной битве я его побила бы. Но у него-то нет голубого делового костюма с миди-юбкой, которую я зачем-то сегодня надела. Суббота – не рабочий день, можно и без дресс-кода. А столы у нас просматриваются ниже уровня моря замечательно. И, наверное, лучи так и играют на колготках. Уфф, приходит Евгения, целует благоверного. И они начинают шептаться. Уж лучше бы обо мне, думаю я. Пусть говорят, что они хотят меня отыметь

на моем же рабочем месте вдвоем. Тогда бы их разговоры хоть как-то меня касались. Но нет, они все о себе, о походах в злачные и скучные места, о совместных знакомых – надо же, появились. Ах да, они потом еще долго тыкают пальцем в экран. Ведь рабочий компьютер – это идеальное пространство для хранения псевдо-семейных фотографий. Уффф... А как твоя работа? Ну, книжный магазин?

– А я еще успела в Питере поработать в гостинице, сидела в фойе, выдавала ключи. Вот это – скучно. А здесь, ничего, интересно.

– Книжки читаешь?

– По ночам сплю в основном. Нас там мало контролируют. Ну и книжки читаю, самые странные. Курсы выживания на 400 страниц. Или воспоминания.

Инна не может пить кофе, потому что она слишком много работает секретаршей, думает Даша. Наверное, я должна ненавидеть буквы. Инна тоже меня должна недолюбливать за то, что я пропала, когда поступила на искусствоведение и получила комнату в общежитии на самой окраине. И не могла с ней связаться. А она тем временем устроилась секретаршей, сняла комнатку почти в том же районе, что и это общежитие, купила себе две изящных деловых костюма. Столкнулись подруги на улице поздно вечером, сначала друг друга не узнали, немного поострили, пустили по паре шпилек, да так и помирились, не успев поссориться.

И теперь Инна постоянно рассказывает о том, что скоро

ей светит поездка в Японию, потому что она выгодно показала себя перед начальством. Ведь что было, что было! У шефа потерялась вся важная информация на компьютере. Что-то он там перемудрил с установкой новой операционной системы. Перестарался. Инна еще до прибытия сисадмина – дозвонишься до этих персонажей с bash.org.ru! – поставила на машину особую программу и выудила большую часть потерянного. Ведь наверняка ее старания должны заметить.

Даша могла говорить только о книгах, потому что она более никуда и не ходила, кроме как в магазин и на лекции в арт-академию. Вместо «гламурный» произносила с нажимом на Эль «апскельный», вместо «суета» – «гомозня». Это значит – высококлассный. И – неразбериха. То есть уже – не розовое, не оглушающее, а подавляющее разум. Нечто из области нанотехнологий, а не отдела обуви. И – полное презрение к шумихе. Даша не так проста, какой кажется. Прохожий бы сказал: «Хиппи недоделанная». Но в Дарье царил вполне себе корпоративный дух соперничества и желания выжить. Половина нынешних стартапов запускается такими вот аутсайдерами. Третью успешного офисного планктона пойдут в Дарье в мужья из-за сходства интересов.

– Я тебе скажу кое-что. Понимаешь, люди могут жить здесь, не общаясь друг с другом, как бы близки они не были. По крови, по нраву, по страданиям. Легче все это делать, если ты живешь вдали от таких людей, – говорит Инна и тя-

нется к сигарете. Не дотягивается. И заканчивает: – Мы с нашим соседом-фотографом – близкие родственники. Двоюродные братья-сестры. Но он меня не любит. Я так думаю. И я его – тоже. Он наверняка знает.

Письмо из Норвегии

Здравствуй, сестра! Еле палки эти дотащил я до гостиницы и вот пишу теперь тебе, сидя возле камина на первом этаже. В моем номере тоже топят, но не так усердно, а Кристиания – это не то место, где стоит пренебрегать дровами, огнем и их соприкосновением ради человеческого уюта. Однако местные работники настолько милы, что разрешают проводить рядом с ними столько времени, сколько возможно.

Что могу сказать? Кормят по утрам отменно – по так называемому принципу шведского завтрака. Это, сестра, означает – можно брать с выставленных подносов сколько хочешь еды и питаться, пока есть силы. Чем я и пользуюсь ввиду стесненности средств. Не беспокойся, деньги пока имеются в достатке, однако мое путешествие только в самом начале, не хотелось бы в самом конце запомнить скудные обеды где-нибудь в Польше... Ну, да ладно, не будем о грустном? Как у вас? Как папенька? Толком с ним и не попрощались, а жаль. Может, у него есть какие-то просьбы? Или у тебя? Гостиницы, небольшие, но милые, я вам обязательно доставлю. Пока что маюсь от раздражения, обвет-

рились губы – уж больно сильный ветер дует с морей. Гулял вчера по собственной глупости чрезмерно долго в порту – и вот вам результат. Сейчас мажусь кожу специальным составом, коже почти не шелушится, но трогаю – и больно.

Однако в порту – цены изумительные! Видела бы ты тамошние торговые ряды. Из обычной пристани норвежцы отстроили рай для зажиточных туристов. Впрочем, и такому постриге, как я, есть чему подивиться. Каждый дом – как будто лет на сто старше своего время. Этажи так и плывут по небу, улицы причудливо вздымаются, трудно, ой, трудно все мне описать, но хочется, искренне хочется.

Между тем, продукты здешние недешевы. Питаюсь во вьетнамском ресторане супами с морепродуктами – много и достаточно дешево, хоть официанты ничего не знают по-английски, уж тем более – по-русски. Однако в первый день мне удалось ткнуть в верную строчку. Иногда позволяю себе местной рыбы, хотя она ужас как дорога... Да что ж это я все о проблемах, да? Расскажу тебе сон. Снился мне город чудесный – такой чудесный, что проснувшись утром, я не почувствовал семичасового холода, а гордо прошествовал в ванную комнату, вновь припоминая подробности.

В городе том на каждой улице стоял шатер – или в них музыкальные и театральные представления, артисты все большие неизвестные – насколько я могу судить. Но весьма интересные. А после забрел я в кварталы, где живут последователи ислама. На одной из улиц стояла мечеть, стисну-

тая с двух сторон домами. Мусульманская молитвенница походила на космический корабль из романов Уэллса (читала, надеюсь? Я ведь тебе его рекомендовал!). И вот я осмеливаюсь войти внутрь – а там сладости. Все большие восточные, на вкус приятные. И ни души. Поднимаюсь по лестнице, прохожу мимо комнаты для омовений, захожу в залу для церемоний. Ковры, анфилады – и тишина. Снимаю обувь и тут – мальчик лет 10 возникает в центре. Молится усердно, насколько могу судить я. Меня не замечает. Я жду, когда он завершит молитву и говорю ему по-норвежски – «Здравствуй». Он поворачивается – и знаешь, кто это? Твой знакомый. Все тот же. Как ты считаешь, есть ли в этом какой-то знак? Может, мне стоит, как советовали мои петербургские знакомые, съездить на окраину города, посидеть в одиночестве? Не слишком ли я цепляюсь за случайности?

Впрочем, все это ерунда. Я чувствую себя замечательно, надеюсь, следующее письмо будет более оптимистичным.

Обнимаю,
Твой брат.

Шестая, книжная, в которой мало разговоров о самой литературе

Они добирались до магазина на 20-м автобусе за 15 (тогда еще) рублей, в котором показывали рекламу и передавались телеприветы. Даша смотрела в окно, Инна слушала музыку

в плеере. На нужной им остановке сел аккумулятор.

– Ну, а взять зарядник, я, конечно, не догадалась. Ладно, веди уже... У тебя там что-нибудь играет? Какой-нибудь, гм, лаундж?

– У нас там два альбома. Кавер-версии «Битлз» и Вагнер – «Greatest Hits».

– Замечательно. Полезно знать классику. А еды мы с тобой купили?

Им пришлось скоро пробежаться по Гончарной, потому что только там работал круглосуточный – якобы предназначенный для ветеранов, однако никого старше сорока внутри они не увидели. Зато дешево потратились на нарезку, кисломолочные продукты, один энергетик и буханку пшеничного хлеба.

Потом они несколько раз перешли на светофоре и вошли в книжный, в котором уже пятый месяц работала Даша. Инна решила составить ей сегодня компанию – в знак бесконечной дружбы и солидарности. Да и просто – поболтать о девичьем. А то как-то непорядочно – не виделись столько уже. Наверное, изрядно накопилось тайн.

– И что же ты тут... делаешь? – сказала Инна, вешая куртку в комнате для персонала и выходя в зал.

– Ну, пару часов пью кофе и курю. Подвожу клиентов к нужной стойке, расставляю книги в алфавитном порядке. Ну, или чтобы красиво смотрелись корешки. Если даже книга плохая, то можно из десятка таких собрать арт-объект...

А в остальное время читаю. Много читаю. Правда, так, чтобы не заметили. Запрещено. Удачно, наверное, – обещают перевести в более крупный магазин.

– Куда уж крупнее... Неужели на жизнь хватает?

– Нет, мне еще родители присылают.

– Вот, Даша, какая-то ты все-таки – скрытная. Не узнаешь ведь, что у тебя есть эта тяга к лени, – сказала Инна.

– Я же учусь. Кто же знал, что история – не моя стихия, а вот искусство – вполне? – попыталась парировать Дарья.

– Да, а я разучиваюсь. Теряю за квартал по одному студенческому курсу.

– Ооох, начинается... Вообще, ради чего ты сюда пришла? – спросила Дарья.

– Ну, я же твоя подруга, – Инна положила очередной путеводитель обратно на полку. – А ты мне не веришь. – Она одернула юбку, поправила пиджак, огляделась в поисках зеркала и подумала, что после работы стоило бы и переодеться. Господи, как неосмотрительно! Инна оглядела полки, заполнила ими оба этажа и мысленно согласилась – суетная работа.

– А то, что я тут – это нормально? Не прогонят?

– Сиди сколько хочешь. Администраторы наши страшные спят дома. А мы тут тусуемся.

– Вечеринки проводите?

– Нет, читаем по ролям!

В магазине жили книги. Совсем недолго, быстро устаре-

вая, впадая в депрессию, но требуя теплого отношения и стакана воды. И на том спасибо вам, убийцы деревьев!

Лежали детективы – очень много мягких и дешевых. Большинство из них Инна могла бы уже запомнить – а как им не закрепиться в памяти в виде обложек, если они таращатся на тебя ежедневно в метрополитене! Детективы стояли огромным куском пространства, занимая невероятное количество полок. Казалось, что вся Россия пишет дневники, переименовывает их в расследования и на это дело живет. Однако все было не так. Истории пишутся за 100 баксов людьми, которые курят по пять пачек в день – и могут преспокойно закончить жизнь от рака. Вот это, кстати, и готовый сюжет для детектива. Подумайте об этом.

Отдельно громоздилась классика. Русская – на обложке картинки, максимально приближенные к современному быту. И зарубежная – минимально удаленная от шизофрении.

Пару углов занимала современная русская проза. В ней дамы писали о том, как им одиноко в сетях Интернета, а мужчины – что они могут выпить море, а потом в него помочиться и не поморщится. Некоторые фолианты уже изрядно истрепались, но их упорно держали на месте, в надежде, что сам автор, разбогатев на сдаче макулатуры, купит их себе на память.

Переводная новая литература отвоевала себя два прохода. Японские и испанские авторы яростно теснили друг друга, как будто шла Третья Мировая: восточные уже не мог-

ли вызвать подмогу из-за океана, а западные формировали в себе новые комплексы без вины невиноватых. Латиноамериканцы казались нейтральными рыбными котлетами – тоже не вегетарианство, но гарантированно интересно.

– Люблю латиносов! – заявила Инна.

– Читать? – Даша наконец договорила с первым посетителем в поздний час, посоветовала ему брать полное собрание Желязны и начала ехидничать. В полупустом магазине, куда заходят одни чудаки, она могла вести ток-шоу.

– Ксерить! Конечно, читать, о, менеджер ночи. А вы тут, кстати, кофе пьете?

– Литрами. Хочешь?

Кулинария – после оружия. Сначала нужно порубить, потом заварить.

– Странно для меня лично, – сказала Даша рассеянно, – видеть эти книги – кто же по ним готовит? Не в том мире с тобой живем. Рагу, макароны, пельмени. А меня всему худо-бедно научила мама. Кулинарные книги – они для мужчин, читающих во время еды.

Словари притулились в самом крайнем углу. В количестве пяти рядов. Русский-японский, японско-русский, китайский, чешский. Очень странно, что так мало словарей нерусских. Билингвивальных. Немецко-чешский. Он же проще! Все и так говорят по-английски...

Книжки эти стояли от входа, рядом с пособиями по сексу

– этими огромными фолиантами, которыми можно в порыве страсти хлестать по попе. Они выглядели, как книги по искусству. Инна внезапно захотела посмотреть их поподробнее – ну, когда еще можно листать какой-нибудь том «110 экзотических поз», не глядя себе через плечо? Даша хмыкнула, и девушка решительно взяла одно из пособий по сексу и уставилась на иллюстрацию прелюдии – парень с девушкой сидели, взявшись за руки. Когда она в последний раз так сидела, держала за руку юношу и думала о том, что же будет дальше? Скорее всего, это произошло в 7-м классе. 14 лет. Волнение. А здесь девушка работает – не шлюхой, но фотомodelью, это красиво. Это естественно. И все у нее получится.

...Где правильная политическая пропаганда в литературе? Где советская классика? Где дешевые брошюры по подписке от общества «Знание»? Что вместо этого найдешь в трехстах сотнях – к примеру, только – к примеру! – сотнях наименований от издательства, крупного и успешного? Сколько издатели сожгли ценного в своих печах за два года, потому что оно уже устарело. И это точно никто уже не возьмет, домой не принесет, под кровать не швырнет...

Даша ест лапшу и размышляет на тему книгопродаж, потому что запах, похожий на вареную кукурузу, заставляет ее думать только о бестселлерах и их антонимах. Даша много чего читала. И детективы, и Шпенглера не из-под указки, и словарь пословиц русского языка. Это ей здесь особо и не

пригодилось.

– А берут у нас, Инночка, – тут Даша отложила чашку, – всякую эзотерику и астрологию. Психологов и целителей. Садоводов и мастеров рукоделия. Книжки на сюжеты компьютерных игр. Свастикочеловечные тома. Вместе с рыбалкой. Обожаю покупателей. Полные дебилы. Ненавижу их... А самая нечисть – это бабки. И деды. Они книжки тебе пытаются продать. Которые ты можешь сама посмотреть в любое свободное время. Только там ересь, а у меня горло чувствительное. И мозги немного размягченные. Ну, ты понимаешь, – Даша сделал паузу. – С моим-то прошлым. Так что я возле Рериха, Блаватской и Ани Безант не хожу. И на Карму плюю. Когда столько свободной информации – и она гораздо приятнее, поверь, Инночка, на ощупь приятнее, чем самый быстрый Интернет – к нему начинаешь испытывать огромное презрение. Алистер Кроули – унылый графоман. Фэнтэзи – только для трехмерного «Чапаева»...

– Это как?

– Ну, берутся наиболее потрепанные книжки, выкладываются штабелями у кассы напротив друг друга – и кто сколько столкнет. Все равно мягкие обложки плохо идут. Кроме детективов.

– А вот эти книжки. Про секс. Покупают?

– Покупают. Причем именно вы больше всего берете.

– Мы?

– Ну, хорошо, мыыы. Женщиныыы.

– Ты так это говоришь, будто мужиков лопатой гребешь, прессуешь и импортируешь в страны первого мира.

– Я это с позиции продавца говорю. Думаешь, я сама их не читала? То есть – не смотрела? Кстати, будь осторожна, некоторые уже слипаются...

– Ну и дура. Где твой кофе уже?

– Сейчас, у нас же кофеварка, а не растворимый. Шучу я. Это вообще не выход. И мужиков тут вменяемых, впрочем, тоже нет. Они же, как и ты, продают сброшюрованную продукцию – ни романтики, ни фантазии, помноженной на прагматизм...

А вот учебники почему-то попали в детскую литературу.

– Люди берут книги одного цвета, одной серии, я заметила, – шепнула Даша.

– Желтенькие?

– И желтенькие, и черненькие. До сих пор. Вроде бы не надо уже шкафу украшать единством колора, а они все туда же. И даже деткам. Ну, вот, полюбуйся.

Кулинария шла следом за книгами об оружии. Психология составляла большую часть отдела учебных пособий. Здесь же находились книги в мягких обложках о компьютерах, солидные тома по юриспруденции и философии. Каждый том собрания сочинений мыслителей по объему равнялся одной средней женской ладошке. Техническая литература, напротив, стояла вразнобой – приходилось крутить голову каждую секунду. Инна так и сделала, хотя ее подоб-

ное чтение совсем не интересовало. Но этот беспорядок ее очаровывал.

– А почему так беспорядочно? – спросила она, пролистывая «Профессиональные контроллеры» за 589 рублей.

– А потому что эти... они всегда, что надо найдут. Для них поиск – это удовольствие. А вот для тебя поиск – это ожидания. Мол, когда же меня за руку приведут к концу лабиринта... Черт, уже спать охота.

– Прааааститееее, – Дашу задел локтем довольно неопрятный тип в красной олимпийке, грязноватых синих джинсах и «туннелями» в ушах. – Ааа, вы здесь работаете? Я ищу историю пирсинга, ну, вы понимаете, почему?

Он помахал правой рукой возле уха, а потом стукнул кулаком в грудь:

– Алексей!

– А такой книги у нас нет. И вообще – вам сюда нельзя! Вы же вхлам пьяны! – Даша искала глазами коллег, но они, кажется, все ушли пить кофе. И это в рабочую ночь. – Впрочем – зато у нас есть книга о скарфинге. Очень страшная.

– Скарфинг? Нееет, вы что, никогда. Выбросьте эту книгу! Вы не понимаете, я хотел ее товарищу своему подарить, Артему, у него, правда, день рождения только через месяц, но вдруг у меня к тому времени импульсы ослабнут.

– Как мило! – Инну вся ситуацию изрядно веселила. Все равно – не спать. – А он у вас тоже в уши вставляет всякие вещи?

– Он, девушка, не мой, он человек одинокий, на барабанах играет. А я вот только слушаю. Артем – человек исключительный. Душа компании, трещит без умолку, позитивист-релятивист. Из Москвы переехал, счастливый человек. Надоело там ему, можете себе представить? Не понимаю. Я. Его. Я бы лично, напротив, там прожил бы всю зрелую жизнь. Там такие люди нужны, как я и он. Немного сумасшедшие, но трендовые. Вот вы думаете, что я не от мира сего, а знали бы, сколько я зарабатываю. Просто мне не везет иногда. Сегодня вернулся домой – а подруга дверь закрыла. И ключ оставила в замке. И звонок выключила. А в подъезде очень неуютно. Вы не подумайте, я не навязываюсь. Я же расстроен, а значит, могу адекватно себя оценивать. Я уже ухожу...

– Да, а ведь для кого-то он, наверное, пример целеустремленности, – заметила Даша, когда убедилась, что субъект покинул ее территорию.

– Почему целеустремленности? Почему не... неудачливости? – спросила Инна.

– Потому что мы приписываем чужим людям те достоинства, к которым сами стремимся. Как-то так.

– Все с тобой непонятно, Дарья Андреевна. Ай да пить кофе. Ты мне обещала про Америку еще рассказать свою историю.

– Надо же – всего-то не виделись, а уже столько рассказов надо перепотрошить...

Они, наконец, выпили по чашке кофе в компании трех девушек и одного парня. Инна обводила их по сотому разу взором, когда Даша толкнула ее в бок и пробормотала:

– Вообще, они не разговорчивые. Разве что Дима – потому что один.

– Скуотища тут у вас, – пробубнила Инна, выходя из комнаты для персонала.

– Ага, вот в три часа девки побегут за пивом, тогда ты посмотришь. Дима тут их трахает по очереди. Потому у нас текучесть большая.

– Текучесть у них большая. А ты чего?

– А мне не интересно. Я над ним власть имею, пока он ко мне не притронулся. Дима, а не мог бы ты двум барышням принести красного вина?

– С чего бы это? – у молодого человека оказался очень низкий голос, Инна чуть не подпрыгнула от удивления, ну, понятно, как он разводит девок.

– А знаешь, просто так, ради собственного удовольствия.

– Ненавижу я тебя, – и Дима вышел.

– А чего он не уволится.

– А потому что он прикипел. Ему кажется, что тут перемены постоянные. Покой нам только снится. Jerk, redneck, как говорится. Ладно, я направляюсь читать любимого Салмана Рушди. Еще напереводили, на радость нам. Ты будешь изучать что-нибудь? Или домой пойдешь?

Инна пошла по рядам, схватила первый попавшийся сентиментальный японский роман и села за столик – кафе по ночам не работало. Так прошло пара часов.

– Может, поговорим по душам? – спросила она у поклонницы Рушди. – Ты знаешь, я ходила на марш. Стояла в толпе у ТЮЗа. Там играла музыка и говорили речи. А потом пришел ОМОН.

– Инна и ОМОН. Чудная картина...

...Инна стояла на каблуках, в желтой юбке почти до колен и летней сумкой (в такие кладут солнечные очки – максимум) и беспомощно оглядывалась. Вокруг нее, между тем, собиралась толпа из анархистов с повязками на лицах, страшные бабушки с комсомольскими значками (прочие они давно уже продали, подумала девушка) и суровые мужчины лет 40 с короткими бородками и пустым взглядом. Они громко скандировали: «Долой!» и вставали все теснее.

– Барышня, – обратился внезапно один из мальчиков в тряпочке. – Чего вы тут делаете! Граждане, пропустите ее, она тут случайно!

– Ишь чего, – прошипела одна из бабок. – Пусть тоже повоюет.

– Не ее это дело – вы же видите, – заявил случайный заступник. И сам пошел из толпы. Инна зацокала за ним. Когда людская масса кончилась, началась милиция. Инна увидела ухмылку на лице одного из защитников народа. Она состроила страдальческое лицо.

– Пустите, я сюда не за этим.

– Пройдемте, барышня, – рядом возник милиционер. – Документы ваши?

Документы имелись. Ее отпустили. Инну колотило всю дорогу до «Пушкинской» и весь спуск эскалатора. В метро она достала зеркальце и взглянула на себя: мышка, настоящая мышка, глаза красные, тушь того гляди – потечет. Она почистила украдкой лицо и осуждающе посмотрела на весь вагон. Она уже чувствовала себя революционеркой. Хотя бы меньшевистской, ну и пусть. Приятно быть испуганной кошкой в толпе рысей с острыми ушками, самой быть, себе верить. Хоть и в испуге...

– ...Чего ты смеешься-то, Даша! Ничего веселого!

– Ладно, ладно, хочешь мою историю? Ты про нее точно ничего не слышала, потому что я все это одна это делала. И никому не рассказывала. Я дважды пыталась уехать в Америку. Один раз в Ебурге, один раз тут. У меня на Западном побережье живет брат. Нелегально, строит дома в Новом Орлеане. Словом, то же что и в России. Сначала я пыталась уехать туда по программе «Work und Trabajo». Платишь деньги за перелет, за визу, услуги агентства, прилетаешь, либо идешь на ту работу, которую тебе нашли, либо на любую другую, что попадется на месте. Пашешь, как проклятая, потом отдыхаешь, получаешь в остатке какую-то сумму и довольная едешь домой. Я домой не собиралась. И отправлять меня тоже не решились. Вся группа получила наклейки в паспорте,

а я испортила себе одну страницу. Потому что у них в консульстве все про всех записано. Теперь и про меня.

Тогда я поговорила с нужными людьми, которые оформили меня как работника того же агентства. Я потратила две зарплаты на бумажки и откаты. Опять ничего не получилось. Помнишь, я тогда работала гидом по городу? Водила иностранцев. А ты говорила еще – вот тебе и пригодился твой французский!

– Крутая, но бестолковая у тебя система.

– Я не закончила. Так вот, пришла с этим всем обратно в консульство... Я должна была ехать туда буквально на три дня, ну, знаешь, встретить людей, распределить, отправить. А потом сгинуть в неизвестном направлении. Они-то там, в принципе, давно уже привыкли, что все к ним хотят. Каждый пересекающий границу Штатов – потенциальный эмигрант.

– Каждый уезжающий из России – потенциальный невозвращенец.

– Как-то так. Они вновь меня завернули. И теперь мне надо брать новый паспорт. Или фамилию менять. Или вот – замуж выйти. Тогда точно выпустят.

– А ехала бы, Дарья, в Европу. Там тебе дадут паспорт европейский, езжай потом, куда хочешь.

– Сначала я получу образование.

– Аа, веришь все-таки в то, что оно важно... О, не об этих ли ты мне звуках говорила?

Даша повернула голову, потом ушла на несколько минут

и сообщила:

– Валя с Надей здесь, значит, это Аня. Новенькая.

– А эти... Валя с Надей – они трезвые? – спросила Инна.

– Как стеклышки. Они уже настрадались. И теперь ждут зарплату, чтобы валить отсюда.

– Слушай, а давай мы этого Димитрия выставим самостоятельно...

Дверь в комнату оказалась не заперта, оттуда доносились звуки, которые, применив честный саунд-анализ, следовало бы причислить к плачу раненной совы. Инна поправила юбку, достала очки, которые надевала только на работе и громко постучала:

– Проверка.

Из-за двери раздалось недовольное:

– Какая еще проверка? – и началось, судя по звукам, возвращение в цивилизованное общество.

– Обычная, Дмитрий, обычная. Вы думаете, почему вас на работе сегодня больше? Ночная ревизия! Считаю до пяти, я вхожу.

– Стойте-стойте, кто это?

– Ах, да вы же пьяны. Открываю дверь!

Инна мысленно сжалась и решительно вошла внутрь. На том самом столе, где они пили кофе, стояла бутылка коньяка, открытая упаковка шоколада, два маленьких стакана (обычно их по три продают, отметила девушка) и почему-то кра-

бовый салат.

– Тааак, что ж, Дима – вы разрешите, да? – Катерина Анатольевна меня зовут. Этот магазин у нас давно под контролем. И вот вчера от посетителей звоночек поступил. И я вижу – верный звоночек. Что тут у вас?

Мимо нее резво прошмыгнула, все еще застегивая блузку, девушка Аня – таких обычно ценят за отзывчивость и душевную доброту, а не за внешность. Инна полсекунды следила, куда она побежала – должно быть, домой. Но ничего – сейчас Даша ей поймает и мозги вправит. А то как-то не хорошо получается.

– Словом, жалобы на вас есть. И они отнюдь не беспочвенны... Вы чего за вертеп тут устроили? – прогремела она поставленным, за счет еженедельных тренировок от шефа, голосом. – Так, живо собирайтесь, убирайте беспорядок и чтобы завтра... Завтра вас сюда даже в качестве покупателя не допустят! Мы вас повесим вон на ту доску, где у вас забулдыги всякие висят, что компакт-диски воруют. Я-то сама считаю, – начала уже фантазировать по полной Инна, – что это смешно – фотографии вешать. Но охранникам указания мы дадим.

– Да я-то чего, – начал, наконец, Дима. – Скучно же. Да и работе не мешало.

– Вы собираетесь?

– Ну да, да... А вот как бы насчет?..

– Надеюсь, вы не о денежном довольствии интересуетесь?

Выплатим, вычтем такой штраф, что вы нам еще должны останетесь, хотите?..

– Ну ты, Инка, даешь! – сказала Даша, когда они отпайвали Аню чаем, в то время как остальные две девушки, еще не оповещенные о шутке, резво бегали по всей территории магазина и поправляли книжки, лишь бы создать видимость работы. – Вот что карьера делает с людьми...

– Даша, – вдруг устало сказала Инна. – Этот мудака – он не совсем мудака. Он коньяк не успел унести. Может, закончим начатое? Анна, вы как настроены? Вам полезно будет... .. Ну, Аня, ничего же не случилось...

– Это точно, Инна, ничего не случилось. Ты очень вовремя постучалась, – Даше порядком уже надоел рев девушки, поэтому она самолично налила ей полный стакан, достала из холодильника припасенный для себя бутерброд с копченой колбасой. – На, утешайся лучше так. У меня уж сил нет. Вроде бы не поэсса-истеричка, и принцесса в пятом поколении.

– Ну вас, девочки... То есть – спасибо, – и Аня выпила коньяк залпом.

«До чего тоска доводит», – подумала Инна.

А дома их ждут полупустые комнаты. Почему две, почему не одна, спросите вы. Потому что Инна и Даша – девушки взрослые, самостоятельные, не привыкшие к соседям. Они столько лет прожили в трехкомнатных квартирах вместе с

родителями, что сейчас просто мечтают иногда потосковать в одиночестве. Никто из них и не заикнулся о том, чтобы поделить одно помещение на двоих. Пара стульев, кроватей, два краешка стола, две выделенные линии медленного Интернета. Все равно – каждому, одинаково. Ничего не надо делить, не хочется делиться, даже едой. Из одной кастрюли, но в отдельные тарелки.

Но, как мы любим тут писать, с другой стороны, дело все в том, что Инна всегда работает днем, а Даша – иногда и ночью. Даже чаще – ночью. Людям элементарно надо высыпаться, понятно вам? Или вы хотели, чтобы в комнате этой жила вредная бабка, которая, конечно, разнообразила бы картину, но нарушила бы всяческий баланс. Так что мы с вами даже до второй главы не доползли бы.

Седьмая, в которой кончается, не начавшись, одна из историй

Слово автору! Итак, разберемся. Диспозиция героев такая: Инна и Даша сидят в книжном магазине. Марина отплясывает в клубе. А Руслан всю ночь проводит у Ольги. Хотя мог бы – и в милиции. Потому что фотограф, работающий на таком рискованном сейшене – тот еще субъект.

На самом деле, это Тема втянул его в авантюру. И ленивейший на первый взгляд раста-проект «Курилы» – тоже косвенно поучаствовал в его судьбе. Это их концерт Тема решил устроить в вчера днем. Сами же ребята – кстати, без

дредов и шапочек – договорились об аренде генератора за- дешеве, благо, один из гитаристов работал в строительной фирм, директор которой обожал туристические песнопения. А еще шеф этот был большим простофилей, которого можно убедить отдать дорогую штуковину для сомнительной за- теи. Тема, в свою очередь, обязался притащить с базы, рас- полагавшейся рядом с парком, колонки и барабаны. Два уси- лителя, объединенных с колонкой (они же комбики) несла вторая команда, «Смерть Дягилева», весьма мажорная бан- да, молящаяся на индипендент Восьмидесятых.

А уговорить администрацию района выдать разрешение на проведение этого фирменного безобразия вызвалось «Со- звездие». В принципе, их только потому и взяли третьими, этих аккуратных мальчуганов, заикленных на версиях чу- жих песнях. Главный у них играл на клавишных. И всегда приезжал на репетиции новеньком «Форд Фокусе». Зато они придумали четкий и манящий лозунг «Против игромании – за игры в музыку» и расклеили афиши по всему центру.

То был второй концерт, который делал в своей жизни Те- ма. Первый проходил пять лет назад во Дворце Творчестве юных, формат – акустический, публика – малочисленна и агрессивна. Зато со звуком тогда повезло – до сих пор песни оттуда отлично слушаются. Да, пультовая запись – это порой то самое ценное, ради чего стоит играть даже без внимания публики.

Тема при помощи псевдо-растаманов выставил аппарату-

ру на дощатом помосте сцену в центре парка. Три комбика, две колонки, ударная установка, басовый барабан прижат спереди кирпичом, два микрофона для вокалистов. И даже пара мониторов у края сцены, что уже совсем шик в такой обстановке. Первая группа еще успевала проверить звук, поэтому ребята сыграли «Серебряную ракету», чужую песню, отлично сыграли, очень медленно, разумеется, с акцентом на четные доли. Появились первые энергичные слушатели. Тема подумал, что такие вещи происходят чаще где-нибудь в районе Центрального парка за океаном, но не здесь. Ему всегда казалось, что в Нью-Йорке этот самый парк похож на игрушку, что его можно обойти за пять минут. Словно это не один главных литературных символов Восточного побережья, а всего лишь хмурое местечко для распивания пива, к примеру, на Уралмаше. Что творится там, далее, в Сибири, где никто из героев книги никогда не жил, не любил, не работал... С каким удивлением ты осознаешь тот факт, что на каждые сто километров приходится сто легенд, сто обычаев, сто новых правил поведения! Не нужно выставить очередь за заграничным паспортом, сдавать документы в консульство – достаточно проехать часа три на электричке.

Лишнего народа в парке не наблюдалось – все, кому надо, пришли заранее и даже мешали готовиться. А сейчас они старательно прыгали перед сценой, создавая толпу. Закон о распитии спиртных напитков то ли не был принят, то ли попросту игнорировался – поскольку помогал борьбе про-

тив игромании (а также наркотиков, которые нельзя купить в обычном магазине, потому что слишком много брендов в этом сегменте рынка быть не должно). Тема попросил Арсения – тихого мальчика из секты бахаистов, который любил попить на базе зеленого чая – убирать по ходу дела мусор. Сеня бродил меж куражащихся подростков и искал бутылки и банки, помещая их в обширный пакет – неслышный, невидимый, но всегда готовый дать мягкий отпор.

Еще одна группа, которую вписали на птичьих правах и всего на три трека, «Казнь замочная», звучала вполне ничего себе. Во-первых, у них отсутствовала бас-гитара, зато имелись флейта, фагот и валторна. Их нервное подключение откусило здоровенный кусок от стремительно уменьшающегося лимита времени, но ребята сумели дать жару, спев что-то про трубадуров и воздушные шары. После этой второй песни гитарист вдруг начал рассказывать – очень громко и отчетливо произнося каждое слово! – о своем деде, погибшем во время войны, воюя на Смоленском фронте. «А еще его вынудили уехать из Киева, где он читал стихи в пивных и носил дырявые ботинки. Так что мы исполним сейчас кое-что на украинском. Три-пятнадцать!». Как позже узнал Артем, ребята жили в одном общежитии. Порой репетировали в акустике на лестничной клетке около полуночи, потому что иного варианта часто и не было вовсе. Через полчаса приходили соседи и либо били, либо начинали плясать.

Музыку пришлось свернуть через два часа, так что – ника-

ких «Курил». Появилась милиция – пожилой капитан подошел к генератору, выключил, взглядом выловил Тему – как он догадался, кто здесь, главный? – поманил его пальцем, в то время как остальные пытались разбежаться. В принципе, некоторым это удалось – паспорта нынче все носят, как Библию, Коран и Тору. Кого-то уже вели под руки во внезапно обнаружившийся за забором белый ПАЗик.

– Разрешение есть?

– Есть. Мы с замом говорили... По району, – Тему вдруг стало очень неудобно за свой вид. Понятно же, что такой административно-уголовный человек оценивает людей по одежке.

– Это ладно. А почему безобразничаете? Придется проехать.

Оказывается, какой-то идиот прыгнул в фонтан, начал бегать внутри и громко орать. Как оно обычно бывает: возникает хотя бы один человек, не поймавший общую волну радости, он автоматически преобразуется из праздного индивидуума в берег, на который море людское сбрасывает всю скопившуюся грязь. Слизь и отходы потом негодный человек разбрасывает обратно по округе.

Стало весьма неудобно, даже милиция не сразу решилась подойти к фонтану и увести шумного типа. А потом сержант, с которым до этого Тема говорил на тему политики и нравственного положения молодежи, хмуро посоветовал сворачиваться. Мол, время вышло. Тема почти охотно согласился

– четвертая команда играла уже откровенную муть, а пятая наполовину опьянела от ожидания и алкоголя.

Между тем сам барабанщик думал, садясь в автобус рядом с Русланом:

«Чекай-чекай, завидуй-завидуй, все равно ты перейдешь из этого сегмента, уводимого ментами, в другой сегмент. И сколько бы ты не сделал хороших дел и не вырастил добрых деревьев с зелеными листочками, иные будут смотреться лучше. Вдохни, выдохни. Считай шаги».

– А ты-то чего едешь? – спросил он у соседа-фотографа.

– Нет у меня удостоверения личности. Да меня... – Руслан понизил голос, – меня до сих пор можно в военкомат отправить.

– Ну так давай я потом съезжу за документами. Или... я не понимаю чего-то?

– Да я и сам не знаю, что делать. Сколько раз попадался – а все терплю. Скоро можно будет делать выставку: «В темнице сырой».

– А разве камеру не отбирают?

– Пока сижу – да. Но я – мобильником.

– А его разве можно с собой?

– Ты мой телефон не видел еще? Его в руки брать противно.

– Полезное свойство.

Попав в распоряжение майора, Руслан быстро вытряс в

его присутствии весь рюкзак, нашел удостоверение работника прессы, которое выпросил еще в прошлом году в одном вполне приличном еженедельном издании. Срок действия он предусмотрительно выставил на два года. Так что документы у него выглядели даже поинтереснее, чем общегражданские.

– На работе находился? – хмуро спросили милиционер.

– Да. Задание. Нравы нашей молодежи.

– А ты не выпил случайно? Или, может, покурил? Как там этот ансамбль называется, который не сыграл-то – вон ребят в автобус ведут уже – «Курилы», кажется? Глаза вон какие усталые.

– Слава богу, нет!

– То есть – пьешь все-таки? Наркотики употребляешь?

– Пью иногда. Но не работе, – Руслан старался смотреть майору куда-то под правую подмышку: вроде и виноват, но вроде и не совсем. – У меня же аппаратура фотографическая, сами понимаете. Под расписку в редакции берем. Голову оторвать могут. Тут каждый объектив две мои зарплаты стоит. Можно, кстати, документ забрать?

– На, чего мне он... Ладно, посиди вон там. С товарищем твоим разберемся.

– Да, это ты здорово – про расписку сказал, – шепнул ему Тема, а потом громко заявил: – А в чем, собственно, проблемы? Ну, поймали там какого-то провокатора, так мы же не можем на природе за всеми следить.

– Так... А ты, значит, организатор?

– Да, против игромании боремся. Против автоматов, са-
лонов и прочего. Сами знаете.

– Знаем-знаем, хватит зубы-то мне заговаривать, – майор
сел за стол и начал что-то записывать. Тема подошел побли-
же. – Там стой! Разрешение есть на концерт? Показывай!

– Да, но оно не у меня, оно у Виктора, он из группы, ко-
торая играла. Его задержали?

– Нет, не задерживали никакого Виктора. Эй, Гнилюк,
спроси там еще раз – может, кто-то имя свое забыл? Нет? Ну
вот, значит, нет разрешения...

– У меня, получается, нет.

– А, может, и не имелось. Как же ты, пацан, смог устро-
ить-то представление, без такой важной бумажки? А доку-
менты, удостоверяющие личность, у тебя имеются?

– Гм, знаете, а документы у меня в надежном месте. На
репетиционной точке. Хозяин забрал – на всякий случай.

– Ну, парень, ты молодец, откуда вас таких только добы-
вают на мою голову. Каждый день -пачками... Организатор
еще называется! Да будь я твоим директором – уволил бы
в тот же день, когда на работу принял! Что ж, посидишь
тут, посмотрим, нет ли на тебя чего. Регистрации, поди, то-
же нет?

– Имеется, – и Тема быстро взглянул вверх влево: значит,
вспоминает, как делал он себе регистрацию. Отвратительно,
честно говоря, выглядит этот штамп в паспорте. Очень нена-

турально. Фиолетово-синее, расплывшееся пятно, ни буквы не понятно. Даже хорошо, что корочка у директора.

– Придется задержаться, паренек. Хорошо-о... А вы – что стоите? Идите, свободны, думайте в следующий раз! – обратился майор к Руслану.

Тот посмотрел на Артема:

– Надо что-то сделать?

– Позвони по телефону, как выйдешь, – и Тема протарабанил 10 цифр.

– Ну так я же знаю!

– А вдруг сотовый сядет? – он достал из заднего кармана джинсов потрепанную визитную карточку с надписью «Гуру грува» и отдал Руслану. Милиционер было хотел вякнуть предостерегающе, но фотограф уже резво шагнул в коридор к выходу. На улице он набрал еще один, более заветный номерок, объяснил ситуацию. И поехал со спокойным сердцем к женщине.

Невысокая красotka с глазами лисы по имени Ольга совершенно четко понимала, почему она нравится людям, которые хотят завести семью. Она – это большой красивый сосуд, в котором будут себя уютно чувствовать детки. Немного макияжа, побольше теней, чуть ядовитая помада, не очень аккуратно подстриженные длинные темные волосы – и обязательно белая футболка, грудь не то чтобы высокая, не выносится вперед, но приковывает взгляд – такой словно ко-

го-то уже вскармливают, к такой хочется прижаться и пожаловаться на судьбу. И рядом на свадебной фотографии стоит мальчик в узких джинсах, с детским взглядом (что еще скажешь об этих огромных голубых глазах?), в тонкой белой рубашке. И он явно счастлив. А ты – ты защищаешь его от злых сил мира сего.

Еще когда их везли в отделения, Руслан получил сообщение: Оля просила его приехать. Они редко звонили друг другу – в основном переписывались. Потому что... ну, вспомните – кто из вас постоянно стирает последние звонки из телефона? А вот с SMS – это легко. Поэтому он не стал разбираться, что да как, и поймал мотор. Она жила на Петроградской, точнее, она раньше там жила, а теперь – в районе Озерков, можно пойти и пешком, но сегодня был особенно тяжелый день и ночь, а ведь идти – это еще и думать. И это его явно раздражало. Поэтому он остановил зеленые «Жигули» со слегка нетрезвым пацанчиком за рулем – или суровым мужчиной, который явно возвращался с корпоратива, где держал себя в руках последние пять часов.

Быстро добрался до Ольги. Позвонил. Она открыла почти в ту же секунду – ждала с нетерпением. Первый поцелуй показался ему надуманным – но, возможно, это просто боязнь по причине... да всего-всего... Они знакомы всего три недели, но виделись – почти каждый день. Тогда, после гулянки в ресторане, он позвонил, потому что действительно хо-

тел увидеть ее вновь. Они договорились встретиться, попить чаю, но к чашкам так и не прикоснулись. Потому что это – уже не свадьба, не работа. А значит, если подумать, получается, все можно, все позволено, и все разрешено.

Да, часто встречались. Потому что сразу после бракосочетания Олин муж начал заниматься строительством дачи в Гатчине – и постоянно заезжал в торговые точки, где продавали компьютерными играми производства его фирмы. Оля не жаловалась. И Руслан не жаловался. И он давно привык к чужому семейному помещению. И пару раз случайно оставил там пару своих объективов. Но его догнали, вернули... Однажды даже попросил Олю постирать ему рубашку. Квартира у нее была двухкомнатной – не надо думать, что она жила в чем-то шикарном. Зал объединен с кухней – почти студия, а если говорить честно, то просто хорошо отделанная хрущевка.

Через полчаса они лежали на кровати – и Руслан спросил – как там дела?

– Неплохо, все хорошо.

Они разговаривали, так как будто до этого жадно не сливались в едином желании, терзая вспотевшие от чрезмерных сил тела. Заниматься ленивым медленным сексом – это оказалось не в их правилах. Они упрямо долбились друг в дружку. Как будто две машинки, сшибают и кромсают. Словом, это оказалось хорошей приятной практикой. Отыграв сцену, любовники начинали говорить о пустяках.

– А ты попадала в милицию?

– Неоднократно! После концертов, за пьянство, за драку с охранниками.

– И как?

– Ничего интересного. Наверное, как и у тебя. Посидишь, поболтаешь, отпустят. Тетки, правда, страшные попадают порой. Проститутки старые, наркоманки. Но я могу вид на себя такой напустить, что фиг ко мне сунешься... Ладно, чего мы болтаем о ерунде всякой. Ты забыл, что ли? Погода, секс, книги, музыка – и кроме этого ничего нельзя обсуждать. И иначе – накажу?

– А что тогда делать?

– Давай в игру поиграем новую. У мужа додумали, он мне дал – побаловаться, потестить. Я уже на последнем уровне.

– Ну, давай, – неуверенно сказал Руслан, глядя, как Оля встает, включает телевизор и компьютер.

– Словом, это такая бродилка несложная. Там возьми, тут используй. И иногда стреляй. Нарисовано красиво. Реалистичный медленный экшн про обычных людей. Я тебе кадры похожу. Смотри. Обычный мужик утром просыпается – вот квартира его. Идет на работу, а там – чужой офис. Видишь, вертеп, девки, волшебный порошок. Он начинает расследовать, его в машину заталкивают, потом тут бункер, далее он машину угоняет, ну, тут гонки, само собой, потом на Финском заливе он всякие банки ищет ценные, с людьми общается. А на последнем уровне – в лесу ходит, медленным ша-

гом, глядит в прицел, высматривает какой-то клад... Я уже раз двадцать играла, все не могу пройти...

Они замолчали и углубились в хитрости 3D, около пяти раз начинали уровень, но каждый раз оставались ни с чем. Руслан инстинктивно пригнулся, когда видел снайперов – так он делал в классе в третьем, когда после уроков ходил в игровой салон, стоял за спинами у заплативших за время и скакал порой вместе с ниндзя и командос. Один раз и сам заплатил, сел перед экраном, его тут же окружили сочувствующие, через пару минут он убился – и хотя было еще время и несколько жизней – встал и ушел. С тех пор не приходил. Оля поглядывала и на экран, и на него – так им и удалось выбраться из трехмерного леса и выйти на широкий проспект.

– О, это же рядом с его домом! Значит, надо туда зайти.

Дверь в квартиру оказалась закрыта. Пара выстрелом из автомата, вышиблен замок, герой заходит, слышит крики в спальне, забегает туда... Еще пара выстрелов – и готовы два трупа – почти не одетые мужчина и женщина. Congratulations!

– Гм.

– Отличная игра! – Оля отложила контроллер. – Хотя многовато пуль для меня.

– Ты ничего не поняла? Ну, для чего в конце бандитской бродилки вставлять сцену измены? Ты же не говорила, что мужик женат.

– Ну, значит, женат... Блин. Не смешно. Они эту игру уже

полгода лепят. А у меня она лежит неделю.

– Все и сходится.

– А, может, и нет. Может, он просто так это придумал. Ну, Тарантино там, рыцарь без дамы сердца.

Он надел футболку и трусы и пошел на кухню включить чайник. Когда она появилась в дверях, Руслан сказал:

– Я рисковать не хочу. То есть, я хочу сказать – чтобы ты не рисковала.

– Очень благородно с твоей стороны, – Оля поправила халат и села у окна. – Чай мне готовишь – или сам попьешь?

– Как ты думаешь, – спросил он, – а ты могла бы со мной жить?

– В каком смысле?

– Я ведь тоже что-то зарабатываю. В кредит могу купить квартиру... У моей матери есть удобное предложение...

– Серьезно? Ты – и в кредит? Господи, да ты все также ничего не понимаешь! Мне всегда было скучно. Даже на концертах, на попойках с друзьями, в кружке по пению, на уроках, в библиотеках, на экзаменах. Всегда скучно. С тобой мне весело. Хоть какая-никакая, но замена. Ты же это прекрасно понимаешь. Мы не можем говорить о чем-то нереально красивом, мы можем только трахаться и болтать о всякой ерунде. Но если кредит... Значит, ты человек с планами на жизнь! А у меня план практически выполнен, он короткий, он закрыт! Внесла помарочку – и теперь могу и поплатиться. Так что давай без ругани.

– Разумеется, я само комильфо, – сказал Руслан. – Но ты... ты мне снилась несколько раз. Я хочу сказать – просто так снилась, никакой эротики. И это меня смущает. Может, я слишком увлекся?

– Да ты во всем постоянно сомневаешься, как я вижу. А у тебя три девушки в коммуналке живут. Что – каждый день кидаете ключи в бокал? Знаешь, когда мужья меняются женами – они достают ключи из бокала и...

– Да ничего у нас не было, – и он подумал о Даше.

– Ну, вот я вижу – о ком-то думаешь! – Оля встала со стула и взяла чайник. – Знаешь, что, мне совсем это не нравится. Да как ты мне вообще можешь говорить что-либо? Предлагать свои глупости. За все это время мы с тобой не занимались сексом всего один раз. Ты как в детсаде себя ведешь – пришел, взял игрушку, поигрался, а потом родители забрали. И все капризничаешь, хотя совсем уже не тот возраст. И это все хорошо, я так и хотела, тратила на тебя деньги, да-да, дружок, мне же нужно восполнять запасы продуктов, которые ты жрешь, чтобы муж не заметил, заказывать полную уборку квартиры. А я ведь все еще учусь, у меня столько несданных зачетов за это лето, я пропускаю из-за тебя занятия. Сдаю по два билета на экзамене. Ну да, ты работаешь, ты занят, где-то там на квартирах сидишь, ходишь по чужим свадьбам, бухаешь на халяву, а потом бац – Оля! Как будто я твоя жена, а не чужая. Я всю стипендию потратила. Ты знаешь вообще как это клево – потратить стипендию? А я еще

помню! Хотя сейчас мне не нужны подачки от государства. Я ее на тебя угробила, воот, я тебе купила галстук, чтобы ты, чтобы ты хорошо смотрелся, а не так, как всегда – нечесанный, с камерой свой, ухмылочкой, джинсы подвернул... Я-то думала – сделаю паузу, буду хорошей женой, потом поеду в Москву, к друзьям, хотя бы на пару дней. Ан нет – любовничек объявился! Надо с ним крутить. И я тебя не могла вырвать уже, понимаешь, да? Дура я такая, рано решилась, думала, что с тобой можно будет строить жизнь, словно бы старую, как до замужества.

– Оля...

– Ну да... Я обиделась, да, обиделась! – Оля взвилась, казалось, что у нее сейчас начнется истерика. – Ты неадекватен, сразу видно, что у тебя это В ПЕРВЫЙ РАЗ. Ты происходящее -не ценишь. И не пытайся даже качать права! Вот, вроде бы – у нас нет отношений, а тут – у тебя что-то серьезное на стороне. Ты хочешь сказать – это у нас должно быть что-то серьезное. До безумия. Страсти, не спать. Нет. Идеальные пары так не знакомятся. Хорошие парни не трахают чужих невест на бракосочетании. Извини, что-то тут не получится.00000000000000 Я пойду в душ, чтобы, когда я буду сушить волосы, тебя уже не сидело и не лежало.

– Хорошо, я пойду. Только я скажу кое-что для начала...

– Слышать ничего не хочу! Одевайся, вали отсюда. И если хоть раз позвонишь или напишешь – найду денег и пару здоровых кулаков на твою голову.

Да, а все это веселое книжное время Тема промучился от безделья в отделении милиции и думал о том, влетит ему завтра от Корнея, который строил точку, за все это происшествия. С одной стороны, конечно, реклама репетиционной базы. С другой стороны – непорченное, но попавшее в передрагу оборудование. Станные они, эти собственники. Никакого духа рок-н-ролла, один метроном доходов в голове.

Однако через четыре часа обладатель заветного номера, видимо, дозвонился до своих корешей в РУВД. Майор, все это время рубившийся в шутер на телефоне, поднял трубку, обстоятельно расспросил о том, почему именно ему такой подарочек привалил, поглядывая на Тему, дал отбой, потом хмыкнул:

– Да, ну что за молодежь пошла. Никакой порядочности, сплошь связи. Вали давай отсюда. И паспорт в следующий раз бери – у нас тут за каждый раз придется строже отвечать, раз по-хорошему не понимаете! Пока, работнички!

Мобильник издевательски свидетельствовал, что сейчас уже около пяти утра. Клонило в сон. Зубы не чищены, волосы дыбом, ботинки уже успели слегка натереть икры, но все же лучше так, на относительной свободе. С 11 вечера до часу они стояли в очереди на беседу в отделении, до четырех весело проводили время... Пришло время для похода домой, на Печатников. Тема нашарил кошелек в глубине сумки – все вроде на месте, купил в киоске чаю в бутылке, позвонил

Руслану, который в тот момент уныло брел по мосту через Неву в сторону Марсового поля.

Они пересеклись в итоге на остановке у стадиона «Петровский» и пошли вместе до своей, пока еще милой сердцу коммуналки, по набережной и налево. Дул колючий ветерок, а они одевались утром в надежде оказаться к ночи в кроватях. Так что шли быстро, увлеченно разговаривая и вздрагивая от холода.

– А ты мог бы вступить в партию, потому что в ней уже полгода тусуется симпатичная девушка, – спросил тут Руслан, возвращая Теме его бутылку. – Как же ее там зовут? Вспомнил вот сейчас, ужаснулся...

– Ты о чем?

– Ну, был случай. Мы с приятелем познакомились с девушкой в клубе. Все после шли к другому нашему товарищу на квартиру. И Гоша – там товарища звали – девушку повел с собой. И она с нами обоими стала целоваться. С Гошей – потому что на него смотрела слишком долго, а со мной – потому что я стойкий оказался и хитрый. А потом я про нее и забыл, встретил где-то в баре, одолжил полтинник, кажется. В самом уже конце сидели мы на Манежке – я тогда тусовался с ребятами из Бонча – и подходит тут толпа акkuratных таких, с галстуками. И она – в джинсовом комбинезоне, тесном – так, что попа просто шикарно смотрится. О, говорит, Руслан, здравствуй! А у нас тут партия, мы агитацию будем проводить. И начали они говорить, а мы ерни-

чать. И я на девушку смотрел. Она такой казалось... порочной. Можно смотреть только на губы, а не в глаза.

— Ты надеешься закончить свою мысль, наконец?

— Да... Вот мы с тобой сейчас домой идем — и мы туда рано или поздно попадем. А я хотел в партию вступить, чтобы эту девушку завоевать. И не факт, что игра стоила свеч. Вот о чем я.

Почему в больших городах количество пьяных просто нереально? Да потому что тут работает метро. В регионах человек напивается дома. Или в подъезде, в баре, на корпоративе. Словом, он добирается домой либо пешком (пару шагов за порог), либо на моторе. В мегаполисах пьяные люди валяются на сидениях вагонов метро, в отличие от рабочего дня, они не порой не чувствуют себя хозяевам положениями. Они вообще мало что чувствуют. Но метро — оно все равно величественное, а они — совсем нет. И эти картинки лучше всех знает Тема, который дремал с Русланом в последнем вагоне из центра (московское понятие, практически не применимое в Петербурге) и стучал по обшивке палочками за 300 рублей. И размышлял о том, почему существует группа «Yes», но мало что известно о бэнде под названием «No». Какое всеобъемлющее название! No released! No new single! No new tour! No changes in line-up!

Они дошли пешком — с «Петровского» до Дворцовой, с трудом уже добрались до Думской. А потому решили проехать

одну станцию на метро, потому что силы их оставляли. Руслан держал на руках включенную камеру, водил ею по сторонам и иногда щелкал затвором. Публика ничего не слышала – половина окон в вагоне заботливо открыли до упора, шум стоял такой, что Тема снял наушники и спросил:

– Что, делаешь кадры вот той шатенки, у которой попа почти вываливается из юбки?

– Не только. Я и тебя снял пару раз. У тебя дико смешной вид. Но вообще я колени снимаю. Никто не позирует, нет глаз, мимики нет, а есть скука. Ты людям смотришь в глаза в метро?

– Нет, я смотрю на задницы.

– Тоже вариант. Но тут фотографическая задача. Выходим.

Они встали на эскалаторе, Руслан на ступеньку выше:

– Задача, значит, в том, чтобы решить художественные вопросы нетрадиционно, – заявил он. – А как? Ну, откуда я знаю? Я не теоретик, я практик, мать твою. Вот что тебе хотелось бы снять?

– Будни обычного лузера на репетиционной точке, – ответил Тема и с напускным удивлением поглядел на фотографа снизу вверх.

– А у вас там есть комната, заваленная пустыми пакетами от чипсов и пепельницами?

– Да. А еще есть мужики, такие, знаешь, которые рассуждают: чего-то у вас аппаратура плоховатенькая. Среди них

еще есть такие упыри, которые бухают целыми днями. И однажды, в единственный ежегодный концерт, они выходят и выдают «мощный настоящий крутой рок!». А потом гордо еще полгода об этом говорят и вещают остальным.

– М-да, респект мужикам...

– А ты сегодня грустный какой-то, неужели милиция так повлияла? – спросил Тема.

– Я разошелся с девушкой, с Олей. Теперь мне снимать некого будет на досуге.

– Забавно.

– Чего тут забавного?

– А мы с Мариной будем жить вместе, – ухмыльнулся ба-
рабанщик.

– Чтооо? – Руслан чуть не уронил всю аппаратуру.

– Да, она говорит, что ей кажется: в комнате, где она сейчас, в потолок вмонтировано окно. И кто-то за ней смотрит, когда она спит или переодевается. И ей, ну, ты понимаешь, ей это не нравится.

– Кому это понравится? Хотя, стоп, ты уже поверил? Это же паранойя у нее! Я имею в виду, это же просто удачный способ выяснения отношений. Проверка на прочность. Тебе же достаточно убедить ее в том, что она может обратно вернуться и все будет хорошо, как и раньше. У вас все ведь хорошо?

– Да она совсем и не уверена, что наблюдательный пост делали специально для нее

– Паранойя... Ты сам говоришь, что у тебя wi-fi с провайдером в виде Бога.

– Ты же сам почту проверял вчера.

– Обычная точка. Или у тебя там особые беседы?

– Да, через эту кнопку «выполнить».

– Ну ты крут, чувак, Артемий. Ты добился идеальной связи. Но вот то, что у вас с Маринкой – это мне не нравится.

– Да, у нас не идеал. Да я вообще человек такой, с причудами.

– Как-то не по-настоящему, как в Интернете.

– Ох, у меня вообще случился однажды полный мрак с этим Интернетом, – нахмурился Артем. – Открываю я сайт очередной социальной сети, лениво регистрируюсь, так, чтобы знакомых поискать, написать им: «Опа, и ты здесь!». Ну и выползает ссылка на мою коллегу. Светленькая, курносая, хищный взгляд, круглое лицо, словом, совсем не в моем вкусе. Читаю: замужем, понятно. Фотографии: медовый месяц. И попадаетесь картинка, где она стоит в радужном купальнике спиной к камере, глядит через плечо, парео обтягивает бедра. А я так хотел спать, что втыкал в эту картинку минут 15. Порывался оставить коммент, да что-то и отправил по глупости. А потом представил: открывает она почту, а там этот придурок написал свое впечатление. Что она должны подумать? Что я извращенец? Или в наш век это уже комплимент, потому что никто уже не говорит – какие у вас глаза красивые? Или – позвольте посмотреть на ваши нежные

пальцы? Не! Машка, реальные сиськи отрастила, молодец! Юлька, вот это, ну у тебя и фигура, а в школе мы и не замечали! А она знай только, что посмеивайся и воспринимай это, как должное.

– А что в итоге?

– А в итоге ее муж меня убить собирался, хе-хе. Но я его переубедил. Сказал, что нечего своей бабе такую жизнь устраивать, что она прилюдно задницу демонстрирует. Такой я жесткий виртуальный человек.

– Легко тебе живется, Тема...

– Да ну! По сути же, нет разницы между сетевым миром и настоящим. В браузере просто меньше вариаций и комплектов оборудования, – ответил тот. Здесь с его мыслью произошло необъяснимое сокращение и усыхание, поэтому барабанщик замолчал.

– Я в магазин, – заявил Руслан.

– А я спать пойду, так что я побежал, – и Тема действительно увеличил темп. А Руслан зашел в ближайший продуктовый, которых в этом районе работало на удивление много. И стал выбирать нужный ему сорт кефира. Ибо нет ничего страшнее, чем плохо работающий по утрам пищеварительный тракт. Правда, мама ему неоднократно говорила, что лучше просто вовремя питаться, иногда пить активированный уголь и держать в сумке пару яблок. Но кто будет слушать маму в 25 лет?

Он уже нажимал кнопку лифта, но тут понял, что забыл

забрать этот самый кефир из магазина.

А Тема опять подумал о вай-фае. И как все же нехорошо он поступил, прочитав те письма. Той девушки. Из Интернета.

Этот вай-фай – он похож на радио. Так проще объяснить. Комнату Темы попала в зону его вещания. Без пароля и логина. Но сеть окружила себя фаерволами и не давала возможности посетить что-либо, кроме пары страничек, обнаруженных во вкладках. Так что читать было особо нечего. Кроме писем. Их нашлось ровно три штуки.

Вот первое.

Письмо от сестры Владыкина Валентины

Здравствуй, Костенька!

Я подумала, что тоже буду писать тебе письма в ответ на твои. А отдам их потом, по приезду – ты и так поймешь по датам, на какие я отвечала.

Отцу я ничего не показывала. Да он и не просил. Папенька понимает, что такое конфиденциальность.

Не знаю, что и говорить о твоих ироничных высказываниях о моих знакомых. Во всяком случае, с этим человеком мне спокойнее, чем со многими. Я хочу тебе напомнить, что у нас есть обширное семейство по маминой линии, которая к нам постоянно наведывается, хотя мама давным-давно убежала с каким-то безумным ученым куда-то на юг. На прошлой неделе приехала ее сестра с тремя дочерьми и

двумя сыновьями. Невероятно трудно оказалось их выдержать. Марья, Ангелина и Татьяна. Петр и Кирилл. Марья все говорила, как скоро выйдет замуж за купеческого пасынка. Ангелина толковала о высшем образовании и равноправии. Татьяна обожралась шоколадных конфет. Петр норовил прокрасться ко мне в спальню и стащить мое платье. Кирилл втихомолку пил водку с дворником по ночам, а иногда отправлялся по кабакам. Не понимаю, как их мамаша их терпит. Или она просто не замечает.

Мы же очень разные. Все-все. И то, что кое-кого из нас связывают успешные результаты гендерных союзов (неужто Геля воздействует на мой способ изъясняться? Ужасно!), – это совсем еще не значит, что мы обязаны быть похожими не только в разрезе глаз или хотя бы в количестве извилин, но и в привычках, желаниях, характерах, в конце концов. Но нет, считается, что все эти различия успешно притерты друг к другу изначально. И не нужно проходить этот порой весьма мучительный процесс компромиссов и наступлений, чтобы найти нужные зазубрины. И чтобы закрутилась машина. Нет, одни просто крутят механизмы в абсолютной пустоте. Другие же обрывают нам крылья, ломают рабочие части. И в итоге кто-то создает сквозняк, а иной прячет культяпки.

Дааа, видать, вашу Валю сильно зацепили прошедшие события... Я лишь написала, на самом деле, это письмо, чтобы сказать – у нас с тобой всегда найдется повод сцепить-

ся или продвинуть нашу маленькую вселенную.

Молюсь о твоем благополучии,

Валентина.

А между тем, город вокруг ребят казался блеклым. Желтизна правительственных, зелень крыш и набор фраз из путеводителя 1986 года не могли скрыть того факта, что большая часть это поселения – спальные высотки, а значительная часть времени его жителей проходит в новеньких безликих офисах, свеженьких заводах и уродливых фабриках. А красоту они проезжают на метро, что под землей. Наверное, на рассвете, когда стараешься взглянуть в наступающий день, город кажется достаточно привлекательным. Но, видимо, здесь дело уже не в любви. Это уже крепкая семейная жизнь длиной в 300 лет.

Восьмая, где мальчик встречает девочку, и только

Когда утром Даша и Инна подходили к дому, из ближайшего продуктового магазина вынырнул юноша – с большим рюкзаком, длинными черными волосами, в просторной серой куртке с множеством карманов. Руслан совершенно опух после вчерашнего фестиваля – сначала беготня по городу, затекание конечностей у сцены, а потом еще и истерики в невероятных количествах в северных районах. Но смотрелся вполне успокаивающе. И вел себя довольно учтиво:

– Привет, а это не вы мои новые соседки?

– Ну, нечто вроде того. А ты... – начала Инна.

– Руслан, вот. Это я, ага.

– Ну... Здравствуй-здравствуй, – Инна ухмыльнулась Даше.

– Наверное, потом пообщаемся. Или... вы куда сейчас идете?

– Спать мы идем.

– А я вот захотел кофе попить. Немного не в себе после вчерашнего...

– Я бы тоже попила, – негромко сказала Даша.

– Ну, пойдемте вместе. Поболтаем заодно.

– Тогда пока-пока, – Инна быстро зашагала в сторону подъезда. Ишь, какой кавалер объявился. Надо приглядывать за ним... Знаем мы, чего от мальчиков ждать.

Она зашла в квартиру, о чем-то задумалась. Тут одна из дверей открылась и мимо нее скоро прошла девушка в высоких красных сапогах, с красной же сумкой, в полосатой безрукавке, натянутой на попу, которую в свою очередь закрывали мужские джинсовые шорты – длинные, до колен.

– А-а, привет! Я Марина. Добрая соседка. Извини, спешу!

– До свидания...

Инна постояла минуты две в коридоре, потом долго искала деньги по комнате, пошла на кухню ставить чайник, и размышляла о превратностях судьбы.

Руслан взял себе эспрессо, потому что на самом деле он

не хотел ничего пить. Но не умел он знакомиться с девушками, которые гуляют с блондинками в деловых костюмах, пусть и с невыспавшимися лицами. Поэтому он решил потратиться по минимуму. Даша, напротив, подумала, что сейчас она ляжет спать и завтракать не будет, поэтому взял сок и бутерброд с ветчиной. Руслан взял свою чашку и отправился подальше от окон.

– Куришь?

– Иногда.

– Тогда сядем в курящей зоне. Здесь свободнее, – он сделал небольшой глоток из чашки и решил перехватить инициативу. – Значит, Даша?

– Точно, – это вечерами девушка была стеснительной хипстершей, а с утра, после ночи в полупустом магазине, куда заходят одни чудачки, она могла бы вести ток-шоу. – Она самая. Как и заказывали.

Девятая, вуайеристская

Автор желает пошутить в качестве эпиграфа. Такая вот реплика на закрытой вечеринке азербайджанской молодежи: «Миха, следи за репортером, угощай его!» – «Дорогой, этот бутерброд с колбасой и сыром – всю душу в него вложил! Кушай!». Готовьте вилки, учитеcь самообороне.

– Гуляш, все будет жульен!

– Чего? – и Тема постучал Марине по макушке. Наступил

вечер, у него сложилось хорошее настроение, потому что начальник Корней не дал ему сегодня по башке – только поворчал для порядка. Они выпили пива в конце его смены – и Тема доехал на 450-й маршрутке практически до дома.

– Я теперь только так выражаюсь. Узки для меня стали исторические сложившиеся выражения. Вот такой словарик теперь у Марины:

ништяк – жульен,
облом – катык,
кошмар – шашлык,
забей! – гуляш.

И вообще. Даже если я к кому-то сажусь на колени, это не так ужасно. Я же ничего не чувствую, для меня это все пустое, ненастоящее, мне просто нравится танцевать, чтобы каждая клеточка дрожала от взглядов, это как океан, как холодная соленая вода. И если я и уйду с деньгами в трусиках, но очень красиво уйду, потому что я всех одурачила.

– Я думал, твоей профессии люди менее эмоциональны.

– Да потому что я другая. Я открыто признаю, что все клабберы – страшные зануды, которые не могут завести себе нормальных друзей, они превращают клуб в культ, заставляют других считать, что это невероятно круто – развлекаться в закрытом помещении среди незнакомых людей. А я веду себя, как вредная, настырная, чужая. Они, правда, этого не знают, а я тут причем?

– Но ведь на тебя там западают, наверное...

– Наверное, да. Но знаешь...

– Вот есть такой концерт у «Rolling Stones», в Альтамонте.

На котором байкеры избили до смерти человека.

– Да, я слышала.

– Так никто ведь не говорит, что сначала это он достал пистолет, а байкер достал нож. У ребят, мне кажется, уже выбора не оставалось.

– Я – как раз такой человек, то есть эти мотоциклетные чуваки. У меня нет выбора, я делаю свою работу, под которую придумана хитрожопая теория. У всего есть свое оправдание хотя бы на пять секунд.

Инна открыла дверь прошла. Сняла ботинки. День выдался тот еще – молчаливый шеф, разборки с бухгалтерией, постоянные переговоры. Лечь и упасть.

Но тут она увидела напротив, у комнаты Темы, те самые красные сапоги.

Сняла плащ, кинула пакет с продуктами в комнате и решила поставить кастрюлю, сварить супчик. Прошла по коридору и застыла в проеме.

Марина сидела за столом и демонстративно медленно гладила руку Теме, в то время как он наблюдал за вторым таймом футбольного матча. Инна невольно залюбовалась этой картиной, но потом громко хмыкнула, прошла в сторону конфорок, не поздоровавшись, чиркнула спичкой и удалилась. Даша посмотрела на нее с не пониманием. Она собирав-

лась ложиться спать – до второй смены оставалось еще три часа.

– Да что это вообще происходит!? Ненавижу этих двоих! – сказала Инна, входя без стука к Дарье. Та лежала на кровати и дремала, слушая радио. Даша приоткрыла глаза, повернула голову в сторону подруги и удрученно спросила:

– Прямо-таки ненавидишь?

– Еще знаешь что? Не верю я, что у них реально что-то происходит. Ну, чтобы не только поцелуи, а звуки, скрипы, хихиканья. У нас тут целая коммуна художников и офисных планктоноведов – так почему бы им не попозерствовать. Нет, ты видела этих двоих? Это же настоящая пара. Представляешь. Не прошло и нескольких дней и уже шашни...

– И ты – художник? Ну, знаешь... Вообще – какая разница! – для Даши это была вторая чашка кофе за утро. – Я спать хочу. А ты пьяна наверняка.

– Я понимаю, что меня это мало касается, – Инна допила банку коктейля и поставила ее на подоконник. – Точнее, по правилам, вообще не касается. Но вот ты же или этот, Руслан, ведете себя прилично. Если у бы у них происходило что-то по-настоящему, реалистично, так, чтобы я бы поверила и приняла... Ну, ты понимаешь, да? Я же не синий чулок, ясно, что людям надо общаться.

– Через стенку и через столик, – ответила Даша..

– Я говорю, ммм, о натуралистичности. Когда им хорошо, мне тоже должно быть хорошо.

– Ну, может, у тебя просто не все в порядке?

– Вполне, вполне. У меня чувства собственности, зависти нет. Я вполне могу делиться. Мне просто не по душе весь этот театр. Да они же будут вопить тут по ночам! Специально, чтобы досадить остальным. Тебе это понравится? Все должно быть по-деловому. В меру, конечно. Никаких романтических флюидов в этой квартире. Какая-никакая, а дисциплина.

– Но ты их совсем не знаешь.

– Зато я знаю, что это такое.

– Я тебя, Инна, не понимаю... Ты где, кстати, гуляла? Я же вроде бы позже тебя пришла.

– Я ходила в магазин. Ну, что ты меня сбиваешь! Будешь со мной заодно или нет?

– Инна, давай позже. В таком виде войну – и даже переговоры – не начинают. Как скажешь, только потом, давай, а? – Даша встала с постели и включила телевизор, стоящий на холодильнике. Помимо основных каналов, он ловил несколько иностранных. Видимо, от тарелки за окном справа. По ВВС шли, как всегда, новости, явно – из России.

– О, смотри, Екатеринбург. Спецрепортаж. А вчера показывали Челябинск, добрались и до нас, – отвлеклась Инна. – С чего бы это они? Выборы же закончились... Да что они там понимают, да? Сейчас будет моралите. Опять буду бабок опрашивать. И людей рабочих – в будний полдень. На остановках и в магазинах.

– Оно везде так, – хмыкнула Даша. – Но мы-то эксперты те еще, да, Инна?

– Ничего-ничего, вот я скоро узнаю всю информацию по Японии.

– Уже на следующей неделе?

– Да, пока, слава Богу, без изменений. Еду, надолго.

– Я думаю, тебя Восток не изменит.

– Она твоего дружка изменит кофейного.

– Да будет тебе, Инна! Выдумываешь опять, – и Даша вернулась на кровать.

– Ну, пока что это мне чуть-чуть приятнее, чем барабанщик со стриптизершей – может, она, кстати, и не танцует вообще, как ты думаешь? Слишком фантастическая история. Их ведь не было днем?

– Гм, я же пришла недавно, зачем спрашивать, если знаешь, – Даша вновь встала, облокотилась об стол и вздохнула, – скорее бы осень, что ли. Может, возьму пару отгулов...

– Домой поедешь?

– Не знаю, не знаю. Куда-нибудь за город. Хочется танцевать, на природе, нагишом. И чтобы горели костры. Как-то так...

– А у тебя уже случалось подобное?

– Нет, но я слышала, что есть свободные фестивали. Туда авто-лавка приезжает раз в неделю, а люди живут месяцами там. И каждый делает ровно столько, сколько может не помешать окружающим. Всем остальным.

– А когда-то свобода закончится полностью для тебя и меня, подруга. Я с тобой тогда поеду на твой этот фестиваль, ха-ха! Прямо на каблуках буду ходить по полянам и танцевать голой у костра – так, кажется, у вас там делают?

– Может, и не было никогда этой свободы. Сплошное расписание.

– Кончился футбол? – спросила Инна. – Пойду, супа наварю. Успокоюсь.

Инне дико все это не нравилось. Не нравилось, что она видит вокруг на расстоянии десяти метров. Прошел всего лишь день на новом месте, а оказывается, тут уже идет молодежный ситком полным ходом. Нежные разговоры на кухне. Скоро начнутся стоны из-за двери, Эти двое сейчас сидят за столом, пьют пиво и говорят глупости. Она терпеть не может, когда треплются без повода. У современного человека – повышенная чувствительность к пустословию. Это есть последствия перенесения множества контактов из реальной жизни в Интернет, когда болтовня в ICQ, комментарии в Живом Журнале заменяют настоящие разговоры ни о чем. А потому всамделишная беседа начинает раздражать – ведь это, прости господи, не задокументировано!

5 июня в городе с утра пошел снег. Тема отдернул штору и долго изучал это явление. Падают ли снежинки вверх или они летят вниз? Каждые десять минут начинаешь сомневать-

ся в правдивости свежего утверждения.

На репетиции он каждый час заходил менять ведро в углу. Капала вода, прямо на ковролин. Убьют его в итоге за этот ковролин. Но вроде бы клиенты не жалуются, нет? Сегодня какие-то странные попались – играют без барабанов, без баса, глядят в свой ноутбук и теребят струны, стучат по клавишам. Тема думал даже скинуть им сотню, но потом решил, что его не его право. Они производили звон в комнатухе все три оплаченных часа, потом тихо собрали вещи и ушли. А потом заявились школьнички и устроили ему «Iron Maiden» в песочнице.

А перед домом, его домом, в снегу лежала кровать. Разобранная, разломанная и вызывающая жалость. Говорят, в этом доме одни алкоголики живут. Так чего же тогда? Почему она тут, а не в надежных любящих руках. У Темы есть несколько вариантов ответа:

1. У алкоголиков нет Интернета, чтобы повесить объявление в ЖЖ, на СПб_отдам_даром.
2. Они обрусевшие итальянцы, не забывшие своих традиций.
3. Они сильные и больные на головы люди, которые в бреду швыряют мебель в окно.
4. Они очень любят соседей, но стесняются поделиться с ними надоевшими вещами.
5. Кто-то начал переселяться, но ушел в запой после первого выхода на улицу с тяжелой кроватью.

6. Это городские отшельники, живущие у подъезда.

7. В этом доме живет живая мебель, которая напилась в гостях, не доползла до двери и замерзла.

– Это подстава какая-то, – Инна грохнула железным чайником по плите и посмотрела осуждающе на Руслана, как будто это он встречается с соседками. – А ты Даше говорил?

Они остались на кухне одни, все остальные уже разбрелись по комнатам и, похоже, спали. А Инна заснуть не могла. Руслан же собирался просматривать фотографии за последние два дня – и всячески оттягивал момент начала работы.

– Давай, скажи-скажи, – продолжила Инна. – Увидишь, какая она дипломатка. Заговорит нам с тобой зубы.

– Да, чем больше живу, тем больше понимаю, что надо просто расслабиться и получать удовольствие. Получается извращенный даосизм. А я даосист, отягощенный злом суеты. Чертовски холодно дома сегодня.

– Нет, мне все это на самом деле очень не нравится. Ты-то, надеюсь, не того? Смотри, я тебе Дарью не отдам. Или ты у нас стал, наконец, закоренелым романтиком? Надо чтобы ты поговорил с Темой, что он не встречался с Леной. Это же сумбур какой-то! Приезжаешь в квартиру, а тут страсти какие-то! Нет, я так это не оставлю. Если что – пойду и нажалуюсь агенту.

– Ну, ты в своем репертуаре. Строишь из себя фифу. Ты кому-нибудь, трам-парам, сказала, что мы родственники? Ты

это тоже риэлтеру сообщишь? Оставь людей в покое. Пусть хоть кому-то будет хорошо.

– А тебе не завидно?

– Нет, мне – в кайф. Пусть тебе будет обломно. А мне зашибись.

– Посмотрим...

Англичане идут в пабы не в пятницу, а в четверг. Потому что предпочитает, что несколько кружек с пивом звенели с утра на работе, а не дома, когда – дети, жена, родители. Как-то отвыкли, что алкоголь – это наркотик, вызывающий привыкание. Если и есть удовольствие дозволенное, но за которое надо платить – пусть это будет алкоголь. Чтобы в десять утра – и до полудня, после совещания идешь в столовую и берешь горячее и бутылку минералки. Чтобы так.

Культ пятницы-тяпницы (подать сюда Ляпкина-Тяпкина?), который вавилонятам москвичи, не проходит в Петербурге. С другой стороны, москвичи могут преспокойно пить и в среду, но до утра. Потом на службу. Петербуржец погудит в четверг, пошарахается по коридорам трудового учреждения и уйдет в загул до вторника. И это верно. Тотальный хаос. Либо веганство, либо выход в двери, когда двери нет.

Десятая, вечерняя

Не пить! Не курить! И смотрите у меня! Слушайте голос! На недавней пресс-конференции, посвященной благотвори-

тельному концерту, директор реабилитационного центра заявил, что сейчас к ним начали все чаще обращаться молодые люди в возрасте 20 лет. В деревню, где стоит здание с десятками алкоголиков, люди приходят настолько часто, что многие вынуждены ожидать по два месяца в очереди. А Госдума, как представитель государства, решает не принимать закон об ответственности за распитие слабоалкогольной продукции в общественных местах. А депутаты делятся познаниями об изготовлении бурбुляторов.

Как не вспомнить один из декабрьских дней, когда в парламент был внесен законопроект, ограничивающий права несовершеннолетних в посещении «злачных» мест отдыха. То есть – после того, как молодым людям перестали продавать сигареты, пиво и водку, им решили запретить и игровые автоматы. Кроме того, в зону табу попали секс-шопы, бары и букмекерские конторы. А после 11 вечера подросткам нельзя будет появляться на улице без присмотра родителей. Штрафовать обещали на сумму от 5 до 30 тысяч рублей.

Здесь стоит вспомнить о громком разбирательстве в Самаре, когда областной суд отменил «комендантский час», введенный региональным парламентом, признав, что тем самым ограничивалась свобода подростков. И ущемлялись права родителей.

Поправки в закон «Об административных правонарушениях на территории Самарской области» были приняты в ноябре 2005-го и распространились на детей моложе 14 лет.

Первого сентября прошлого года Москва также доказала правоту противников проекта. Контрактивистами стали самарские милиционеры, которые указали на абсурдность подобных запретов: нельзя же, к примеру, задерживать ребенка, который пошел на улицу выносить мусор. А неблагополучных подростков они и без всяких поправок вычисляют. И посетовали на то, что подобный закон если и следовало принять, то в масштабах страны – большой и подробный закон.

Ветреные головы ищут себе приключений. Следи за собой, потому что за тобой уже идет хвост запретителей.

Парам-пам, парам-пам, парам-пам. Марина бежала по улице уже десять минут. Она делала так ежедневно – пусть это будут и утро после тяжелой танцевальной ночи с кучей выходов, трепа, алкоголя и нервов. Или спокойные восемь утра, когда ты выпалась, потому что, слава богу, ты не сова, люди могут говорить, что жаворонкам тяжелее на ночной работе, но просыпаться ближе к полудню, если ты лег рано, нельзя ни в коем случае. Это же столько времени, когда никто не достает – потому что люди либо работают, либо дрыхнуть без задних ног. А значит, никто не позвонит и даже не постучит в дверь, потому что ее новый, гм, бой-френд убегает быстро на свою работу, вставая в 9-30, хотя мог бы отказаться от получаса сна и быть более спокойным. А так что? Хвать футболку, хвать джинсы, одной ногой в штанине, другой уже в кедах, да еще и кофе пьет. И атууу.

Однако ведь и ей нелегко, если подумать. Что там, на чердаке, она так и не выяснила, ключей от дверей наверху так и не нашли, хотя она прошла по всем местам общего пользования и даже протерла пыль, ибо она все-таки не вертихвостка безродная, а вполне себе русская женщина с тягой к порядку. Просто условия нынешние ей не позволяют следовать принципам в полной мере.

Кабы Марина знала, что в свое время еще дед поэта Владыкина пригрозил бабушке-молодухе разводом – это после венчания-то, в те годы! Так и заявил, что оставит ее вдовой при живом муже, ежели не выполнит она его условия. И врезал жене. Прямо в потолок спальни. Окно. Закрыв его специальным прозрачным зеркалом. И запретил всякому входить на чердак. Дед был достаточно стар, чтобы спокойно пребывать в одних покоях с супругой еженочно. Поэтому спали они раздельно. Но порой муж шел предварительно наверх, чтобы пронаблюдать за красавицей со своего поста, а уже потом спешил в альков. Злые же языки говорили, что зачастую он просто ждал там, когда появится бабушкин любовник. Дождался ли? Оба умерли в один день, друг за другом – он из-за второго сердечного приступа, она из-за первого, – несмотря на разницу в возрасте в 30 лет.

Вечером решили поужинать всем домом. Готовить вызвалась Инна. И пока на кухне закипала вода, Тема пытался заставить Марину посмотреть его концерт трехлетней давно-

сти.

– Послушай, товарищ драммер, давай не будем усугублять ситуацию? – мягко сказала она, садясь на кровать. – Мало времени.

– Дааа, мало. Ну... тогда расскажи про свой стиль танца. Вот. Про это я ничего не слышал.

– На самом деле, дружок, у каждой стриптизерши есть свой стиль работы. Вот я, например, танцевать на шесте не умею, то есть – не очень умею. Но это в фильмах и в Америке крутятся постоянно, а здесь у нас, в России, в стрип-барах, в основном, работают за чаевые. На чае работают, на воде и заварке – то бишь. Так что здесь самое главное – не хореография. А умение себя правильно показать. И тут всякие простые прокрутки на шесте не работают. Бесполезно этому учиться, если клиент тебя не хочешь. Конечно, можно и вертеться, скользить, туда-сюда. Но денег так много не зарабатываешь. Потому что если все это ты делаешь неестественно, вообще – не женственно, то тебя сразу раскусят. Я раньше много чего могла, потом случился перерыв, руки стали слабее. Надо наверстывать упущенное. Так что я хожу на тренировки. Хотя на самом деле надо уметь за 45 секунд трахнуть весь зал взглядом. Вышла на сцену – и чтобы на тебя уже все смотрели. Вот это искусство. Так что можно быть профессионалом и безо всякой акробатики.

Конечно, крутиться-вертеться – это очень красиво. Но ты же мужик, даже ты, скорее – более всего ты понимаешь, что

стриптиз – это танец эротический. Здесь не цирк. Здесь надо уметь еще и смотреть на клиента. Так смотреть, будто ты его хочешь. Всем телом – и показываешь это жестом, взглядами, дыханием. Пару секретов рассказать?

– Валяй, – Тема перевернул стул так, чтобы спинка оказался впереди и стал смотреть на Марину сверху вниз, пока она прохаживалась по комнате.

– Итак. Я подхожу к мужчине, у которого хочу получить чай. Медленно наклоняюсь к его шее... И дышу, просто дышу, понимаешь? Заглядываю в глаза вот таким вот взглядом... Ну что ты смеешься?

– Ничего-ничего, я думаю, ты раньше без комментариев этого делала.

– ...как будто всего его желаю, блин! Ладно. Двигаюсь я медленно, плавно, трогаю свое тело, нижнее белье, волосы, его лицо. Чувственность и осторожность, дорогой! И клиент думает, что он сейчас очень важный для меня человек. А это гораздо сложнее доказать, чем просто тереться об него попой. Хотя можно прогнуться и лечь поперек – это круче смотрится и воздействует. Заболталась я. Словом, вскрываю внутреннюю сексуальность человека. Отношусь с вниманием, стараюсь думать о клиенте, как о человеке, а не кошельке.

– И поэтому они платят?

– Ну, а почему еще? Вот выходят на народный стриптиз всякие страшные бабы – они же так ищут себе внимания, чуть ли не спутника жизни. Подсознание, понял? А я про-

сто танцевать люблю, что-то свое придумываю. У меня нет комплексов. Хотя и когда на тебя смотрят – это же приятно. Повышает самооценку. Когда танцуешь, превращаешься чуть ли не в богиню, нежную и сексуальную, резкую, агрессивную, пластичную, настоящую. И еще спортивную. Да и достаточно обеспеченную.

– С этого бы и начинала!

– А что ты думал? Нет, я за деньгами не гонюсь. И на самом деле я всех этих мужиков в ноль не ставлю, они для меня пустое место.

– То есть мне ты танцевать ничего не будешь?

– Нет, дорогуша, к чему нам ссорится?..

– Так, ребята, скидываемся на пиццу, – крикнула из-за двери Даша. – У Инны истерика, она ничего не может готовить.

На столе стоит три коробки, причем одну из них лично для себя заказал Тема. Большую круглую пиццу с грибами ест только он. Потому что у Темы хорошее настроение, у него теперь есть Марина. У Марины тоже расположение духа в норме. Руслан находится в мечтах, поглядывает на Дашу, которая пребывает в состоянии легкого неведения по поводу собственной судьбы.

Инна старается вести себя прилично. Вообще-то, это она придумала весь этот ужин. А потом разоралась, бегала на кухне, черт знает что такое. Да, у Инны большой опыт в соби-

рации салонов молодежного профиля. Лев Николаевич Толстой с нее мы начал повествования о «Войне и Мире», если бы не эпический формат, истории минувших дней и скоропостижная кончина классика в начале прошло века. Но не такого же, блин, профиля. Но ничего, скоро успокоительное подействует и все будет хорошо.

– А давайте представимся более... полно, – сказала Инна, когда все взяли по первому кусочку и расселись-расставились по кухне: Руслан на подоконнике, Даша у плиты, Тема и Марина, гм, сели на лавку у черного входа. Она же сама осталась у стола. Положила на лакированную поверхность руку и продолжила. – Я вот, скажем, работаю секретарем. Мы с Дашей из одного города – Свердловска. Чуть больше полугода здесь. Не шумлю, прихожу поздно.

– А я Марина, – словно не давая договорить, сказала в ответ девушка из темного угла. – Я стриптизерша и лесбиянка.

– Нуу, что ж... Это интересно. А где работаешь?

– В клубах. Иногда на презентациях всякой продукции. Стою и глазами стреляю. Не хочешь к нам?

Инна отошла к одной из полок.

– Нет, спасибо. А остальные?..

– Я фотографию, – сказал Руслан.

– А я книжки продаю, – усмехнулась Даша.

– Балду пинаю, – ответил Тема. – А еще барабаню за стенкой. Прошу прощения... Может, надо выпить чего-нибудь? Пива, вина? А то как-то все напряженно. А вы, кажется, ба-

рышня основательная.

– Никогда не понимала, почему, когда занимаешься сексом на чужой кухне в три часа ночи, никто на эту кухню не заходит, чтобы там застать это грехопадение, – выдала Даша Инне, пока Марина с Темой пошли за пивом, а Руслан отлучился в ванну, потому что не хотел находиться в компании двух подруг.

– Тебе, Даша, просто везет.

– Не так, чтобы часто... Вообще, я лишь предположила, чтобы ты немного пришла в себя, позлилась... А знаешь еще что? Этот Руслан меня звал в кино. Хотя я в кино не хожу. Я вообще не знаю, что это такое. Ну, ты в курсе.

– Я так и знала, что все этим закончится. Ладно, – Инна обвела взглядом кухню, на механике пересчитала кружки на своей полке – четыре. – Я тебе сейчас кое-что скажу, а вот ты это никому не скажешь, договорились?

– Как всегда, – Даша приготовилась слушать очередной малозначительный секрет – большую часть таких тайн она уже успешно позабыла, так что Инна могла ей доверять.

– Твой ухажер – не просто балбес. Он еще и мой милый родственник.

– Дальний?

– Да нет, близкий. Двоюродный. Этот, гм, кузен.

– А вы как-то это не особо афишируете?

– А чего тут афишировать. Ну, ты сама понимаешь – в но-

вом городе, с хорошей историей. А у меня история не самая прекрасная.

– Руслан мне ничего пока не говорил.

– Это его показывает с лучшей стороны. Но ты виду не показывай. Надеюсь, он сдержится. Знаешь, наверное, тебе даже можно с ним гулять.

– Дожили. Она мне указывает. Ты же только что ворчала.

– И перестала. Лучше его не раздражать. Он же тебе нравится? Значит, у нас интересы совпадают, чего тут такого? Я не прошу тебя сообщать о том, что вы там творите. Мне самой себя достаточно для сентиментального романа.

– А вот мы сейчас обещали совместно доесть пиццу – мне как себя вести?

– Даша, ты неисправима. Сначала строишь из себя индигент леди, а теперь вопросы задаешь наводящие. Как хочешь, так и веди, ничего же я не скорректировала – все идет, как ты и хотела, правда?

– Ну да... Звонят, вроде, готовься.

Инна решила, что разговаривать больше не будет. Потому что она смирно пила пиво и ела пиццу. Но тут голос подняла Марина.

– А вот интересно. Люди мы тут все достаточно деятельные, артистичные, – тут она взглянула на секретаршу. – Почему до сих пор не чувствую я тут творческого духа? Где жюльен, где шашлык?

– Очень напыщенно ты это сейчас сказала, – заявил Тема.

– Да, девушка, – усмехнулась Даша, которой Маринка, в общем-то, понравилась. Не с Инной все домашнее время проводить. – Очень страшно обламываться.

– Шашлычный Катук, – согласилась Марина.

– То есть – песни, пляски, выставки в коридоре? – спросил Тема. – Вот пусть нам Руслан нам расскажет о тусовках.

– Меня уже этим достали, – ответил фотограф, который слегка разомлел от хмеля. – Много народу, все чем-то интересуются, постоянно кто-то приходит, чай, кофе, трава. И тюбики краски в холодильнике. И мусор никто не выкидывает. Более того – кончится хлеб – приходится идти за хлебом, потому что его все едят вместо тебя. И никто не покупает!

– Ну, как же так, – решила Инна. – Тебе же наверняка нужна творческая атмосфера.

– Это большая ошибка – думать, – сделал паузу Руслан, – что фотографу нужен вокруг бедлам. Во-первых, мне нужен покой, чтобы просматривать миллион фотографий, удалять 900 тысяч из них, а остальные поправить в каком-нибудь онлайн-редакторе изображений. Во-вторых, есть озарения, а есть работа. За озарения мне начнут платить в старости или в зрелости. А сейчас я просто пашу и даю людям то, что они хотят.

– Ремеслооо... – насмешливо протянула Марина. – А ты молодец.

– Ну, все-таки, – не унималась Инна, потому что ее доля

пиццы давно кончилась. – Неужели уже сейчас нельзя творить по-настоящему. Вот Даша раньше хотела вышивать поздравительные открытки, правда, Даш? Это же красиво.

– Интересно... – протянула Марина, но Дарья осадила обеих:

– Инка, это думалось всего пару недель, мы же подсчитали, что затея нерентабельная.

– А я барабаны преподаю, – сказал Артем.

– Ах да, ты же преподаешь... – эхом ответила Инна. – Много учеников?

– Не очень... Но не так нудно, как просто сидеть на стуле и пить по 300 чашек чая в день.

– Вот мне бы 300 чашек, – заявила Даша. – А то ходишь, говоришь людям, а просто поболтать нет времени... Это я в книжном, – чуть громче добавила она.

– Барабанщик, стриптизерша, секретарша, продавщица и фотограф, – подвела итог Марина, подумав на секунду, что вербальная эстафета, она же – соревнование по ерничеству, – тоже неплохой способ поговорить. Авось в конце все напьются, всем будет стыдно, все якобы будут дружить.

– Я творю по-настоящему, – понизив голос на пару регистров, выдал Руслан. – Тебе не понять. Это моя работа – творить. Тебе не понять. Я могу сделать что угодно в каком хочешь жанре, стиле, виде искусства – и это будет, как минимум хорошо.

– Что же – и проза? – внезапно для себя ухмыльнулась

Инна.

– А я тебе щас продемонстрирую! – заявил Руслан, сбежал в свою комнату, вернулся с блокнотом и начал писать, положив его на плиту. Марина решила не заполнять паузу и начала, наконец, есть остывающую пищу. Через 10 минут, во время которых Тема завел разговор о московских ценах на жилье (а Инна только хмыкала), Руслан провозгласил:

– Готово!

И прочел:

«Перед мальчиком стояла вся остальная очередь. Большая сумка с бутылками давила в левый бок, шел 90-й год, он читал Владислава Крапивина, а по субботам ходил в магазин сдавать молочные бутылки. А когда мальчик вырос, он всеми силами просил, чтобы в старости ему не пришлось ждать, когда какой-нибудь пролетарий допьет свои пол-литра и бросит в урну.

Техника молодежи
предполагает практику
выдумывания кратких маршрутов,
комбинаторику,
вычисление среднего коэффициента,
дефрагментацию мозга,
сидение перед преподавателем
с бутылкой темного,
вычитание из бюджета
каждый месяц

неизвестной суммы,
наблюдение за нечеткими неизвестными,
которые, по сути, твое реальное и ближайшее будущее.

Все люди старше 20 -
смущенные крысы,
слушающие сплошной звук,
исходящий из группы сверстников.

У меня есть кольцо на пальце,
штамп в паспорте,
место на кладбище,
семь поколений, которые не отрицали
влияние хмеля.

По сравнению с ними
я развиваюсь еле-еле,
нет силы в 25-летнем теле,
но я хотел бы умереть
за стойкой,
по крайней мере,
когда я упаду под воздействием чей-то шутки,
кто-то обернется и возьмет мое пиво
в дрожащие руки».

– Господи, и ради этого ты нас тут мучил? С трех шагов видно, что это только про тебя лично. Давайте уже без жалоб хотя бы сейчас, – Инна нарочно начала протирать глаза и уже собралась зевать. – Давайте в карты поиграем, что ли...

– Ну, хорошо-хорошо! – Руслан вышел из себя. – Расска-

жи нам о чем-нибудь радостном и позитивном! Скажем, том, кто тут у кого самый близкий, надежный. Товарищ и друг, ага! Не все же знают, сколько раз я тебя уже видел в своей жизни. И как ты мне уже надоела! И про истории твои идиотские не знают! Как там бабушка? Не тяжело ей с правнуком? Как тетя поживает?

– Да ты... Ты... – Инна не ожидала, что дальний, и, честно говоря, не особо напрягающий ее братец начнет контратаку настолько прямо. Ей совсем не улыбалось оказаться в униженном положении, в котором ее наверняка еще никто и не пожалеет.

– Ну да, товарищи, это вот моя сестра. Двоюродная. Всю жизнь ее знаю. Всегда была притворой. Хочешь, Инночка, расскажу что-нибудь еще?

– Не надо, – Инна несколько побледнела, отошла к двери и потупила взгляд.

– Я не терплю родственников, – скажет Руслан через несколько лет Даше, – потому что это другая форма памяти, нежели фото. Понимаешь?

И хотя Инна гневно ушла в свою комнату, а Тема смотрел исключительно в телевизор, у Руслана настроение быстро пришло в норму. И он наклонился к Даше и высказал буквально следующее:

– Как ты думаешь, я похож на алкоголика?

– Ты похож на алкоголика, – насмешливо протянула Даша.

– Ну, почему? Мне только в 16 налили на самом доньшке водки, которую я, естественно, даже не поморщившись, выпил,. До этого пробовал только домашнее красное вино, от двух стаканов розовел и добирался через два квартала домой, поскольку тусовался со взрослыми (по сравнению с мной) дядями и тетями, которые занимались на досуге искусством и умеренным пьянством. Они читали стихи и рассказы, целовали меня на прощание в щеку и крепко обнимали. А потом я бежал в ночи и озирался по сторонам. Мама чуть вздыхала и отправляла меня спать.

Ну, а потом я поступил на истфак. А я не говорил, что у меня три курса законченных – и что потом меня просто выкинули оттуда за неуспеваемость? Нет. Ну, так знай, так вот. И началась иная жизнь. С двориками, ларьками, выпиванием на последней парте на спор – кто сколько продержится после одной бутылки в одно лицо. И блевание в открытую дверь такси, и ползком по лестнице наверх, и сон в летнюю ночь в детском саду. Но все это – не часто, все это – иногда, просто – запомнилось, чтобы потом рассказать так вот и устыдиться. А далее немного страшнее, ибо я устроился в газету фотографом, должен был приходить в 9 утра на работу и потом до 11 вечера мог бегать по объектам в разных концах города. Так что, когда ближе к утру субботы образовывалась дыра в расписании, решалось всем миром отпустить вожжи – и взять их обратно к понедельнику, ибо даже в измененном

состоянии можно в воскресенье работать. Потому что ты находишься на волне с остальными творческими работниками, которые все прелести твоего мира и создают.

– Так ты, значит, тоже учился на этом истфаке? А ты с Артемом давно знаком? – Даша все не могла понять, симпатичен ли ей Руслан или глубоко отвратителен.

– С ним-то? Да чуть больше, чем с тобой, милая. Квартира на этой замечательной улице Союза Печатников – не первое мое личное жилище. До этого я несколько месяцев прожил с программистом Василием и его случайными корешами, которые каждый начинали день с похода в магазин. А день у него стартовал после обеда. Как мне удавалось избегать общения с ним – богу ведомо, но не мне, – сказал он последнюю фразу Теме, зашедшему пожелать им спокойной ночи. – Да, пока-пока... Только помню, как один раз напоил он меня до такого состояния, что я стал иссиня-желтого цвета, весь наполненный одной лишь жидкостью, не костей, ни совести. Это зимой произошло, я распахнул окно в спальнной комнате, положил голову на подоконник и все ждал, когда рама от порыва ветром понесется в мою сторону и как следует даст по дурной башке. Желания поддерживать в себе равновесие, стабильность, не прилагая при этом усилий, потому что любое напряжение – почти смертельно. И в таком состоянии я находился почти три часа, застудил горло, но потом выгнал Васю куда-то в гости, вскипятил себе воды, прогрел ноги, выпил чаю на самовар, а еще долго пел военные пес-

ни, которых, как выяснилось, успел где-то, как-то выучить в огромном количестве. А потом, уже около шести утра, заснул счастливым сном ободренного своими успехами человека. Пришел мой сосед, долго шаркал на кухне, а потом лег на соседней койке. И тогда я понял, что хочу жить хотя бы один. Но не так, чтобы кто-то заявлялся позже меня и при этом совершенно не старался проявлять участие к людям, делящим с тобой крышу. Захотелось, наоборот, внимания и кооперации.

– Интересно, – Даша слушала рассеянно, но ей хотелось проявить именно это внимание. Радовал ее этот человек, хотя и не превращался он в глаза девушках не в принца, не в удачную кандидатуру. Просто душа лежала. Совпадение интересов, даже так – совпадение объектов для презрения. – Ты удачно косишь под пьяного искреннего человека. Так что иди уже спать. Слишком откровенно говоришь. Опасно.

Одиннадцатая, громкая, неполиткорректная

Но тут на кухню вынырнула Марина – уже одетая к ночи, слегка накрашенная – «не-до-танцев-мне-сейчас» вариант, просто – чтобы настроиться. Посвежевшая. И совсем уже не злая.

– А, пойдём со мной клуб... – она остановилась на секунду в дверях и решительно пошла к окну, – ...Даша? Нужно же вечер закончить повеселее, правда, ну, а? – говорила она ей, в то время как мимо них обоих их комнаты к раковине

прошлепала Инна и начала мыть посуду. За всех. – Я тебя потом на машину посажу, хотя тут и не далеко... Нет, все равно лучше на машине, тебе – особенно.

– А как же я? – спросил Руслан, входя в обычный образ героя с камерой.

– А ты мне и даром не сдался.

– Я, гм, я не против, – ответила Даша.

– Может быть... и ты? – открыв дверь в комнату Инны, спросила Марина. Она ничего уже и не помнила из вечера, особенно – имена. На столько ФИО у девушки уже не хватало сноровки.

– Нет, спасибо, – еле слышно ответила Инна и лично закрыла дверь, а потом еще и щелкнула замком.

Не сумев достучаться до блаженного состояния секретарши, и не разобравшись: то ли девушка не в восторге не только от самого приглашения, но и приглашающего, то ли просто тихоня и стерва, – Марина потянула Дашу за собой в коридор.

– Какой-то дресс-код в клубе есть? – спросила книжница, заходя к себе.

– Ну, со мной в чем угодно пустят, но... Надень какое-нибудь платье недлинное, что ли. Или лучше джинсы и платье – окинув ее взглядом, резюмировала Марина. – Ночью-то холодно, – тут же оправдалась она.

Даша подошла к единственному гвоздю в стене, на котором висели плечики с нарядами, тут же вытянула черное, с

любкой-колольчиком и попросила Марину выйти на пару минут.

– Я все же не на работу иду.

– Я тебе расскажу сейчас тогда про себя. Буду, гм, одеваться и рассказывать, – сказала Марина, пропуская Дашу в примерку, на удивление пустую в столь важное для развлечений время. – Я отбираю деньги у богатых и сопливых. Танцам, я считай, вообще не училась. Ходила в школу, но там все больше напряжение, постановки, а здесь надо свободно. Хотя не похалявишь, надо и движения расписывать в голове, и тело тренировать. Начинала я в go-go – знаешь, что это такое? Когда стоишь на помосте, вокруг куча дебилов, но тебя никто, слава богу, не трогает. А ты попой виляешь, а у ног начинают вдруг сумочки складывать. Вообще, клуб могут и в бордель превратить, а пляски назвать презентацией рабочей силы, но у нас, тут, иншалла, пока что все спокойно. Охрана, контингент – более-менее на уровне.

Это я сейчас в одном клубе работаю, хотя меня и в другие зовут. Это знаешь как? Берешь сумку с костюмами, приходишь в заведения, мол, я танцую стриптиз, если хотите – покажу. Оставляю телефон, мне потом звонят.

Хотя психологически – сложно. Для большинства людей мы же те же бляди, только в помещении с музыкой и баром. Даже доказывать, опровергать ничего не надо. Я, если начинаются разговоры эти и развод, просто разворачиваюсь

и ухожу. Чтобы нервные себе не трепать. Бесит хотя... Есть у нас тут... Больше двух третей. Они вообще не танцуют, только передком торгуют. Раньше, говорят, все было наоборот. Это называется – «увольнение». Заплатил – и девушка твоя. Я так не работаю. Хотя, может быть, это просто погулять пойти. Или сказку на ночь прочесть.

Ну, а сейчас нам обещали приставить хорошего какого-нибудь хореографа, который раньше по стране с гастролями катался. Поднажмем. Хотя говорят, что надо родить, живот подкачать, попу привести в порядок – и тогда будешь женщиной. А у меня как началось? 100 грамм в первый раз – и вперед. А дальше уже без допинга. Хотя надо иногда пить коктейли, которые клиент заказывает. Но я почти не пью. Потому что если днем репетируешь, а ночью танцуешь, то потом только наркотики. Ну, а зачем мне наркотики? Я и так не очень счастливая. Я иногда на фитнес хожу. Бассейны, визажисты, массаж. Но не для того, чтобы мужика найти. Я же живу в коммуналке для того, чтобы не прыгать неизвестно куда, в какое-то явное дерьмо. Одежду беру в секунде. Я такая же, как ты, Дашенька. Ведь что дальше по карьере? Индивидуальные заказы. Менеджер договаривается, ты танцуешь, тебя охраняют. А потом получаешь высшее образование и начинаешь карьеру. Или спиваешься. А я ведь не похожа на стерву? Ведь известно же – товарищ, если будешь стервой – тебе трусы перед выходом намочат. И ты заболеешь.

Вон видишь ту девочку? Она ведь пела раньше. Но потом поглядела, как другие номера в оригинальном жанре отрабатывают – и пошла сюда. Потому что – до тысяч в карман работницы клуба, и всего лишь в два раза больше – из кармана клиента.

А только в одной Москве стрип-клубов – пять десятков. А в Петербурге гораздо меньше. Но я одна, мне достаточно, семью кормить не надо...

Она закончила процесс натягивания на себя рабочей одежды и, глядя в зеркало, продолжила:

– А еще я для себя вывела такую причину. Ты не думай, что я все это знаю – мне подруга рассказала одна, такая, ярая феминистка. Так вот, есть в мире множество женских групп. В которых играют одни девчонки. Сначала – в мюзик-холлах девушек пели песенки для развлечения толпы. Сестры Босуэлл, как-то так назывался коллектив. Это 30-е годы. У них уже свои инструменты. Через 20 лет их очень много. Песни им пели тамошние крутые композиторы-конвейеры. И всякие педофилы и зоофилы тоже писал. А сейчас случается так. Играли тетки в конце 60-х, сиськами и гитарами трясли. А потом, ррраз, и в начале наших нулевых вместе вновь выступили – и фигня, что всем далеко за полтинник, и гитары на пузе висят, смотреть уж точно не на что.

В общем, не в том суть. Потом, значит, панк-рок. «Фанатам – гитары, фанаткам – постеры». Девочки на басу. Девоч-

ки голые на обложке, а у некоторых команд, кстати, просто на сцене – их потом за сексизм гноили. Не понимаю я этого... Интереснее вот что – девочки-припевочки. У нас их почему-то не знают, считают, что это, видимо, лесбиянки с бабанами. А это такие – юные попсерши, про молоко и держанье за руки поют. Я раньше любила их слушать, на первых курсах, носила пакет бумажный, как сумочку, ничего не пила.

А потом мне рассказала о «Дерьмомобиле» и прочих фемо-бандах. Такие, которые тампоны бросают со сцены. Быют-ся, реально быются за права. Я думала, что смогу, к примеру, стать промоутером какой-нибудь такой мощной группы. А их в городе не нашлось. Я реально искало телок, которые будут такими же целеустремленными. А вокруг ходили и ездили только гламурные телки и ботанички. И лесби. На самом деле я всех их ненавижу. Ну никакой цели. Хотя, я, наверное, похожа на лесбиянку, да?

– Марина, а ты это – лесбиянка? – беззаботным голосом спросила Даша

– А что – похоже? – в тон ей ответила ей танцовщица. – Нет, я бисексуалка. Мне так кажется уже почти год, наверное. Я о таких вещах страшных думаю, когда на девчонок в примерке смотрю, ты ужаснешься! Хотя, зачем тебе это знать? Тут у некоторых семьи есть, но что у них там – реально в душе? Черт его разберет. Здесь пахать надо, а не думать. Как в спорте – активность, форма и ты ды, и ты пы.

Устаешь иной раз, как грузчик в порту. Испорчено у тебя настроение – а надо на сцену, изображать веселье и страсть. Мне порой вообще танцевать не хочется. Хотя сегодня весело, да и Инна твоя здорово настроение поднимает. Как ты с ней дружишь столько лет?.. Недавно один от меня получил в челюсть. Хотел трусы снять и засунуть деньги. Поглубже. Пьяный в хлам. И никто не помог – все смотрят, а он за трусы тянет. Пришлось врезать.

Она хотела произвести впечатление, а потом обратилась к образу, который, несомненно, Даше был знаком. Одетая в короткую юбочку и белую блузку, под школьный вальс она выбежала к шесту, положила ранец рядом, тревожно обежала вокруг ближайших столиков, улыбнулась ярко накрашенным ртом, а потом, медленно покачиваясь, стала расстегивать на блузке пуговицы. Сначала верхнюю, аккуратно, пальцами, а потом остальные, схватившись за края воротника и потянув их в стороны. Пуговицы падали на пол в такт музыке.

И когда зритель увидел веснушки меж ее маленьких грудей, а потом и нижнее розовое белье, она одним движением сняла под юбкой трусики, швырнула их в намеченную жертву, села к нему на колени и смущенно улыбнулась. Сейчас он ей будет сапожки целовать, я сегодня просто в ударе, жаль, что сегодня будни и выход всего одни...

– Приватные танцы мне заказывали, наверное, пару раз, –

говорили Марина, сидя в гримерке и попивая минералку. Даша глядит в зеркало, обклеенное черной мишурой, и ест шоколадку с орехами, потому что до сих пор волнуется. – Это в основном – хитрить надо, забалтывать. А на последней минуте снять последнее. И быстро свалить. И ничего и не показать.

– Ты вообще нормально себя здесь чувствуешь? Не устала?

– Более-менее. Не в первой. У меня тетка работала на рынке, у них там не лучше. Холод, с утра вставать, контингент неприятный. А зарплата ниже.

После того, как Марина отдохнула и оделась, они решили немного потанцевать на соседнем танцполе, менее виповом и более тихом. Количество публики зашкаливало, но коллегу все равно узнали – к Марине, прорезая плечом толпу, подошел мрачный мужик, который при этом одновременно улыбался и даже немного покачивался в такт.

– Здорово, девчонки! Как дела? Маринусь, познакомь.

– Ну, это Даша, соседка моя. Пришла со мной сегодня, – девушка подмигнула подруге: мол, все нормально, свои, не тушуйся.

– Отлично-отлично, – еще раз показал оставшиеся зубы мужчина. – А я работаю вторые сутки, устал, как вол. На входе такое творят, к троих уже пришлось применить настоящую грубую физическую силу. Но мы же все в рамках закона, ты же понимаешь.

– Прекрасно, душенька, прекрасно, – подмигивая Даше, ответила Марина. – Есть сегодня что-нибудь интересное?

– Ну, а я откуда знаю? – пожал плечами мужик. – Я же почти снаружи стою. Спустился вон на 15 минут перекусить. По мне так – все это хня страшная, вы уж извините, девчонки. Не по-нашему. Я, конечно, поплясать люблю, но в меру. И чтобы не так громко. У нас там сверху ничего и не слышно, Слава богу. А может, подружки славные, потом поедem куда-нибудь, а?

– Честно говоря, дружок, меня смущает твой внешний вид, – ответила Марина. – А я в мужчинах разбираюсь. Вот эта кожаная куртка. И армейские штаны. А я, как ты, может быть, знаешь – девушка отнюдь не брутальная.

В это время что-то нехорошее случилось в диджейской будке и долбить перестало.

– Не, ну я тебя видел однажды, – хохотнул ее собеседник. – Весьма нежная подруга. Но ты, милочка, ничего не понимаешь, на самом деле. Пляшешь, попой крутишь у шеста. Сейчас надо быть осторожным. Вокруг сплошные заговоры. Русским-то совсем уже жизни не стало, понимаешь, о чем я? Китайцы слева, азербайджанцы, таджики с юга, евреи изнутри.

– А я, вообще-то, тоже еврейка, – прокричала Даша, потому что музыка вновь началась. Ленин знакомый долго на нее смотрел – до самого конца трека. А потом крикнул, как будто шепотом сказал:

– Бля, вот кабы не здесь... Ну, Маринка, ты чудная все-таки... – и ушел.

– Это наш охранник, – шепнула ей Марина. – Он нормальный, только с загонами.

– Мне не очень нравится, как он на меня глядел.

– Если он трезвый, то все в порядке. Это же нормально, такие разговоры. Работа сложная, наверху постоянно всякие неадекватны грудью вперед прут. Тут надо быть и трезвым, и немного пьяным – или от алкоголя, или от мозгов повернутых собственных...

Тем не менее, Даша перестала танцевать и отошла к стенке.

– Мда, надо тебя отвлечь, – продолжила Марина. – Душенька, а как ты относишься к экспериментам в сексе?

– Я? К экспериментам? – Даша сказала это чересчур громко – даже для клуба.

– Да. Я недавно поняла, что на самом деле меня возбуждает. Клоуны.

– Клоуны? – удивилась Даша

– Да, чтобы люди занимались сексом с париками на головах, красными носами, выбеленным лицом, нарисованными звездами и улыбками, в просторных штанах и рубашках. Все-таки это весело... О, смотри, какая девушка!

Тот, на кого она показала, действительно заслуживал внимания. Очень длинные ноги. Девушка стояла возле барной стойки – и ее бедра начинались уже почти там, куда ставят

пепельницы и бокалы. Короткое платье, наоборот, быстро заканчивалось. Не фигуристая, но Марина уже успела мысленно ущипнуть ее за задницу, когда к барышне подошел мужчина, дышащий ей в шею, с лицом, полным морщин и усталости. Кавалер что-то быстро сказал девушке, приобняв за талию – без страсти, без явного удовольствия. Обыденность.

– Наверное, надоела она ему уже, – заметила Даша. – А мы ее теперь запомним, как минимум, на неделю. А потом опять забудем.

Письмо из Голландии

Сестра, сестра! Из самого логово разврата пишу я тебе! Не знаю, что происходит в этой дикой стране, но все это необходимо тотчас же прекратить. Я беседовал с местными – они утверждают, что низменные человеческие желания приносят им немалый доход. Но что это такое, как не спекулирование свободой? Не вдаваясь в подробности – несмотря на то, что я почитаю тебя, как девушку прогрессивных взглядов, родственники явно не могут обмениваться такой информацией – скажу, что пробродил по фантасмагорическому европейскому Петербургу под названием Амстердам три дня кряду. Благо, городок небольшой, одна беда – сумасшедшие велосипедисты. Как хорошо было одному из первых прокатиться по Нашей столице на двухколесном товарище! Да, неудобства немалые, но здесь эти чудаки за-

няли лучшие места на дорогах, они трезвонят в свои звонки и сишбают прохожих на законных основаниях.

Кроме того – и для этого я и пишу свое письмо – видел нашего (нашего ли теперь уже?) друга, выходящим из всем в мире известного квартала, точнее – из одной из будок, где обитают падишие женицины. Совершенно уверен, что на лице его сияла довольная улыбка. Возможно, всего лишь влияние опиатов? Здесь нельзя ничего сказать уверенно.

Горожане то ли постоянно отдыхают дома, то ли работают исключительно в офисах. Таких, как я, гостей, немало. Но я, благодаря своему пренебрежению к внешнему виду, легко схожу за своего, что, к моему же удивлению, вызывает у меня гордость. Странно, этот пункт, построенный на сваях и грехе, мне, несомненно, интересен. Очевидно, именно в таких местах можно наиболее оградить себя от страстей, потому как не надо писать воображаемую историю, финалом которой должно стать грозное «Стоп». Здесь это можно делать постоянно, а наглядные примеры последствий ошибок – всегда перед глазами. Не следует ли и в нашем государстве учредить специальный штат павших низко людей, которые выглядели достаточно опрятно, но при этом выглядели бесконечно несчастными или потерянными. В стране нашей слишком много героев и знаменосцев, но нет предателей и подстрекателей, возведенных в чин мастеров.

Явно что-то не закончено в этом послании. Думаю, я еще

вернусь к этой мысли.

Спасибо, что читаешь это.

Костя.

Второе письмо Вали для Константина

Здравствуй, Костя.

Я дождалась твоего голландского письма, пишу теперь ответ, не знаю, отправлю ли. Сначала я хотела обидеться и сказать, что неважно, что человек творит, важно то, почему небезнадежен. А я думаю – каждый из нас имеет шанс на то, чтобы оказаться в раю. Ты сейчас скажешь, что я, наверное, мыла голову и попала мыло в глаза. Или еще какую-нибудь неизобретательную чушь.

Но я, очевидно, принадлежу к той редкой породе женщин, что меняют принцев – не на более богатого принца (по выгодному курсу), не рассчитывают курсы вообще. Я редкостная дура. Мне нужен либо человек, который будет меня игнорировать. Либо человек, который окажется в глубокой духовной яме, из которого я вытащу его, упав туда сама. И послужу для спасенного ступенькой наверх.

В первом случае я буду постоянно общаться с твоей будущей женой, жаловаться на жизнь, но потом подтрунивать над тобой. Во втором я превращу свою глупость в подвиг. Удивительно, но многие согласятся со мной. Не только пожалеют, но и поставят в пример. Они ведь всерьез считают, что в жизни надо что-то терять. Надо быть челове-

ком, который жертвует, который теряет, не получает ничего взамен. Иначе он без сердца, без души, без основания. Он обязательно должен лишиться, должен страдать, говоря при этом, что гордиться собственной неполноценностью.

Я отдаю людям все самое ненужное. Мои глупые чувства, которые не могут быть настоящими. Их нельзя отсечь, придумать другие. Их просто надо присвоить кому-нибудь. Поэтому я защищаю попрекаемого тобой человека. И понимаю, что совершаю поступок в общественном понимании нерациональный, при этом – порицаемый, не одобряемый ни в коей мере. Но знаю точно, что потом окажусь права, потому что лишаясь гнилья, лишаясь пустого, остаюсь с самым необходимым, с тем, что никому не достанется без долгой борьбы.

Вот так... Dixie.

Валя.

Двенадцатая, о детстве

И, значит, ты три года влюблен в одну одноклассницу, потом столько в другую, потом третью. А целуешься вообще непонятно с кем. А далее, лет через семь, ты лезешь в Интернет. И – нате! – кто-то вывешивает свои пляжные фотографии! Ага, та страшная деваха, что ходила на рок-концерты с малопонятными тебе типами. Ты тоже на концерты захаживал – послушать музю. А она за компанию... Ой, я не о том говорю...

А у твоих школьных героинь – одни производственные фотографии да порой снимок, сделанный за столом задрипанного кафе. Они что же – до сих пор не осознали, насколько были хороши? Или повыскакивали замуж. И суженный не позволяет вывешивать факты семейного счастья на всеобщее обозрение.

Внимание, эта глава посвящена детству. Прошлому. В хорошей книге должны быть тексты, в которых рассказывается о неразумных существах – умнейших во всем белом свете.

Помимо того, что Руслан отметился в первом классе в качестве привидения, так он еще и оказался единственным, кто сам выбрал себе товарищей по учебе. Произошло это так – погожим сентябрьским днем за номер один Русланчик-тараканчик брел испуганно по школе. Линейка закончилась, а он решил осмотреть школу по периметру. Увлекся и совершенно забыл, где же его просторный класс для складывания зимой пальто и настольных игр. Он зашел в столовую, из которой пахло весьма подозрительно. Затем оказался на втором этаже в спортзале, где старшеклассники уже играли в баскетбол, а мужская часть учительского состава курила в подсобке – дым медленно, но верно струился из-за двери. Стукнулся он и в пару дверей – сначала попал в пятый, потом все же в первый, но, кажется, в чужой. Какая собственно разница, решил Руслан, но тут его остановил кто-то из старших, спросил, какая у класса буква и отвел по месту назначению.

Шел уже урок, который ориентировано можно было назвать математикой или просто проверкой на вшивость. Его посадили с девочкой в полтора раза выше него. Нос у девочки выдавался далеко вперед, она уже успела занять тетрадками и учебниками все свободное пространство.

На тот момент Руслан считал себя весьма крутым парнем. Оглядевшись вокруг, он не нашел вокруг никого, кто мог бы с ним сравняться. Он поднял руку и попросился в уборную. А потом зашел наобум в один из других кабинетов (оказывается, все написано на дверях!), моментально оценил обстановку, заявил, что его забыли внести в список. И преспокойно перешел в еще один сегмент первоклашек.

На следующий день его довольно безболезненно оправдали перед завучем и посчитали, что подобное волеизъявление достойно уважения.

Тем не менее, школу он не любил. Хотя иногда общался с товарищами, они играли у него дома в монополию и бегали по стройке. После того, как мальчика зачислили в октябрята, а в пионеры – ввиду путча – уже не успели, он понял, что какими бы интересными не казались школьные коллективные забавы, в одиночку он проведет это время лучше. Сначала Руслан, как уже однажды писалось, бродил по улицам, потом нашел ключ от подвала и сидел там. В итоге его просто посадили на заднюю парту, где он преспокойно дрых, пока ближе к концу обучения не проснулась совесть и не превратила его в хорошиста.

Тема проспал всю школьную жизнь за шкафом. Уроки он учил на кухне в 11 вечера на первом уроке, списывая у товарища по парте, пока учитель заходил в класс и шел с задних рядов. И где теперь товарищ? Тема даже не пишет никому письма.

В шкафу лежали книги. Стругацкие, Платонов, Симонов. 5 календарей. А сверху – настольные игры и коробка от TV. Тема писал на задней стенке стишки, сидя на кровати, по которой с 14 лет молотил палками (вместо вирш на дереве появились ритмические рисунки).

Сюда же привел первую девушку, которая только расхоталась при виде его логова и растрезвонила в школе о том, как великовозрастный юноша живет, как первоклассник.

Группа его отца раскрутилась, послав в центральные газеты – за их счет бобины с записью дебютного альбома. Диск жестко обругали, но и адрес, почему-то, указали. На вырученные от продажи пленок деньги папа тогда купил себе прекрасное драповое пальто. Остальные деньги он заработал, переписывая пластинки московских и питерских рок-групп для страждущих из регионов. Занимался он этим не так уж и долго, однако получил в итоге три года условно, хотя применял все виды конспирации: и адреса получателей шифровал, и менял постоянно почтовые отделения, с которых отправлял бандероли, и даже пытался закопать оригиналы в лесу. Впрочем, то происходило уже во время перестройки –

мужчину пожурили, погнали с работы в институте, так что он официально уже пошел трудиться в кооператив, продававших бумажные коробочки с лейблами известных марок и ломкими ручками. А также иногда шел барабанить на пиано в ресторан. Ближе к утру он начинал читать стихи Ярослава Смелякова пополам с частушками и играл вальсы, требуя, чтобы посетители поддерживали дух праздника. Его, как ни странно, за это и любили.

Однажды Теме мама торжественно сообщила, что в свое время его дед-татарин принес родному селу победу, спев на смотре самодеятельности народную песню «Кара урман» (это классика). А он и не знал. Хотя искренне всегда хотел почувствовать, что тоже какое-то отношение имеет к вокалу...

Однако Теме в юности было совсем не до плотных занятий. Все 14 лет обучения в младших и средних заведениях страны, коих он в целом поменял 18 (три детсада, пятнадцать школ), Артемий устанавливал контакты третьего вида с группами и классами. Сначала он долго ревел в каком-нибудь домике, куда сбегались все остальные малолетки, потом дрался во время тихого часа и убегал за забор. Через несколько лет он демонстративно унижал девочку за своей партой, оставался за ней один, вскоре зарабатывал пару синяком в школьном дворе, минимум месяц в год отлеживался в больнице с бронхитом или чем-нибудь еще попроще. В основном его переводили, потому что родители переезжа-

ли по всему Подмоскovie – за мамой охотился собственный папаша, большой любитель коммунистических баек, от которого она сбежала в 18 лет, а в 20 родила Артема. Кроме того, отец физически не мог играть в одних и тех же кабаках, часто попадал в истории с пленочным бизнесом. Тема не очень-то любил читать, а предпочитал смотреть боевики на видеоманитофоне, который даже через десять лет продолжал работать – хотя порой и приходилось свинчивать верхнюю крышку, чтобы вынуть кассету или прижать отдельные части отверткой. К девятому классу он чрезмерно растолстел, после чего реально превратился в посмешище, совершил рекордное количество переходов в рамках одного населенного пункта, пошел барабанить и курьерствовать. Одиннадцатый он закончил, удачно хлопнувшись в обморок на устном экзамене по истории.

В августе 1997-го Инна поехала с классом в Анапу. Или нет, не с классом, просто с какими-то одаренными детьми. Инна явно не выглядела одаренной, она просто была хорошенькой и активной. И лишних вопросов не задавала. А дети, которые ехали с ней в плацкартном вагоне, не интересовались, почему Инна отдыхает с ними. Не было такого деления – гении и прочие. Правда, в конце первой недели руководитель группы попытался выяснить, почему некоторые дети ведут себя не как таланты, а как олигофрены. Ничего не добились.

У Инны в 15 лет мало еще выросла грудь, зато ноги продолжали, а еще она могла носить шорты и совершенно ничего не стесняться, даже наоборот. Тогда все поступали аналогично: подтягивали шорты, чтобы все видели их ягодицы. Делают ли так сейчас?

Все равно ей никто не понравился. Она не нашла достаточно причин, по которым должна была кого-то приметить. А потом писать ему записки и неотрывно смотреть во время дискотеки. К тому же во дворе, где танцевали каждый вечер, почти не играла медленная музыка. Почти всегда – «Prodigy». Ужасные вечера, ужасные...

Инна брела по пляжу, глядя строго в песок, от чего шея уже начинала серьезно ныть, но смотреть на солнце было совсем не в мочь. Шла вторая неделя отдыха в лагере, а в начале второй декады девушке пришлось пойти в медпункт и получить бумажку, свидетельствующую о том, что у нее стреляет в ухе неспроста. Ей вливали камфару, и голова у Инны хоть уже и не болела, но продолжала кружиться. И плевать, что на ее купальник много реагировали совершенно правильно, оборачиваясь и долго глядя вслед. Не потому что Инна смотрелась первой раскрасавицей побережья, а из смелого для того кроя шорт. Вспомните свои посещения пляжа, в голове обязательно нарисуеться правильный именно для вас силуэт. На следующий день Черное море начнет прибывать к берегу мусор, однако ушная боль так и не пройдет. Зато Инна покроется загаром до крайности, до сходства с насто-

ящей креолкой.

– А почему девушка скучает? – она подняла голову и увидела перед собой молодого человека старше ее лет на шесть: сандалии, новенькие джинсы и синяя рубашка., совсем не уместная в тот жаркий день. – Вы не смотрите так, я с работы, мне удобнее просто через пляж возвращаться.

– Так вы местный? А у меня ухо болит. Вот и вся причина.

– Чего же бродите тогда, а не в больнице?

– Группа надоела окончательно. А болезнь несерьезная, но надоедливая.

– Приглашаю тогда вас в гости.

– Станный вы молодой человек, может, даже прямо в таком виде и пойти?

– Почему же – можете переодеться. Вам далеко? Из какого вы города?

– Хорошо. Пойдемте. Я из Екатеринбурга.

– Знакомые места – мой дед по маминой линии там полжизни прожил, пока второй не женился – на моей бабке.

Инна прикинула: если ее даже начнут – ну, допустим – убивать и насиловать, то это, ха-ха, по крайней мере, будет интереснее банального матрасничества. Они сходили за ее платьем и босоножками. Кирилл жил в 300 метрах от моря. О таких домах обычно пишут: белёное. Или – аскетичное.

– Это как раз от бабушки осталось. Хотите есть? Предполагаю, чем вас там кормят. А у меня все свежее, с утра купил на рынке, – и он достал из старенького холодильника варе-

ную картошку, копченую рыбу, несколько помидоров, огурцов, нарвал руками салат. – Особых даров нет, за это извините.

Пока они ели, Инна спросила, кем он работает. И почему живет один.

– Ведь один?

Кирилл трудился в банке, раньше он, как и многие его коллеги, друзья, одноклассники, снимал квартиру в одной из брежневок, что стоят примерно в четырех километрах от пляжа – туристы в те края не заходят. А теперь, после смерти бабушки, переехал сюда. В гости к нему первое время заходили довольно часто, а потом наступила зима, приемы закончились, пришлось методично заткнуть все щели в доме и рубить дрова. Так что в последнее время он одиночествовал. Ходил загорать, общался с случайными. Научился вести себя так, чтобы они уже в момент знакомства переставил его бояться.

– Хорошая жизнь, – сказала Инна, – лучше моей. Гораздо. А вы можете со мной погулять по городу. А то я его совсем не видела, а ведь вторую неделю уже отдыхаю.

Кирилл согласился не сразу. Они долго ходил по улицам, полностью укрытыми под сенью деревьев, так что солнце вообще не слепило в глаза. Когда дошли до какого-то храма, молодой человек сказал:

– Это мясоедская церковь.

– Вы шутите?

- Конечно, нет. Это действительно храм любителей вкусно покушать. Так сказать, трапезная. Предлагаю зайти.
- Мы же вроде бы уже откушали?
- Значит, кофе попьем.
- А зачем?
- А затем, чтобы нас с вами увидели, а вы не подумали, что я какой-нибудь маньяк.
- Глупости, мне уже почти 17. Нет у меня таких мыслей. Я просто пытаюсь произвести на вас впечатление этими милыми глупостями.
- Со мной можно и по-взрослому, – витая где-то между иронией и напряженностью, сказала тогда Инна.
- Я и не сомневался. Зайдем?
- Обязательно. Теперь уж – обязательно.

Когда мама заметила, шла уже пятая неделя. Когда заметила Инна – вторая. Простая арифметика – и мы имеем около 20 дней страха в итоге. С одной стороны, она уже сдала экзамены и могла проходить весь семестр на лекции. Но что это такое вообще – беременная первокурсница? Пожалуй, даже хуже, чем десятиклассница. То есть – выбор уже сделан, Рубикон перейден, в наличии – ответственность и выдержка, о которой не надо забывать хотя бы лет пять. А далее – пожалуйста, сама не заметишь, как станешь другой.

В итоге ей пришлось перевестись на вечернее. Мама не решалась на нее кричать – ну, как можно кричать на родную

беременную дочь. Мало ли что – вдруг она перенервничает. Отца она также взяла на себя – долго говорила с ним на кухне, после чего папа вышел с серым лицом, подошел к ней, обнял и сказал:

– Да... М-да... Как-нибудь, как-нибудь...

С тех пор он с ней мало разговаривал и даже сейчас редко трубку брал у матери, когда Инна звонила домой. А случилось это каждый день, потому что за Олеженькой хотелось следить. И Инна знала, что сюда она приехала не только работу искать, но и мужа – а ее Олеженька потом кого хочешь очарует.

Впрочем, и до этого у нее были мужчины. Несколько. Некий Дмитрий, который работал высотником – дома у него лежала в углу «снаряга», грязная от снега, пыли, дождя. Но он ежедневно принимал ванну и постоянно стирал белье в машине. Инна так и запомнила то время по бесконечному гулу барабана. Еще она встречалась – ну, как встречалась, скорее, трахалась, когда очень-очень хотелось быстро и без обязательств – с Антоном Викторовичем, владельцем компьютерной конторы. Он носил длинную бороду, любил произвести впечатление и пытался взять ее с собой в поход. Инна в итоге попросту сломалась – не выдержала такого режима. Хотя всерьез на что-то надеялась.

Вспоминаются еще какие-то. Сослуживцы, студенты с вечернего, где старательно пыталась сдавать сессии на «отлично».... Эти сразу покупали вина и шли напролом. Инна смот-

рела на них, как на неоперившихся подростков, поглаживала свои крылья, отстегивала самый минимум – чтобы казаться стервой – и отчаливала домой.

Рос Олег мальчиком воспитанным, весной ему исполнилось 10 лет, а маму он называл «командировочной». Инна тогда еще решила, когда уезжала – на год и не больше. Иначе – здравствуйте, суровые будни. Не надо думать, что надо была только карьеристкой, как ее называл Руслан. Инна, кстати, заезжала к его матери, но та ничем не могла ей помочь. Напоила чаем, похвалилась сыном, побеспокоилась о дочке, а в дела племянницы пробираться не стала, потому что выросла женщиной прямолинейной, но не без тактичности.

Олеженька между тем ходил в детский сад. Через несколько лет он начнет удивляться тому, что существуют и другие виды семей – с более четкой структурой, парной системой. Однако и в тех семьях порой нет счастья, скажет ему мама.

Впрочем, для Инны питерский срок подходил к концу. И эти месяцы не прошли для нее даром – она бы смогла теперь раскрутить себя и в более размеренных региональных условиях. Здесь главное было – не растрогиваться напоследок, чтобы не приехать в окончательном ауте.

Жаль, конечно, что перед поездкой сюда она поссорилась с Дашей. Ее подруге следовало бы самой понянчить ребенка, а потом уже выставлять условия, по которым Инне следует жить. Теоретики-миротворцы, чтоб их... А когда ты почти месяц лежишь в роддоме, потому что, кажется, не все в по-

рядке с тобой, а роды откладывают ежедневно, а ты уже согласно на кесарево, хотя в этой больнице ничего нельзя гарантировать. Она тогда думала – лишь бы он жил, а что будет с ней... Мама постоянно крутилась в магазине, отец взял две дополнительные работы, так что к ней ходила бабушка. Инна не совсем понимала, почему она смотрит на нее и по-доброму, и с укором. Уж сейчас-то могла бы и иначе!

...Через два часа после родов и неделю она переехала в бабкину квартиру, где получила отдельную комнату. К ней тогда часто заявлялась Даша – совсем не такая тихая и логичная, как сейчас. Она что-то щебетала про универ, про вечеринки и неизвестных Инне парней. А Инна могла только рассказать о симпатичных врачах да чужих мужьях, которые встречались ей в коридорах консультаций. И еще о таксистах, которые постоянно флиртовали с ней, пока она везла Олежку на проверки.

Тем не менее, она совсем не подурнела и сноровки не теряла. Что в мужчине меняется с возрастом? Только уровень самоуверенности.

Даша первые два курса университета проходила в статусе адвентистки. Да, она почитала субботу, ожидала второго Христа, мало что ела, общалась с приятельницами короткими фразами, в итоге вообще переехала из дома в общагу, главным достоинством которой считались камеры на лестничных клетках и бывшие военные на вахте. Этажом ниже

жил парень, который спал с ней. В одной комнате. На соседней койке. Целых три недели. И носил ей еду, которую она есть не могла. А она ходила в одной рубашке по колено. Он подарил ей подшивки британского музыкального журнала NME и таскал апельсины. Она не хотела их есть. Потом мальчик снял квартиру и пропал. И Даша вновь стала ходить в церковь.

Ее духовный пастор любил петь песню под названием «Arnold Layne». В основном из-за строчки про то, чтобы этот вредный юноша больше не творил сумасбродств. И вообще вел верный образ жизни. Дашу он тоже пытался научить петь, как он сам – рассказывал, что нужно представить столб, один конец упирается в переносицу, другой – в живот. И вот наполняешь как бы живот воздухом (трудно поверить, что именно его – скорее всего, речь все же шла о легких) и поешь в переносицу. Ла-ла-лаааа. Даша вместо этого пела, словно мышь. Или кошка. Совсем не благонадежно. Но тоже красиво. Поэтому ее из хора выгнали. Но попросили приглядывать иногда за детьми, пока их родители беседовали с наставником. Даша разучивала с детками отобранные цензорами от церкви детские песенки и пела их, прихлопывая и отбивая такт левой ногой. На гитаре она так и не научилась одновременно играть и петь. Да и знала всего четыре аккорда.

Зато Марина, уже тогда с ней дружившая настолько, что могла считаться ее приятельницей (кто знает, кто кого кем

считает?), считала, что знает толк в музицировании. Она брэнчала на пианино с десятков песен. И Даша ее однажды привела ее в детскую комнату. Вообще, они немного общались, совсем немного в то время. Даша не очень любила детей – скорее, возилась с ними, когда ее об этом просили. Но чтобы проявить инициативу – ну, как, зачем, я не умею. Поэтому она предпочитала иногда прогуливаться с Инной по улицам. Так однажды подруги и пришли к детям.

Мать тогда уже трехлетнего сына (детский сад, романтические переживания, ненависть к воспитательнице) сразу же растерялась, войдя в помещение, полное шумных ребятишек, которые носились меж своих столов и стульчиков, а также более смирных товарищей, увлеченно катавших свои машинки и обнимающих кукол, сидя на изрядно стоптанном ковре. Стараясь никого не задеть, она медленно прошла к инструменту, открыла крышку и взяла аккорд. Шума не убавилось. Марина начала играть что-то пространное и занималась этим минуты две, когда к ней подошла девочка лет пяти в розовых колготках и синем платье и сказала:

– Тетя, а вы вместо тети Даши будете?

– Нет, это она меня пригласила, – путано ответила Инна.

– А что вы будете делать?

– Буду петь песни.

– И про любовь?

– Зачем?

– Я смотрю телевизор, когда мама разрешает. И там всегда

поют про любовь. А тетя Даша поет детские песни. А я ведь уже не ребенок!

– Глупости какие, конечно же, ты ребенок.

– Ах вот так! – тогда девочка что есть силы стукнула по клавишам. А потом возникла тишина, а Марина зачем-то начала напевать «Союз Нерушимых Республик Свободных». Да так и пропела. Слова все знала.

– Девушка, не пугайте детей, пожалуйста, – на пороге возник мужчина. Зеленоглазый и в рясе. Инна сразу определила – важная шишка.

– Честно говоря, я и сама не знаю, как это вышло, – улыбаясь, ответила она. – Наваждение какое-то.

– О, да, вижу-вижу. Пришли к нам в церковь?

– Меня подруга привела, я и не знала, куда мы направляемся. Даша вот ушла куда-то, я ее жду.

– Не желаете поговорить?

– Я не уверена, что пойму вас правильно, – она старалась быть вежливой. – Но я даже не уверена, что это именно адвентистская церковь, так что... У меня, знаете ли, своя вера. Свой сын. Вот в него я верю. Он уж точно появился не случайно.

– Как странно вы говорите.

– Да, вы не первый... Я просто потерплю еще немного, когда он сможет сам совершать любые поступки и сделаю кое-что для себя и для него, – Инна вдруг поняла, что она настолько давно не ходила ни в один из божьих домов. Ни

одна конфессия ее не интересовала, она даже ради праздного любопытства ничего не посещала. А сейчас ей вдруг захотелось высказаться. И кому? Какому-то сектанту, который, правда, весьма смирен. И даже миролюбив. Интересно, он ее воспринимает как женщину? Марина пришла с Дашей с работы, как всегда, в длинной юбки и черных колготках, однако одна из пуговиц на рубашке под пиджаком расстегнулась. Инна провела рукой по виску, как будто снимая напряжение, и продолжила:

– Извините, я, видимо, пойду уже. Где Даша, вы не знаете?

– Она молится. А вы жалуетесь?..

– Нет-нет. Нет. Я просто слишком много думаю. До свидания.

Пора бы уже определиться с приоритетами, говорила себя Инна, выходя на улицу, поправляя одежду. Шарф выбился из-под пальто, зимний ветер шуганул прямо по лицу. И Инна протерла глаза, потому что ей на миг показалось, что сейчас у нее на щеках замерзнут редкие слезы.

Музейные работники сдувают пылинки с малюсенького факта, зато про каждого посетителя они точно всегда могут сказать – неуч он. Без выяснения подробностей.

Марина ненавидит эйджизм. Вот бы нам все сплотиться и осуществить по маленькой мечте, чтобы каждому стало хорошо. Но нет, ведь человек должен быть один и единолично бороться с невзгодами.

Первое, что отмечаешь при взгляде на казанскую улицу Чистопольскую – пробки. Глобальные пробки. Движение – только в одну сторону. Так что из маршрутного автобуса лучше выходить заблаговременно, где-нибудь в районе Декабристов и еще минут 20 идти до дома. В гости. На специальное шоу под названием «Хоккейный матч на самом крупном ледовом стадионе в регионе». На дорогах стоят регулировщики и громко матерятся в сторону нерадивых водителей.

Марина узнала о бесплатном зрелище случайно. Сидела дома, пила пустой чай, и тут ее мама закричала с кухни так, словно увидела привидение. С мотором в спине и топором в бестелесных руках. Но оказалось, что это всего лишь закончился только что хоккей и тысячи людей начали расползаться по машинам и улицам. Сотни машин осветили фарами берег Казанки. Свечение продолжалось не менее десяти минут. Добавьте сюда еще и аудио-шоу, включающее в себя яростные крики водителей. Смотреть на это из окна маршрутки, наверняка, не самое приятное зрелище. Хоккейные игроки, возможно, чувствуют себя гораздо увереннее на ледовой площадке, чем несколько неорганизованных пассажирских команд, спрессованных в салоне, и ожидающих, когда катавасия закончится.

Но у нас тут седьмой этаж и полный комфорт. Можно выйти на балкон, достать кальян, включить музыку и наслаждаться реалити-шоу. С участие почти 12 тысячи человек – при условии аншлага.

Раньше – судя по разговорам аборигенов – на Чистопольской вообще ничего не происходило. Своеобразный эрцаз далекого спального района Азино на выезде из города. Но напротив Кремля.

Потом появились многоэтажки и толпы гопников. Далее наступила эпоха долевого строительства и масштабных проектов. Сейчас здесь строят аквапарк, пытаются доделать мост Миллениум, а знакомый бас-гитарист делает состояние на том, что продает квартиры в элитных домах, которые достались его матери в результате хитроумной аферы. Перед тысячелетием города говорилось, что на правом берегу Казанки будет создано «новое лицо Казани». Намыв мелково- лья, появление еще одной транспортной магистрали под названием Новая Заречная. Вплоть до «Новой Венеции».

При этом на Чистопольской сохраняется ощущение пустынности. Благо, жители домов, чьи дети торгуют здесь травой и чем покрепче, никуда не исчезли. Но во дворах шагу негде ступить от новеньких машин. Богатые и бедные живут в одном месте. Только их дислокация меняется качественно не полностью, но частями. Происходит шунтирование – новое сердце, но старые легкие. Старые подъезды, новый хоккейный дом. Мрачные работяги – и болельщики за рулем.

Новая история творится именно в Азино. И на Чистопольской. Когда на окраине Казани начинали строить новые кварталы, туда ходили рейсовые автобусы до восьми вечера. Люди, которые ездили на день рождения или просто в гости

к друзьям на Вагапова, могли гарантированно застрять там до утра. Поездка оборачивалась настоящим приключением, путешествием. Теперь из Азино можно неделями не уезжать ни за продуктами, ни за бытовой техникой – все магазины расположены рядом, включая гипермаркеты.

Центральный же спальный район у Казанки выигрывает по количеству развлекательных и торговых центров. Но все равно – чем-то это напоминает Салехард, когда денег много, а город все равно остается далекой сибирской глушью. Хотя уже не приходится ходить по раздолбанным улицам и опасаться кранов, которые, как известно, в России почему-то падают. Из шлакоблоков не сотворишь новую историю. В голову вообще не приходят примеры, чтобы в новых районах появлялись места, по которым можно было бы водить туристов. С другой стороны, мы с вами слишком мелки, чтобы оценивать историю. Возможно, она будет исключительно про нас с вами, интересная только нам – до той поры, пока не придут новые инвесторы и не перекроют еще какой-нибудь кусок города. Почти не поддающийся перестройке, но более насыщенный флюидами прошлого.

...А начинается суeta вокруг хоккея еще за два часа до главного спортивного события. Публика собирается заранее, потому что ей надо найти в окрестностях бесплатную парковку. Платная находится у самого дворца, но пользоваться ей граждане не спешат. Так что десятки роскошных драндулетов наползают на газон, стоят впритык, дверь к двери, на-

пирая на недавно посаженные деревья. Пока сии факты записываются в подкорку, бывший одноклассник, пошедший торговать на рынок обувью, пишет в аське, что, что одного его нового друга настолько разозлило происходящее, что он спустил шины у четырех машин в знак протеста. Теперь считает, что акцию следует продолжить. До тотального искоренения.

Тем временем единственный магазинчик «Ашамлыклар» напротив крытого, кстати, стадиона, подвергается нашествие жаждающих алкоголя. Лавка опустошается, а жидкость принимается внутрь прямо возле пункта продаж. Или поблизости.

Остается полчаса до игры. Стоит несусветный автомобильный шум. Но вскоре улица затихает. Абсолютно. Тотально. В перерыве между периодами ветер доносит до нас дым толпы курильщиков. Кто-то успевает вновь перебежать через дорогу в магазин – допить то, что осталось после предыдущего набега.

После очередной кладбищенский тишины, когда память современного человека уже забывает, над чем его хозяин потешался совсем недавно, наступает период разъезда по домам. Это то время, когда всем нужно уехать – одновременно. Однако, в итоге, машины стоят, сигналы не прекращаются, почти никто не двигается. А довольные люди вновь идут в продуктовые. Трубят в трубы и орут. Словом, явно не положительно. Полчаса кошмара – и опять тишина. До следую-

щих встреч у хоккейной коробки. У вас есть время подумать над магией места вашего проживания.

Впрочем, пока что есть и у нас свои тихие радости – пройти мимо дворца к берегу, посидеть на песке, поговорить по душам. И сделать вид, что наше прибежище – ну, совсем не город-миллионник. А тихий губернский городок.

В тихом губернском городке Марина хотела немного – прославиться на всю школу. А потому она носила самую короткую юбку во всех 11-х классах. А 10-е о таком даже думать не могли. У Марины имелось два стратегических платья. Один – черный, виниловый, расширяющийся к низу. В нем она ходила почти всю неделю. И лишь в пятницу надевала клетчатую юбку, которая, когда она садилась за партой, норовила соскользнуть с попы. Учительница физики в этот момент негромко делала ей замечания – не всегда, всего несколько раз, но Марина запомнила это так, как будто преподававшая ей эту словесную оплеуху ежедневно. Иногда Корнеев из соседнего ряда замечала: «Маринка, жопу заправь!». Она хихикала и приводила себя в порядок.

На единственном классном вечере с ней перетанцевало восемь парней. Остальные девчонки плелись в конце турнирной таблицы. Только Галке удалось вызвать на честный бой полов двоих. Но перед видом Марины, восседающей на стуле и сверкающей коленками, мало кто мог устоять.

Окончилось пати тем, что двое ребят, Костя и Виталий,

два закадычных друга, пошли во двор бить друг другу морду, потому что Костик позволил себе во время танца провести рукой по Маринкиной спине. Они без слов исчезли из класса. И лишь через 10 минут кто-то заметил меланхолично: «О, кажись, махач». Все прильнули к окнам, а пацаны побежали засвидетельствовать свое почтение. Руководитель учебной банды, молодая учительница литературы, в тот момент тусила где-то в районе директорской. Когда она появилась, увидела, подняла хай и утихомирила буйных, было уже слишком поздно. Костя заполучил разбитый нос, а Виталий – губу и синяк под левым глазом. Долгий разговор с завучем на следующий день – и вот уже Марину ведут в кабинет.

– Федоренко, садись, – и через секунду. – Ну вот видишь! Разве так годится? Ну, что за вид?!

– А что за вид? – Марина посмотрела в строгие очи завуча, которая, кажется, начинала лысеть.

– Хорошо, мы закрывали глаза на ваши вольности в одежде. Разрешили ходить не в единой форме, хотя это сильно помогло бы школе.

– Материально?

– Дисциплинарно. Так вот. Перемены начнем с тебя. Чтобы я эту юбку больше не видела.

– Мне ее вообще снять?

– Ох, шутишь... Другую надень, гораздо длиннее.

И что же – Марина Федоренко заявила в школу в черной юбке до самых пят. Вместо блузки она взяла папину синюю

хлопчатобумажную рубашку. А льняной платок с розочками сняла только в помещении.

Так она проходила последние три месяца занятий. Перед экзаменами завуч вновь подошла к ней и сказала, что если маскарад она свой не прекратит, то 10 лет работы над аттестатом пойдут насмарку. Более того, она позвонила Марининой маме, обсудила с ней гардероб дочери. И та сдавала алгебру в брючной паре.

С тех пор, наверное, Марина возненавидела вообще всякую одежду. Но поняла, как можно вести закулисную борьбу и превращать свой страх в козырь.

«Давайте снимем фильм при помощи сотового телефона и медленной программы «Movie Maker», которая, кажется, позволяет только склеивать отдельные кусочки и больше ничего. Я пробовал. У меня больше ничего не получилось. Хотя ведь и фотограф, и подход к технике имею. У меня почему-то такое чувство, что все мои друзья наконец-то устаканились, забыли про все напряжения. И только я рефлексую, как лампочка в зеркале. То бишь – у меня дикая ревность к окружающей действительности...», – Руслан берет стакан воды, выпивает его, закрывает дверь кухни и рассказывает еще обрывки о детстве.

В третьем классе у него появился дружбан, с которым они менялись ерундой на не-ерунду (Руслану не везло), делали дыры в собственных куртках на спор при помощи зажигалок,

жевали гудрон, лазали по строящему подземному переходу, а по вечерам играли в настольную игру, вроде монополии.

Правила были такие же, как и в любой финансовой догонялке. Покупаешь клетки-фирмы. Попадаешь на чужие – платишь деньги. Однако помимо кругового движения, имелся еще и скользкий путь – с дешевыми затратами, высокими прибылями, полицией на хвосте. Но, все-таки, главное, своим путем.

Они почти четыре месяца играли в нее.

...И вот теперь прошло почти 20 лет, друзья уже иные. Или их вовсе нет. Руслан прогулил недавно список одноклассников. Директор завода. Страховой агент. Преподаватель. Жена муллы. Фармацевт. Кардиолог. Работник УВД. А его товарищ по застольным играм – тренер по таэквондо, превратившийся в системного администратора. Руслан думал – а вот кабы он родился чуть позже. И мог наблюдать за их жизнями, как следят машины друг за другом на многополосной дороге. Далее авария, первое авто выносит на обочину, а ты лишь свидетель. Может, и не так уж и плохо быть не вершителем и виновным, а лишь подглядывающим?

Если кого-то долго не видеть, остается в памяти образ человека в момент вашего последнего знакомства. И часто общаешься ты с этим человеком, но уже в своей голове. А потом он возникает в почте, присылает фото – ты смотришь и понимаешь, что твой друг – он совсем другой. У него совсем иной стержень, не тот, который у тебя. И вообще непонятно,

как вы общались раньше.

Тринадцатая, несчастливая

Мне говорят: Достоевский – это фигня, ведь он в карты играл, кутил, предавался буйствам плоти. Как будто писательство – не песня бурлака, волокущего корабль, полный тяжелых дум, к берегу относительного счастья. Можно подумать, это невероятно легко, чертов стресс, когда в голове слишком много дерьма, которые надо вылить, а все остальное – выставить на бумагу. Они ничтожны, эти бриллианты, представьте, каким острым скальпелем приходится медленно ворочать в черепе.

Два молодых человека пьют на лестнице портвейн. Открывается дверь, выходит девушка одного из них, говорит: «Обманывать нехорошо». И уходит. Пьем дальше. Вопрос: если это – Руслан и Тема, то чья девушка выходила?

Лично мне кажется, что это все же Дарья. Все же это... это они с Русланом второй день

живут на чердаке. Потому что они знают гораздо больше о том, что здесь, черт побери, происходит, чем я. И сейчас они поведают и мне, и тебе, как их угораздило забраться еще на один этаж выше.

Но сначала Руслан расскажет Даше о том, как три года назад он захотел вступить в очередную молодежную партию,

только потому что в ней тусовалась симпатичная девушка. Как же ее там зовут? Вспомнил, ужаснулся... Дело было так: он стоял на Манежной площади, внезапно туда начали подходить люди в красивой штатской форме, которых нельзя было причислить ни к инди-кидам, ни к эмо-боям, ни говно-панкам. Ребята начали приставать к тем антиэлементам молодежного псевдо-сообщества, а до Руслан дошло, что это активисты из очередной правительственной комсомолки. И тут он увидел Ксению. В последний раз он одалжил ей 50 рублей на пиво в клубе на Думской. Ксюша подошла, поздоровалась, попросила денег и испарилась. А Руслан и не вспомнил, кто же это был. А теперь вспомнил. И всплыла картина, как еще раньше, месяцев 8 назад, его сосед по лестничной площадке прихватил это девочку в клубе, когда они двигались в сторону чьей-то квартиры. А Руслан лишь общался с ней на тему клубных психотипов (расшифровывай это слово, как пожелаешь). Но что-то думалось ему, казалось. И когда все улеглись на полу, а сосед, выждав минуту, начал Ксению целовать, Руслан решил включиться в игру. Он даже думал, что дело закончится групповухой. Но дело закончилось дракой, потому девушка отстранилась ото всех и пошла на кровать, занятую другими барышнями. И они двинулись с утра пораньше за алкоголем, у ларька наткнулись на гопников, мало что соображающих, но по-прежнему успешно машущих кулаками.

...Она сказала привет, а он чуть ли не рукой помахал. И

начал резво спорить с главным, как хотелось показать этому мальчику, человеку из всей политической шайки. Ксения стояла рядом с ним – в платье на лямках, светлые волосы с заплетенные в косички, только у корней выдается настоящая шатенистость. И он подумал, что политика и существует для того, чтобы брать вот таких девушек силой, прямо у себя в кабинете, после утренних встреч. У них в итоге ничего не срослось, но та встреча казалась одним из лучших явлений его жизни.

– А как бы ты подготовился к записи диско?

– То есть? – Руслан уже не мог спокойно на нее уже смотреть. Видимо, наступила фаза, о которой Даша пока даже не хотела думать.

– Ну, закупил легких наркотиков, снял парочку оргий со своим участием на видео... – усмехнулась она.

– Я, когда фотографирую, медитирую...

– Тогда можешь забыть о диско! Ох, ты не закрыл дверь... Черт...

– Так вы, так вы?... – Инна выдохнула и убежала в свою комнату, хлопнула дверью. Воцарилась тишина. Дарья вздохнула, поцеловала Руслана еще раз и поплелась в комнату. Однако он немедленно схватил ее за руку и потянул обратно, к себе.

– Да уж. Так мы, – фотограф посмотрел в задумчивости на кончики пальцев правой руки, потом отбарабанил пальцами

по столу торжественный гимн и взял в руки чайник. – Ты расстроилась? Можно сделать что-либо? Сильно расстроилась? Ну, давай попьём чаю! – неожиданно отчаянно закончил он. – Сделаем что-нибудь обыденное!

Четырнадцатая, в которой – почти трагедия

Если говорить о левитации, полёте без дополнительных приспособлений, то, человек, в принципе, летать может. Многозначность этого слова позволяет так утверждать.

Зафиксированы в истории и случаи безуспешных попыток полететь. Мастерит «смерд Никитка, боярского сына Лупатова холоп» крылья и парит по Александровской слободе, навлекая гнев Ивана Грозного. Ветер задает ему направление, плотность воздуха держит... Но разве парить – это летать? Сорокалетний немецкий инженер Отто Лилиенталь бежал по Берлину, размахивая своими летательными конструкциями, а потом решил уподобиться орлам. По чертежам машин Леонардо теперь даже игры делают!

Но если обратиться к той части, где говориться – «как птицы», – то тут человеку не позволит его «конструкция». Подпрыгни и попробуй спланировать – плотность обычной атмосферы не обеспечивает необходимой для полёта подъёмной силы.

Заметим, что поза, которую выбирают парашютисты в свободном падении – ноги вместе, руки по швам, головой к земле вытянувшись в струнку – это то же, что и пикирующая

во время охоты хищная птица. А так – не позволяет закон притяжения человеку подняться в воздух. У птиц и масса меньше, строение костей особое, пористое, и мышцы сильнее развиты (относительно их размеров).

Как остроумно заметил один из моих знакомых, выпускник авиационного института: «Человек – ядро, казнь катапультированием, тройной прыжок в длину, падение с качелей, парашютный спорт, банальное самоубийство. Но мне больше всего импонирует плавание, как разновидность полёта. Ведь плавание – это фактически полёт в жидкой среде».

Собираясь с утра на работу и поглядывая на сонную Дашу, Инна заявила, что тоже хочет развеяться.

– Куда-нибудь пойти? Или хочешь осчастливить рюмочную или кондитерскую? – спросила хмуро девушка, игнорируя намеки каких-то там секретарш.

– Второе. Или третье. Ведь некуда пойти в этом городе, – проныла Инна.

– Чтооо? – Даша схватила журнал. – Вот, мужик поет про ягуаров, уже даже неудобно спрашивать о вирусном маркетинге – ну, раскрутился человек благодаря забавной песне, так ведь у него еще есть целый воз преотличнейших ироничных хитов. Не хочешь? А еще он требует требует 88-клавишный рояль, который меняет иногда на аккордеон.

– Наверное, фашист, не хочу.

– Тогда вот: лайнап фестиваля составляют... гм... ...

Основных событий здесь два – прогрессив-хаус-сет от... и выступление диджея и продюсера, известного тем, что он успешно ремиксовал Бритни Спирз, Пола Окенфольда и Брайна Ино. И даже номинировался на «Grammy»

– Наверное, скоро выйдет в тираж, не стоит.

– Советский балет эпохи экспериментов, революционного пафоса, благополучно скончавшегося в поединке с индустриализацией. Монументальные декорации, пышность. В конце исполняется «Марсельеза».

– Бабки придут из КПРФ, к чему?

– В снимках различных авторов – ее жизнь. Причем фотографии тоже не мелкие – можно увидеть работы Картье-Брессона и Хельмута Ньютона. Впрочем, прочесть все сто фамилий – дело нелегкое, как и привыкнуть к тому, что в течение, скажем, почти двух часов на вас смотрит одна и та же дама.

– О, Даша, наконец-то про тебя сделали экспозицию!

– Сочетание рейва и панка дает отличный результат – зрители пляшут, а музыканты прыгают за пультом в масках Венома (это противник Человека-паука) и майках с надписями «Fucked From Above 1985».

– Ничего не поняла. Это для моей дочери. Ах да, у меня же нет дочери. Значит, вся надежда на тебя.

– Бостонские ребята – это сошедший с ума паровоз: либо спрыгивай, либо ищи машиниста, который просто решил пойти чаю попить или с радостью ожидай, когда кончатся рельсы. Словом, кайф.

– Да, мужика бы сейчас, а, Даша, где твой ухажер?

– «Pink Floyd» 90-х или удачный розыгрыш прошлого десятилетия. Нельзя сказать, что подобное скоморошество имело сногсшибательный успех. Попрыгайте в свое удовольствие. Умно покивайте головой.

– Не хочу в библиотеку.

– Приобретать билет необходимо для детей старше 12 лет. Дети младшего возраста будут пропускаться бесплатно, но только в сопровождении взрослых. Для прохода обязательно предъявить паспорт родителя и свидетельство о рождении ребенка. Цирковой проект, в котором животные – это настоящие актеры. Верблюды и кенгуру, леопарды и питоны, лошади и собаки. Зебры играют в футбол, страусы катают зрителей. Кенгуру боксирует с человеком. Не обойдется и без каскадеров, и гимнастов, а также отличного светового шоу.

– На следующей неделе... Ты хочешь у меня вызвать чувство вины? Знаешь, вот поплавать с дельфинами – дорогое удовольствие. И с точки зрения взрослого – слегка затянутое, но занятно. С точки зрения ребенка – захватывающе интересное. Так вот – я взрослая. А ты дельфин. Но нет у тебя понятия об ответственности.

– Ох, ну... собрание старинных вещей, с точки зрения героя Гоголя чрезмерно красиво выставленных: по отдельности, снятых в анфас. К сожалению, многое из этого уже не приведешь в чувство. Однако такое прошлое не умирает, а мирно и бесконечно доживает. Тем и ценно.

– А, нет, Даша, ты – Чацкий. В юбке. Начиненный хлесткими фразами, до которых никому нет дела, настоящая европейка. Я прямо таки вижу тебя греющийся у реальной русской избы. И ты думаешь, что я строю пойду добровольно по балам, которые ты презрительно перечислись. Весьма неоднозначная работа, деточка. Которая, ха, понравится отнюдь не всем. Ладно, давай поедим пирожных вечером.

...Вячеслав Олегович – хотя какая разница как его звали? – пытался смотреть на Инну со всей спокойностью, на которую был способен: ведь она ему все-таки нравилась и как женщина, и как сотрудник. И только громадными усилиями воли он позволял постоянно уводить разговоры с ней в иные плоскости. И Не вести себя, как 20 лет назад, тогда на третьем курсе, когда пришлось в первый раз жениться. Впрочем, потом пришлось и начать зарабатывать деньги.

Прошло полторы минут с того момента, как она зашла в кабинет. Девушка думала задать вопрос – зачем он ее вызвал с самого утра, но при этом не ничего не потребовал по телефону. Однако простые словосочетания ей давались сегодня плохо. Она просто стояла у кресла, на котором обычно восседали важные корпоративные клиенты, и не решалась приступить ни к нему, ни на подлокотник, ни просто – подойти поближе к столу.

Она злилась. День с утра не задался – еще в восемь она ожидала на Садовой целых 20 минут своей очереди в кассу

метро, а до этого еще и пришлось топтать не на самую ближайшую станцию. Кажется, что все они закрыты, а население Петербурга выросло в два раза! Или, видимо, опять какая-нибудь недовыпускница ПТУ прыгнула – или ее скинули – на рельсы. Скопилось столько народу, что ей удалось втиснуться в итоге только в третий по счету поезд. Потому, придя на работу, она первым делом побежала в туалет поправлять платье – сегодня могло произойти что-то важное. Чувство ее не подвело.

– Инночка, – наконец произнес Вячеслав Олегович. – Тут сложилась такая ситуация... Кое-что не сходится в нашем скромном бюджете на представительские расходы. Ну, и вы в курсе, что в стране происходит. Приходится сокращать кое-какие пункты.... Мне предоставят японского переводчика. И поеду я один на этот раз. Ну, а вам я предлагаю пойти в отпуск. Съездите в Испанию, к примеру.

Сказав это, он подумал, что излишне быстро продвинулся от начала к концу. Получилось так, как будто он ее увольняет. Но не таким же образом! Был бы он недоволен – выкинул бы без выходного пособия, без трогательных речей и неловкости. Но директор смутился. Он причислял себя к интеллигенции, хотя в процессе работы приходилось вести себя, как нормальный гопник из спального района.

Куда-куда.... Она подумала, может, не стоит ехать? Что на Испании у нее точно не хватит денег. Ведь что такое турпоездка? Надо прийти в фирму, а, то есть сначала собрать

документы. Прийти в турфирму, заказать. Потом трястись с багажом в автобусе в аэропорт, пройти контроль, нервничать одной в самолете. Сидеть в гостинице, искать приключений. Заниматься собственным отдыхом. А ей не особенно нравилось отдыхать, трудясь ради ре-лак-сации. Она-то надеялась, что ближайшие полтора года будет изучать что-то новое, получать знания в области, к примеру, маркетинга или чего-то там еще... памапарамм. Стоп.

– Но вы же обещали... – наконец она села в кресло. Начала поправлять волосы. Ей давало это возможность не плакать. А навзрыд – очень хотелось. – Хорошо, я все понимаю. Но в отпуск не пойду. Дайте что-нибудь мне другое. Пожалуйста. Кто-то же должен следить за документами. И кто вас будет заменять?

– Вам нужно подумать, я вижу. Давайте позже, хорошо? – начальник нарочито быстро взглянул на лежавшие перед ним бумаги и щелкнул по клавиатуре ноутбука.

И весь оставшийся день она просидела в своей комнатухе перед компьютером, читала популярные интернет-дневники и раскладывала пасьянс на каком-то японском сайте. Собственно, на работе такими вещами она никогда раньше не занималась – и времени не было, и совесть не позволяла, и желание отсутствовало, и презрение к планктону наличествовало. Но заниматься прямыми своими обязанностями ей не хотелось, устраивать истерики – тоже: ведь потребуются сочувствие, а от кого его здесь ждать?

В итоге она зашла к директору, пожаловалась на сильную головную боль, пришла домой около четырех дня, по дороге купив курицу гриль и литр дрянного – на вид и цену – алкогольного коктейля, перенасыщенного экстрактом клюквы. Села на кухне на табурет, включила телевизор, выпила и съела все приобретенное, и, не выключая ящика, побрела в комнату, где и проспала до самого вечера. Соседи тем временем тихо заполняли квартиру. По-моему, Руслан с Дарьей вернулись первыми – поужинали и пошли на свой чердак, где проводили большую часть вечера. А потом борьба с пылью и крысами приводила их обратно в коммуналку.

Марина и вовсе не приходила, потому что она работала ночью в клубе, а ближе к утру ехала на корпоратив к богатым судостроителям. Обещалась вернуться завтра к обеду. Ну, а Тема поехал на хардкор-фестиваль, информацию о котором организаторы тщательно оберегали, потому что могла приехать кровавая фашня и умереть там от наплыва около десяти сотен крепких панков, а нарушать этот праздник мира, жизни и дружбы не хотелось. Инна проснулась около полуночи. Огляделась вокруг – темно. Даже в окне – нет света. Она так и лежала в своем сером деловом костюме. Долго глядела в потолок.

Она слышала, как Руслан и Даша поднимутся наверх и заснут, сидя в пустой комнате на диване с рекламным проспектом в руках. Она пролистала его раз пять, Потом прошла на кухню, а далее еще и в ванну, заткнула слив пробкой,

выкрутила все краны на полную. Отличная сантехника, даже не верится. Никакого гула, привлекающего внимания. Чин чинном, тишь да гладь.

Вода заполнила кухонную раковину, выплеснулась на пол, наведальась в ванну, где встретилась сама с собой. И поползла в сторону комнат.

Итак, деятельных людей, по сути, дома не оказалось – двое спят на чердаке, двое ушли в ночную смену, а последняя, с именем Инна, бредет вдоль канала Грибоедова, подходит к перилам и плачет. Еще только самое начало настоящего лета, но холодно до жути, ветер разгулялся, дождя, кажется, не будет.

Пошатываясь, зареванная секретарша попала в свою комнату и села на широкий подоконник, выходящий во дворе. Прошло еще немного времени. Вода уже начала переливаться через порог ее комнаты.

«Руслан постоянно разговаривает с матерью во сне, Тема веселится, сидит на одном месте и не парится, Даша надеется, Марина эта балуется, а я добилаь чего-то неверного», – и тут она испугалась, и подумала, что довольно легко утонуть. А воды она боялась – под водой не видно почвы! А вот она почва – на расстоянии всего пяти этажей.

И она их преодолела.

А потом ей казалось, что она бежит вдоль всего канала, выходит к Казанскому собору и направляется в сторону Московского вокзала. Если удастся, можно купить билет на зав-

тра, переночевать в зале ожиданий. И уехать, возможно, через месяц приехать за вещами, а пока что надо отдышаться, прийти в себя, потому что нет ничего лучше, чем сделать шаг назад от пропасти и посмотреть, как твой башмак летит вниз, а главное – ты видишь, куда он упадет.

Руслан проснулся на чердаке, взглянул на часы – час ночи. Он вдруг услышал, как что-то вскрикнуло вниз, ткнул ноги в тапочки и побежал смотреть. Открыв дверь в квартиру, он моментально очистил кухню от нескольких декалитров воды, промочил ноги, выругался и пошлепал в ванну – а со стороны лестничной клетки бешено барабанили. Он закрутил краны, посмотрел в глазок – соседи – и пошел наверх к Дарье.

– Просыпайся, похоже, сейчас начнется самое оно.

– Что такое?

– Я думаю, Инна устроила нам прощальный вечер.

Они спустились.

– Откроем дверь? – спросила Даша.

Открыли. Сосед с нижнего этажа под надзором своей жены врезал Руслана по лицу и повалил его на землю.

– Ох, не успел я увернуться, – Руслан закрыл лицо и крикнул. – Не причем тут я! Это кто-то другой.

– А чего тогда ходишь там, а? – мужчина готовился продолжить серию ударов.

Даша резко заявила:

– Да, хватит уже, это не он! Это соседка наша, идиотка!

– Что она говорит? Соседка? – жена бойца непонимающе посмотрела на Дарью, одновременно оценивая внешний вид и ее слова.

– Она уехала и открыла краны. А мы спали.

– Незачем спать так рано. Поглядите, что у нас там теперь на потолке! Он рухнуть может. Хорошо еще, что вы проснулись. Хотя... может, вы врете, а? Молодежь...

– Может, мы и врем, тогда зачем нам открывать дверь? – пожал плечами Руслан, вставая и ощупывая нос – вроде цел. – Видите, воды еще мало, до розеток она вроде бы еще не добралась, поскольку нас не шибает током.

– Господи! – взвизгнула соседка.

– Так, ребятки, пойдемте-ка к нам, наденете обувь покрепче и посуше, и мы тут уберемся сообща. Да верю я, верю... Хватит, – сосед начал злиться, ему хотелось курить, а еще больше – плюнуть на все и уйти спать. Но слишком много факторов в виде самки его вида с кольцом на пальце мешали ему поступить настолько просто.

– Стойте! – Даша успела за это время пройти в комнату Инны. – Звоните в скорую.

– Случилось что-то? – спросил Руслан.

– Да. Моя подруга убилась.

ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

...Вокруг якобы куча знаменитостей, – которых никто

не знает в лицо. Уж тем более, русский турист, мне неизвестны даже наши звезды балета и опера – ведь я, Валя, туда не хожу. Извини, если раньше приходилось врать. Вместо этого я ходил до маман Кольцовой и к ее девочкам... Знай, что я сейчас изрядно пьян, нахожусь в одном из лучших питейных заведений Кельна. И все это не потому, что я испытываю какую-то несокрушимую тягу к спиртному. Но я хочу досадить тебе. Мне известно, почему всю поездку мне встречался твой возлюбленный – и не смей отрицать это! – и почему настолько раздражающим казалось мне каждый раз его появление.

Так уж и необходим был этот соглядатай? Неужели ты совсем не доверяешь мне? Если бы не это... Знай, что даже он не знает – мне пришлось провести ночь в местной тюрьме. Всего лишь одна буханка ржаного хлеба! Да, мои деньги от тебя так и не дошли. И я оказался на голодной пайке. И этот, шпион, я нашел его, припер к стене, попросил сто рублей до возвращения на родину. Ха, не дал мне ни гроша.

Ужасное немецкое пиво, вывезенная местными дельцами из России водка, французское вино – все, что я выпил понемногу сегодня. Да, мне повезло в картах и даже сейчас кое-что звенит в карманах, этого как раз хватит на поезд до Таллинна, а там уж я встречу своих старых товарищей. Ох, меня прошибло на откровенности и прочее. Извини, сестра.

Между тем, Германия – страна в действительности совсем не педантичная. Поезда приходят с опозданием на пол-

часа, некоторые вовсе не доезжают до места назначения. Половина Кельна – сплошные ярмарки да выставки, вторая половина забита дорогими магазинами. С трудом нашел себе койку с завтраком. Постоянно хочется спать, но не удается – шум, гам, соседи возвращаются под утро, на завтрак гонят чуть ли не из-под палки.

Но зато вчера я купался в Рейне. Лед здесь еще не сошел. Представь себе, стоишь в одном исподнем посреди Волги, ныряешь в воду по самую грудь, более не можешь, ибо все сжимается внутри, а когда вылезает – тебе тепло от холода... Чудесное состояние, которое я непременно повторяю, когда доберусь до Петербурга. Не уверен, что подобное происходит у нас когда-либо, помимо Крещения, так что, видимо, увлеку своих товарищей по перу...

Словом, как я написал, еду на родину. Тебя я прощаю, потому что я отходчив, а эта поездка научила меня быть менее требовательным к людям, даже к близким родственникам.

Потому – обнимаю,
Твой брат Константин.

Пятнадцатая, в больнице

Как говорила одна моя хорошая знакомая: «остается горячими губами по холодному горлышку бутылки пива». Было бы забавно, если бы дверь отворилась, а вошел водолаз с гидрокостюме, шлепая ластами. Вода льется, уже добра-

лись до обшивки дивана. А потом гость говорит: «Это 33-я?». Нет, видно же – я тут живу. И сюрреалистическая персона удаляется, а вместе с ним и несколько десятков литров пресной жидкости. Мокрый ковер, отсыревшее дерево, наверное, можно поговорить, соврать, подольше, если бы позволила вода, немного чужого языка в знакомой стране.

Марина пришла домой злая, пьяная, но обогащенная морально и информационно. Дома никого нет, зато на полу явно читались следы мощной уборки. Руслан звонил ей раз 20, но она обнаружила это только сейчас. А перезвонить не могла, баланс нулевой. Она начала путь в сторону ванной, когда обнаружила на стойке с телефоном с запиской:

«Кто прочтет, не знаю, но, думаю, стоит известить каждого. У Инны серьезные травмы, приезжайте в больницу. Не знаю, где находится, вот телефон. Даша».

– Бляха-муха, – Марина присела на стул. – Нехорошая квартира.

Она скинула бесплатное сообщение Теме, попросила перезвонить.

– Что тебе, – в трубке что-то шумело и ругалось. – Я тут в очереди стою, в поликлинику, легкие болят.

– Повезло. А у Инны сломаны кости, очевидно. В двух местах.

– Как это?

– Не в курсе я! Пришла, записка лежит. Поеду в больницу. Закину деньги на телефон, скажу, какая. Ничего пока не

знаю.

– Хорошо, я у Руслана спрошу...

– Блин, ну, послушай, это ведь не я довела ее? Я же вела себя, как не очень вежливая девочка, правда?

– Ты не спала сегодня?

– Темушка, я ведь все-таки очень дрянная женщина, если могу себя в подобном подозревать... Позвони мне потом, ладно.

Она легла в ванну, включила воду и немедленно задремала – так она устала. Но что-то сказала ей, что нечто аналогичное и алогичное уже приводило сегодня к катастрофе, поэтому она резко поднялась, приняла теплый, а потом и холодный душ. И не одеваясь села на кухне пить кофе. Ей стало довольно зябко, левой рукой она гладила левое предплечье, быстро опустошая чашку и не решаясь подойти к окну. Резко поставив кофе на стол, Марина открыла дверь в курилку, надела чьи-то тапочки, добежала до ключей на чердак и устремилась наверх.

Ну, да, вот оно, окно. Действительно, под этим куском фанеры что-то находится, напоминающее стекло. А прибили его сюда недавно. Наверное, Руслан. Но все равно – это значит, что отсюда можно было следить за ней. Или за кем-то, кто жил до нее. Вуайерист строил этот дом. Скажем, ревновал к жене, а потому иногда не уходил из дому, а уединялся на чердаке... Или они просто забавлялись – жену возбуждало неявно присутствие второй половинки. Или здесь работа-

ла следовательская бригада НКВД – смотрела на подозреваемых и раскалывала их. Зеркало есть, но вот каждому ли думается, что оно – для наблюдения? Или только Марина такая умная, что сейчас подхватит простуду. Она спустилась, накинула халат, а пока шла, решила, что думает она подобным образом неспроста. И в комнате могла бы жить – не случайно. И вообще она себя здесь чувствуют неуютно. Но как дома.

Она позвонила в больницу, узнала адрес и вышла из квартиры, решив разобраться с демонами попозже.

Третье письмо Вали брату

А все-таки, Костя, мы с тобой все еще дети. И когда я стану тетей, а ты дядей, маленькие Константиновичи и Константиновны (и, видимо, кто-то такой же –ич – и –вна) будет заезжать в чужие для себя дома. В раннем возрасте они будут открыто принимать почти каждого, кто подойдет к ним с улыбкой, нежным взглядом. Улыбнутся они, расцветут – и покорят сердца безвозвратно. Чем хорош ребенок – тем, что камня за пазухой не имеет. Те гигантские знания, что ему принадлежат, заперты на ключ, а ключ в Неве. А когда он его найдет – то ничего внутри и не останется чудесного. Так никто и не узнает, чем же еще прекрасен любой малыш, будь хоть светел, черен или рыж, насуплен по большей части или задорен, растут ли у него волосы или уже выпадают к первому году, сколько зу-

бов, какая температура, какие прививки и как стираются его ползунки. А вот мальши вырастет, закроется от мира – и получится странный, но мирный человечек, почти кроха ростом под два метра, а окружающие только знают, что жалеют его. И правильно жалеют – никто не будет защищать такого только потому, что на челе его виднеется печать безумия.

И иной не будет запираяться – а сразу толкнет дверь ногой, расшибет, щепки сожжет, себя обогреет, о победе возвестит. И такому тоже никто не поможет. Потому что тем, кто сразу показал самостоятельность, не к чему посторонние руки.

Куда же двигаться нам, куда двигать – их? Кажется, найди баланс, будь ребенком, тянись к каждому, но будь взрослым и сам помогай другим. А сколько лет-то тогда пройдет, пока наш баланс сойдется с мировым и превратится в идеальный? Сплошные жертвы – вот что такое добродетель. Погубил себя на капельку – ужас герой. Ну, так тогда любой неапонский камикадзе без головы с крохотным жалованием – тоже глава эпоса.

Жду, когда приедешь, наверное, сильно ты изменился. А я, наверное, не смогу так вот меняться. Мне обязательно надо родить ребеночка. Да только нет никого, кого можно взять в мужья (простодушно проявила свой феминизм). Кабы только желание это не проявилось настолько сильно, что все критерии отпали само собой. Я тебе вот ругаю за

прошлые письма, а ты меня все-таки ругай, наверное, потом спасибо схожу. Не надо, видимо, в каждом видеть если не хорошего человека, так неплохого. Ценить надо настоящее внимание, уметь его отличать от ложного...

P.S. Подумала, что будет прекрасно – и одновременно ужасно, – сделать приписку о том, что видела сегодня. А видела я некоего юношу в возрасте от 10 до 12 лет. Он прогуливался в районе Адмиралтейства с престарелой тетушкой. Я шла к ним навстречу на Малую Конюшенную – и обратила внимание, что малыши что-то старательно пинает. То это штука перескочит с тротуара на дорогу, то улетит слишком далеко. Не особо при этом напрягая ножные мускулы, он отшвыривал предмет все дальше. Подходя ближе, я вдруг поняла, что это труп вороны. Тетушка посмотрела на меня взглядом, в котором читалось только лишь спокойствие – ни ужаса, ни страдания, ни понимания вообще. А я, борясь с тошнотой и ускоряя шаг, постепенно начинала вникать в следующую сентенцию: а с чего бы вообще взяли, что люди изначально хороши, честны, добры, искренни. Возможно, они уже в детстве – черствы и гадки в понимании взрослых. Только неразвитость, неумение вести себя в обществе мешает вывести всю злобу уже в первые годы. Возможно, вся жизнь – это вытеснение плохого – хорошим. Внешне может показаться, что ребенок уже отнюдь не ангел (или не аггел), а все более человек. Ну и пусть падает оземь, пусть стоит на ногах, пусть наверху будет у него

дурной мир, а земля служит настоящей опорой для правильной жизни. Ведь именно дети могут обидеть просто так, могут потребовать вещь, которая родителю не по карману. Вытеснить чуждые интересы, оставить только свои.

Или я опять не права. Или все детство – сплошная пустота, на которой можно нарисовать и оценить все что угодно. Не осознавая, не давая оценку – как можно сделать плохо или хорошо?

Нервная Валентина.

Даша подумала, что она, она же знала, что Инны есть ребенок, который живет в том же городе, где раньше обе они жили. А теперь мальчик там – но с бабушкой. Она понимала, плохо понимала, наверное, и сейчас этот факт предстал перед ней во всей четкости и несправедливости.

– И что у тебя с рукой тогда?

– Перелом. В двух местах, – Инна медленно подняла голову и посмотрела исподлобья на Дашу. – А ты одна пришла?

– Нет, еще Руслан. Он внизу стоит. Тема где-то в очереди. Марина бежит.

– Марина?

– А что ты думала – все вокруг такие сволочи? Кстати, кому еще надо сказать?

– Маме, наверное. У тебя ведь был ее телефон? Или не надо, как думаешь? В меня что-то вкололи, кажется...

– Возможно, вкололи, я не в курсе. А маме, ох, ну, надо

бы сказать... Инна... А ты... случайно упала?

– Наполовину. Ну, меньше, чем наполовину. И я напислась... И еще шеф выдал мне. Никакой Японии и вообще, кажется, никакого роста. И еще у меня нет друзей. Ой, Дашка, извини, ты чего?

Даша присела к ней на кровать и сказала:

– Говори тише, все же общая палата. Плачу я. Есть у тебя друзья. Просто друзья – это такая штука теперь. Они как доброкачественные опухоли – обнаруживаются только при рецидивах. А так их и вовсе нет. У нас же такой возраст – все там остались, в другом городе. Мы уже не можем – все, я перестала, да – не можем заводить новых. Приятелей, приятельниц, не больше. Кофе попить, на корпоративке посудачить, переспать по пьянке, но не позвонить поздно ночью, не помочь привезти шкаф с окраины города, чтобы его поднять на пятый этаж. Ну, ты понимаешь. Наверное, надо уже заводить семью, потому что тут-то и остается все светлое. Крепкая дружба, равное сосуществование, никаких подковровых бомбардировок... Хочешь, Марину позову?..

– Ну, зови. Только я, наверное, усну скоро. У меня ведь еще и голова болит после вчерашнего алкоголя.

– Ну, мы тоже не спали.

– Почему?

– Эмм, ну так, суматоха и так далее. Позже расскажу, – и чмокнув Инну в щеку, Даша поспешила вон из палаты. Она не была уверена, что сюда можно ходить по очереди столько

времени.

Марина сидела, ожидая своей очереди. Руслан поднялся наверх, Даша, как он сказал, уже болтала с Инной. Она же пила двойной кофе и читала плакаты на стенах – как распознать гепатит и почему вредно делать пирсинг. Вспомнила, как лежал в третьем классе целый месяц в двухместной палате, каждый день – капельница, ингаляторы размером с шкаф, из нормальной еды – только яйца вкрутую. И по три укола внутривенно.

Перетянут руку, смешают раствор, наберут в шприц на 20 кубиков и воткнут резко в вену. Подумаешь даже спустя столько времени – передергивает. Немного крови внутрь, ватка, потом жди.

Рядом садится парень с забинтованной головой и спрашивает:

– Ты в 21-ю?

– Нет. А что с головой?

– Молотком батя дал. Не сильно. Вообще, там сотрясение мозга... А сейчас просто рана заживает... Ну, не молотком... Шваброй. Но она сломалась. А я тут лежал неделю. Даже семестр закрывать не пришлось.

– Вот дурак, господи, учился бы. Послушай вот меня, я ж тебя постарше буду.

– Ого! – хмыкнул парень и ушел в кабинет. Марина вспомнила, что в младших классах она умудрилась сломать одно-

класснику нос – они делили какую-то игрушку, она размахнулась – и, пожалуйста, результат. Ну, а он потом всем рассказывал, что шел по улице, остановилась крутая тачка и его украсть хотели. А он отбился и пострадал вот немножко.

– О, привет, – появилась Даша – слегка непричесанная и в длинной клетчатой рубашке навыпуск. Выглядела она в ней, как еще один больничный пациент. – Поднимешься? Четвертый этаж, пятая дверь направо.

– Схожу. А что случилось-то еще? Ну, кроме руки – Руслан уже сказал.

– Потоп. Наверное, кран оказался плохо закрыт. Ну, – Даша подумала немного, – или Инка включила. Думаю, она не в себе. Ты поосторожней. Я знаю, ты хорошая. Но вспыльчивая.

– Не бойсь, не в первый раз, – и Марина начала одевать бахилы.

– Хочешь проще – получишь проще. Без деталей. Мне нужны детали, в отличии от тебя, – сказала Марина. – Можно ездить на работу в метро, видеть только людей и поезда, толкаться на входе на эскалатор. Можно в автобус сесть, вцепиться рукой в поручень и медитировать на пейзаж. Он же все равно повторяется. Можно пешком ходить, тогда ноги устают. И начинаешь много думать о себе. Поэтому я сейчас купила себе велосипед. Я по сторонам не смотрю, только на дорогу, кручу педали, в голове – только правила дорожно-

го движения и полет. И теперь я танцую медленные танцы, иногда вообще без ритма, директор злится, публике нравится. Потому что прямая бочка – это просто, это на метро и до конечной. Но никаких чувств, а мне же надо извлекать из всего пользу, пока окончательно не надоест.

А ты, Инна, так и ничего не нашла. Детей любишь, потому что надо, мужика ищешь, потому что одиноко, на работу ходишь, потому что перспективы. А потом все это закончится – сын вырастет, любовник или муж надоест, с офиса погонят. И ты уже ничем это не заменишь, а просто повторишься. Не старое вспомнишь, а забудешь его и сделать вновь точно также, как и раньше. А я пойду на апгрейд. Вообще, – тут Марина сделала паузу, – мы бы могли быть подругами. Честно. Мне же надо иногда смотреть по сторонам, чтобы близко в глаза.

– Я обратно уезжаю, – сказала Инна.

– Ну, я так и знала. А могла бы пережить и снова пойти вглубь – с паролем. Ты же повторяться не будешь теперь. Потому что – сломалось, да? Ну, не кость, а внутри надломилось.

– Сволочь ты, все-таки.

– Наверняка. Люблю, когда злятся. Значит, не знает того, что я знаю. В спину плюют, когда идут вторым номером. Ладно, утешать тебя не буду, но ты молодец. Общаться мы с тобой больше, наверное, не будем. Я тут, пока ехала в больницу, звоночек получила – попросили все комнаты освободи-

дить в течение недели. Может, конечно, кто-то потянет время, я сама, к примеру. Посмотрим. Но – разведемся. Выздоравливай, подруга несостоявшаяся.

– Может, тебе интересно все же? – крикнула Инна, и Марина остановилась. – Я же не просто так приехала. У меня сын растет дома. Ничего толкового из него, быть может, не выйдет. Если бы у меня что-то тут получилось... А ты все ехидничаешь. Я же ради других старалась. И хотела хоть с каким-нибудь веским результатом вернуться.

– Удивляешь, подруга, – спокойно ответила Марина. – Ты думаешь, тебя оправдает твой статус. Но мы тут сами все – еще дети. Потому что решились на авантюры. Потому что дураки. Так что не героиня, а, как и все, обычная дура.

На выходе с этажа она встретила Тему.

– О, привет, душенька, – сказала Марина и душевно чмокнула мальчика в щеку. – Пойдешь наверх? Пообщаться с многолетней мамашей? Или Руслан тебе все сказал – он же в курсе, наверное?

– Привет. Мамашей? Ого. То есть угу.

– Знаешь, тут с квартирой – все. История заканчивается. А раз так, надо кое-что прояснить. Встречаться мы точно не будем. Нет причин. А чтобы тебе стало легче, скажу – те три письма, что ты нашел – это я тебе скопировала. Не было ведь никакого вай-фая. Это все нервы и таблетки, не стоит больше, надо тебе высыпаться и бегать по утрам. Если хочешь, могу твои файлы с барабанами вернуть. Красивая история,

правда?

Тема почти рухнул на скамью. Посмотрел на Марину. Почесал голову.

– М-дааа. Штука. А кто их писал? Ты?

– Нет. Это я однажды где-то нашла старые письма. Чьи-то. По подписи не разберешь. Перепечатала на память. Хотела поделиться. Не обижайся. Это не обман. Просто игра небольшая. Чтобы было интересно. А ты, ты хороший.

– Но недостаточно.

– Ты все прекрасно знал. С самого начала. Давай не будем.

– Не будем. Я пойду, поговорю с больной.

– Может, еще сходим потом куда-нибудь.

– Наверное.

Какие они же они были, все-таки, разные. Один тратил талант, превращая его в ремесло. И казался по-своему правым. Другой все ждал, куда прибьет его течение. Третья строила образ циничной работницы клубного шоу-бизнеса, а мучилась глупыми страхами. Четвертая казалась нелепой простушкой, однако в уме просчитывала все варианты развития события и легко меняла роли. Пятая хотела быть деловой женщиной, но оставалась непутевой матерью.

Они так старались стать ближе друг к другу, а между тем – удалялись. Чем дальше, тем больше они узнавали о себе и случайных соседях. И за это становилось стыдно. Как иногда хотелось каждому вернуться лет на пять назад, когда да-

же самые близкие друзья не лезли в душу, да ты и сам в ней копался без особого рвения. И все темное дремало, будучи не потревоженным. Но потом каждый остался один и пошуровал внутри, а там одни вороны и не одного феникса или жаворонка. Или даже мудрых сов.

Инцидент, предшествовавший прыжку Инны, не мог пройти не замеченным номинальной хозяйкой коммунальной квартиры. Вернув деньги в размере половины суммы (чему изрядно поспособствовала пламенная речь Дарьи, а потом и Марины), от ребят в жесткой форме потребовали, чтобы они в течение трех суток покинули помещение. Руслан тут же продал родимый шкаф через сеть за тысячу рублей, а остальные вещи оставил у Даши, которая перебралась в общагу. Первые дни он скитался по впискам, а потом пошел к матери и выдал свое согласие на продажу квартиры. Для будущей молодой семьи жилье стало самым важным вопросом. Нельзя уверенно сказать, что к тому времени Руслан точно хотел жениться. Даже его невеста об этом не подзревала.

А где, кстати, любовные перипетии, спросит читатель. На-кось выкуси. Мне по химии в аттестате поставили трояк, я разбираюсь только в физиологии. Людей сплотили общие проблемы и прогулки под солнцем. Оба они понимали, что если долго тянуть с первой фазой, то вместо покупки подвенечного платья получишь дележ вещей и запой. Поэтому Руслан пришел к выводу, что с будущими женами надо жить

в отдельной своей квартире, из которой, если уж бог чего на душу положит, легче было бы уходить слабой половине.

А уж там посмотрим, надо ли писать заявление и платить пошлину.

Инна, пролежав в больнице десять дней, оскучнела и сбегала, вытащив свою одежду при помощи новой секретарши босса (само собой, с такой репутацией ее на работу уже брать не собирались, но ее замена, прибыв для того, чтобы сообщить об этом, впала в панику, потом впала в сочувствие и всячески потом старалась девушке помогать). Зайдя к Дарье, которая самостоятельно решила перетащить вещи подруги к себе, она достала из единственного чемодана накопленные деньги и купила один плацкартный билет до Екатеринбурга.

Тема выпросил у неблизких друзей новый диван, выкинул на базе старый и спал на нем, стараясь забыть все чудеса, которые он познал за последние дни.

Марина же демонстративно поругалась с начальством, посчитала бабло, удивилась и дунула в Таиланд – отдыхать, немного, по знакомству, работать, думать.

Долгий эпилог

На той стороне, которую, при желании, можно официально называть Левобережьем и снимать там боевики, и грозить ему кулаком и вербальными ультиматумами, вглядыва-

ясь в некоем подобии тоски – на той стороне, в районе станции «Елизаровская» или «Ломоносовская» росла настоящая трава, а еще стояли некие подобия домиков из ДСП и прочего профнастила. Рядом лежали перевернутые верх брюхом лодки. А рядом с Русланом на бетонных плитах сидели рыбаки в количестве 4-6 штук на сто метров и удили неведомую рыбу, которую потом никто точно не будет есть, потому что, как написано в прошлогоднем экологическом отчете, уровень загрязненности Невы с каждым годом растет. Плесень, гниль, и цвет странный. А из тех металлов, что можно извлечь из почвы на берег, легко выстроить наглядную таблицу Менделеева.

Руслан и безо всяких бумажек знал, что рыба здесь поганая и ловят ее ради интереса, хотя сам в жизни ни одной удочки в руки не брал. Почему только на том берегу – зелень? И там, кажется, даже не ездят машины? А здесь они прямо-таки выдающиеся шумопроизводители, первые в рейтингах.

Однако там – над лодками – висит огромный знак – круг с красной окантовкой. И он гласит, что хождение на плавучих судах здесь запрещено. И это как-то примиряет две стороны. Еще виднеется здание завода под названием «Седьмая верста», который изрядно походил на потрепанный бизнес-центр. Фабрика «Пролетарская». И желтые, и оранжевые дома. Такие есть в каждом городе России, который старше отмены крепостного права, в губернских городах с населе-

нием меньше миллиона обывателей. Неказистые, но достаточно прочные, чтобы не стареть, теряя мебель, декор, окна. Их редко рушат, если он все же сами не ломаются с течением времени, когда вокруг них собираются заборы и общественные организации, а еще редко подходят фотографии из почти центральных печатных изданий.

Вдали отлично просматривался вантовый Большеохтинский мост, а дальше – четыре трубы, чуть ближе еще две, все похожи на немецкие телебашни. Руслан побрел в сторону Володарского, потому что не хотел пока возвращаться назад, да и когда еще увидишь в Неве плавающую утку? Ха, вон утка! Прикольно, да. Пивные банки различные фасонов и брендов. Он пробрел еще 200 метров, чтобы наткнуться на очередную партию рыбаков, подняться по лестнице и пойти обратно по улице Крыленко и так далее, до самого дома.

Почему он так долго ходил? Потому что мама убедила его. А клиенты, которые хотели купить квартиру, опаздывали ровно на час. И он лишние 60 минут потратил на то, чтобы познакомиться, наконец, с местами, в которых так долго прожил. И как будто и не бродил раньше. Как будто – не свои места. Как будто вообще их не существовало – этих замечательных мест. Городские пейзажи разнообразнее диких, необжитых людями – это можно доказать методом сборки. Что такое лес – деревья, травы, словом, коллекция однообразных вещей. А тут каждый дом по-своему загрязнен и не достроен. Асфальт – в рытвинах. А ты идешь в сторону – уже

не твоего дома. И сколько придется изучать заново таких же. А сколько уже потерял? В районе Пискаревки или Просвета – все надо будет учить заново. Или где там сейчас строят, где еще есть пятна для застройки? И жилье так дорого...

Руслан зашел в магазин за пакетом молока, обошел детский сад и увидел рядом с забором разбитую «окушку». Ни одного целого стекла, также осколков не осталось. Уже снято одно переднее колесо. А второе сегодня вечером возьмут. Машина – синего цвета? без номеров. На сиденьях – пакеты и рекламные прокламации. В багаже постелена рогожа, валяются пустые бутылки от минералки и пятилитровые канистры. На панели целы кнопки и стрелки. Обшивка не порвана, но выдернуто с мясом еще одно сиденье.

Подобные машинки он встречал в районе чуть ли не каждый день. Сначала они разбиты, потом обклеены скотчем, а далее – вот это. И никто не кладет бомб, не увозит в УВД, она просто гниет руками человеческими. Точно надо съезжать. Не ему, так маме.

– Нас еще спрашивали, почему мы не любим обзоры новогодних подарков, а также не пишем в блогах об итогах годах. А потому что, как говорили одни подмосковные шутники, переворот в фауне. И теперь мышь – царь зверей. Словом, мы еще не настолько часто ходим к докторам (и то за деньги, когда зубы болят), чтобы подводить черту. И все дальнейшее называть BTL-активностью, – и Тема выпил.

– К слову о модных терминах, – продолжил он, поглядывая на пьяную сельскую компанию. – Опыт показывает, что будущее за теми профессиями, которые менее всего понятны окружающим. Важны, как выясняется, любые мелочи, на которых потом можно сколотить нехилый капитал. И успеть это намолотить в кратчайшие сроки. Ибо сейчас эффект новизны – далеко не индивидуален. Если массы уже просветились, но и нам, единоличниками, здесь делать нечего. Новизна теперь суть девственность. Сам придумал, реализовал, продал и похваляешься.

А еще знаете, удобно прийти на старт первым и пробежать дистанцию до того, как остальные соблаговолят разделить с вами радость состязания. Потому чужие – это соперники, это так, видимость. А тут – ты сам. Прыжок выше головы, взгляд за горизонт, очередь на получение субсидии на жилье для молодых семей.

Однако проблема еще состоит в том, что все кто попытался сделать первое и второе (увы, отнюдь не третье), попадают потом в учебники истории. Спустя некоторое время, в течение которого слывут тотальными идиотами, пожертвовавшими собой ради призрачных идей. Ведь никто из нас, в остальных человека не видит, только в себе – со всеми его радостями, горестями, противоречиями и склонностями к самоанализу. А потому и выходит, что только театральное и старательное соблюдение правил современного социума помогает не чувствовать себе ежедневно человеком, который что-

то делает не так.

Хотя если бы каждый начал изобретать велосипед и выдавать его за мотороллер, лучше бы отнюдь не стало. Особенно в России, где, похоже, только авторитаризм выведет нас к светлому будущему. Если мы к тому времени не забудем, как выглядело вполне еще освещенное прошлое. Возьмут за руку – и приведут. И пойдем, потому что не хочется слышать отщепенцем здесь и сейчас.

А вот когда ты бежишь один с утра, потому что – захотелось, ты не чувствуешь себя победителем, нет. Ведь позади тебя нет побежденных. И ты словно герой хорошего производственного советского романа, в которых, как известно, хорошие состязались с замечательными.

– Слушай, Тмыч, а ты можешь проще? – чуть более агрессивно, чем час назад, начал один из собутыльников. – Хорош базарить уже. Давай тост. Мы и так уже с пацанами ни во что не врубаемся. А водка стынет.

– Знаете, сегодня перед мощным копанием огорода я поднялся на второй этаж дачи, которую наконец-то достроили через 15 лет после постройки, и взял в руки слегка потрепанный синий пиджак с порванными пуговицами и темный пятном на лацкане. И мама сказала, шагая по лестнице: а вот в нем твой папа познакомился со мной. И я его надел. И знаете что? Как будто на меня шили.

– Мощно, братан, надо выпить, – Тема вообще не для этого историю рассказывал, но с деревенскими товарищами

спорить не стал. Он третий день жил у бабушки в Тверской области и сейчас уже понимал, изредка потирая левое плечо, что в селе надо жить в мире с самим собой, а все остальные – всего лишь крупные объекты, которые надо направлять по стрелкам.

Уничтожив компанией первый литр, начали думать, кто пойдет за следующим. Решали недолго – поглядели на Тему, сказали – ты гость, ты и плати. Тема хмыкнул и побрел в сторону одного из окраинных домов, ибо круглосуточных магазинов, в виду их малой популярности, в селе не появилось. Размышляя о будущем и прошлом, он прошел весь населенный пункт, одолел дорогу до федеральной трассы и остановился только тогда, когда услышал визг клаксонов. Мимо пронеслась фура, чей шум не мог загасить мата, доносящего с водительского места внахлест с радио-музыкой.

До Москвы-то ближе, подумал Артем, но там и побить могут, и милиция лютует. Он поглядел по сторонам, и пошел в сторону заправки, где, выпив литр минералки и умывшись холодной воды, сел в большую машину и молчал доехал до СПб.

На самом деле далее в фуре произошел следующий разговор. Проехав около получаса, водитель снизил скорость, повернулся к Теме и спросил:

– Ну? Неужели до сих пор не узнал? – и включил свет в салоне.

Тема взгляделся в изрядно заросшее лицо. Водитель ухмыльнулся и снял очки на пару секунд.

– Никита! Ничего себе...

– Так вот, Тмыч, и встретились.

Минуты полторы пассажир разглядывал штурмана, а потом сказал:

– Слушай, Ник, если ты про тот синтезатор, так я могу...

– Даа, я-то думал, уже все про него забыли, а ты все еще помнишь?

– Нет, я реально могу деньги вернуть.

– А к чему мне они? У меня своих вон достаточно, гоняю между Питером и Москвой, живу один. Ты бы лучше Теодору вернул синтюк. Он, конечно, полностью в свой теннис ушел, но почему-то по клавишам до сих пор желает порой побарабанить.

– Так нет его. Продал.

– Ну, вот видишь. Понимаешь, если бы мы с тобой еще где-то играли...

– А я вот и барабаню. И на точке сижу.

– Не прогрессируешь, в общем. Давай уже, заканчивай с этими темами, Артемий. Я потому и не хочу деньги брать, чтобы не возвращаться к старым телегам. И Федя, наверное, тоже, на самом деле, не хочет. Для порядка только возмущается.

– Ты это серьезно, да? – спросил Тема и посмотрел в

окошко на тьму. — А то я боялся в Москву вернуться, пока деньги не накоплю. Мне же нужно было, чтобы уехать...

— Ну и как? Славно тебе в Питере?

— Жить вот опять негде. Придется, наверное, на базу возвращаться. Я там админом работаю. Раньше жил в коммуналке, но ее залило, а соседка из окна попробовала выкинуться. Спасли. А нас всех выселили косвенно, без нажима.

— А сейчас откуда?

— Гостил тут в области.

— Так, может быть, лучше в Москву? я завтра обратно уже еду.

— Да что-то и не хочется особо. Да и Феди немного боюсь, честно говоря. Чтобы ты там не рассказывал.

— Да мы же не играем теперь вовсе. Как ты уехал, вскоре все и разошлось по швам. Все оборудование и так продали. Кажется, вот, кстати! ты там тоже что-то отдавал из своих личных средств, словом, квиты мы все.

— Не обидно?

— Слишком много мечтателей развелось. Мечты надо вовремя прекращать. Чтобы — не мучительно больно, но вспомнить — приятно. Ты, видимо, изрядно пьян, как я посмотрю? Выпей вот угля активированного и иди спать.

Тема подумал перед сном о том, как еще можно прокормиться человеку, который еще может быть студентом. Ему уже во сне снились неблестящие перспективы дальнейшей его жизни.

Официантом, который питается бутербродами, блинами, а иногда – все же салатами?

До ста рублей в час, безумие в конце дня. Ненавистные клиенты с заказами. А еще скажут, что не подходишь, а он уж точно не подходит – ведь он барабанщик, значит, псих. Носить подносы он не сможет медленно – обязательно устроит бууум.

Он пойдет барменом. Пройдет курсы, встанет за стойку – и будут наливать без пены, а лед кидать через плечо. А потом подерется с очередным цивильным алкашом и сломает себе два пальца. Ну, или просто перестанет ценить дешевый, но не бесплатный алкоголь, опустошит бар и получит в табло от администратора.

Или будет ходить по магазину и смотреть – не положил ли кто в карман сливочное масло, что не заплатить за него положенную сумму? Не ест ли кто втихомолку сдобную булочку? Не отрывает ли тайком кусок туалетной бумаги? А сам будет втихаря кусать мороженное в вафельном стаканчике. Все равно там быстро меняют весь состав. Знакомый говорил – в базе данных только успевают новые фамилии вписывать, а старые удалять.

Нет, он пойдет в стройотряд. Будет сооружать коровник. Обязательно – коровник. А вечером – в сельский клуб. Не в такой, что на той пьянке. А в идеальный. Найдет взглядом дочь председателя колхоза – они ведь еще существуют?

В конце концов, он будет мерчендайзером. Будет выкла-

дывать красивые пирамиды из банок и бутылок, оттеснять конкурентов и напевать бодрые песенки. Только работать – обязательно в гипермаркете, где постоянно ходят сотни людей, выбирая между новой кофтой и двумя килограммами фарша.

А вот одежду выдавать он больше не будет. Суматоха. Ему не нужна спешность. Ему надо многое обдумать, надо же когда-нибудь остановиться и разобрать себя до косточек, потом соединить их обратно и узнать, какой из кусочков – лишний.

Даша решила – она думала-думала, пила чай на работе и ходила в отдел по психологии – встречаться с Русланом и дальше. Я не могу сказать, что шрам у него больше не болел, потому что у этой истории нет конца и начала, сюжета и его составляющих. Это просто кусок, который я смог описать словами, когда мне больше ничего не хотелось – только говорить с вами. Пока что сейчас они ехали на электричке в сторону Карелии, на дачу к знакомым, что находилась в 120 километрах от Питера. А Даша уже понимала, что напряжение – и есть признак правильности ее решений.

Сегодня набиралась сил пятница, пять часов вечера, в вагоне шумело невероятное количество народу, но это не мешало Руслану громко рассказывать вчерашнюю историю. Так занимательно, что соседи давно уже перестали притворяться, а повернули голову в его сторону. И слушали.

– Я еще могу простить, когда невеста в белом – платье, туфли, а также и лицо, усталое, но контролирующее мышцы, отвечающие за улыбку. Но, черт побери, на хрена надевать ему светлые ботинки и чуть более серый, чем его обувь, костюм в мелкую полоску?

– Это ты намеки мне бросаешь? – хохотнула Даша. Она неотрывно смотрела на Руслана на протяжении пяти минут, пока он расписывал чье-то бракосочетание, а теперь не сдержалась и выставила этакой простушкой – с таким-то смешком. Рассказ начинался с критики фотографа в ЗАГСе, продолжался пробками в районе Марсового поля, а заканчивался во дворе дома, где располагался офис заказчика.

– Я тебе просто рассказываю, почему я оттуда сбежал. Мы же еще в метро ехали – я, жених и невеста. Неплохие ребята, если бы не свидетельницы и мамыши, я, может быть, и остался. А оплата была уже до.

– Дурак ты.

– Ладно-ладно, это не намек. Я тебе прямо скажу. Вот доем этот бутерброд, допью чай... А ты жди!

– Весьма интригующе.

Они не спали на одном и том же месте третьи сутки. Ранее заезжали в Москву-смокву. Возвращаясь, целую ночь ходили по поезду, он спереди, она следом, обговаривая завтрашний доклад по ядерной физике (я точно не смогу передать полного названия и оценить значение темы), которым травил их в Черемушках Дашкин знакомец. Когда они в четвертый

раз прошли через пятый вагон и, наконец, решились спросить у бродившего также продавца чипс унд бир, нет ли чего у него покрепче, поезд доехал уже до Бологого. Проводник между тем предложил мирно выплатить еще по 500 рублей и перейти в пустующее купе. Руслан вопросительно взглянул на Дарью, она лишь пожала плечами. Они пили трехзвездочный коньяк, закусывая шоколадом и спрашивали друг у друга, как же там поживает Инна, хорошо ли ей с родителями, не скучно ли, а что с ребенком? И так далее. Даша подумала, что ее соседу даже жалко свою кузину, хотя он всю дорогу пренебрежительно сочинял афоризмы в честь Инны. Она смотрела фотографии, которые он делал, пока она спала вчера. На них была изображена толпа людей, стоящая на автобусной остановке в 8 вечера. На экране фотоаппарата еще светло, и что-то обнадеживающее видится во взглядах, устремленных на дорогу. Люди стояли достаточно тесно, так, что совсем не было понятно, претит ли им совместное безделье. Даша выловила несколько пар глаз, направленных друг на друга: с безразличием, презрением и интересом.

– А знаешь, почему я ушел тогда из редакции, бросил работу? Потому что моим редактором стала девушка-ровесница, которая на мне успокаивала расшатавшуюся нервную систему. Выкидывала пачками мертвые клетки, неделю приходила в себе, а потом вновь копила в себе. Я думаю, все потому, что у нее менструальный цикл длился по 30 дней.

– Фу, Руслан, кто тебя научил об этом постоянно гово-

ритель... Давай о чем-нибудь приятном, наконец. Научись хотя бы иногда не стебаться над всеми.

– А почему бы и нет. Должен я себя как-то успокаивать. Что это не я виноват, не работа виновата, а природа влияет. И стало мне чуть легче. Но потом я все равно ушел. Потому что – потолок, выше некуда. А вот с тобой у меня не возникает таких вопросов. Я абсолютно серьезно. С тобой у меня есть лестница. Хочешь, я буду держать эту лестницу, пока ты будешь взбираться наверх?..

Руслан переключается вдруг на утреннее воспоминание, как они занимались любовью, сидя на стиральной машине, она громыкала, выкручивая белье, а он не мог даже сообщить, почему все это – про него? Как обнаружить такую страстную натуру в спокойной девушке, которая то и дело пускает шпильки?

– На самом деле, я безумно в себе не уверена, – сказала Даша. – Мне нужно подтверждение моей правоты. Мне необходимо, чтобы кто-то похлопывал по плечу и говорил, что я молодец. Мне требуется подпитка моему тщеславию. К сожалению, большинство людей в этом мире, в отличие от меня, еще и завистливы. Поэтому они предпочитают ругать что-то один раз увиденное или услышанное. А легкая, но приятная симпатия остается в душе человека, который так и не сделает меня немного счастливым.

Как написано в левом верхнем углу одной гнилой газетки

(и в том же примерно духе пелось в начале не самой плохой в мире песни), я начинаю там, где другие заканчивают. Когда Марина поняла, что и Даша, и Руслан, и даже Тема-Ерема сложили вещички и разъехались кто куда, она решила для начала обследовать всю квартиру в одиночку. Комнату за комнатой, метр за метром.

Чем-то она ей нравилась, эта злобредная коммуналка, несмотря на скоротечность и минусовость событий, которые здесь происходили. А Марина никогда особо к местам не привязывалась. Ведь не свой же дом, а чужой. Значит, есть в жилище этом, состоящем из пяти сегментов и прочих сообщающихся комнат, что-то близкое ей. А она прошлась по всем углам и закоулкам, заглянула под оставленный в комнате Руслана диван, перевернула все книги, которые валялись на шкафу у Инны. Заглянула за плиту. Залезла на антресоль, откуда чуть не упала, однако сноровка в очередной раз не подвела. Тогда Марина надела оставленный кем-то из прошлых жильцов синий хлопчатобумажный халатик в клеточку, висевший все это время на кухне. И отправилась на чердак. Напомним, что никогда она там раньше не ходила. Белье сушила у себя в комнате – болезненное у нее отношение было к своим вещам. Смотреть на нее саму – это еще пожалуйста, а вот любимые мелочи из ткани и воздуха, будь добр, не трогай. Так что Тема, к примеру, сразу приучился к правилам хорошего тона при личном посещении работницы ночных клубов. И в личные фетиши Марины не лазал.

Она взяла ключ, закурила на лестничной клетке, прикончив сигарету до половины, начала подниматься наверх. У двери поняла, что тушить окурки тут как-то не вежливо, спустилась вниз, бросила его в банку из-под кофе. Открыла дверь. И сразу обратила внимание на чемодан, лежавший чуть дальше самого крайнего окна справа. Чемодан оранжевый, миниатюрный, размером с пластиковую коробку для DVD, с двумя замочками. Ужасно грязный. Но симпатичный. Рыться в потрепанных подшивках журналов Марина уже не собиралась, хотя здесь их лежало в достатке. Она осторожно взяла чемодан за ручку двумя пальцами и понесла в ванну чистить. Марина мало ела вкусного и полезного в последние дни, а потому от такого количества пыли ее затошнило. Она схватилась за край ванны, склонилась над ванной, бросила груз на пол. Пыли стало меньше. Наскоро протерев тряпкой поверхности, Марина, наконец, открыла находку. Внутри оказались документы. Ни писем, ни, кажется, фотографий. Счета за телефон, за свет, множество проездных билетов, цирковая афиша, которая, впрочем, выполняла роль подкладки под все остальное...

...Марина только что вернулась из Таиланда, где прожила месяц. Все у Марины прошло там отлично, прекрасно и зашибись. Гораздо лучше, чем здесь. И возвращаться в Россию совсем не хотелось. Но одновременно – и надо. Потому что за эти четыре недели она сопоставила все факты, кото-

рые смогла вытащить из коммунальных бумажек, потратить почти все деньги – и понять, что, как-то, и она может претендовать на эти пять комнат. Или хотя бы на часть. Надо лишь доказать, что в нескольких из них жил некий поэт Владыкин, который ей прапрадедушка, а поскольку все я семья соблюдала китайское правило «в одну семью – один ребенок», то и ей какая-то часть... Словом, домой надо, домой. Прощайте друзья, осчастливленные собственностью на Таиланде и отвисающая на пляже ежедневно, прощайте, пластмассовые разумные существа. Откроем еще раз ноутбук, в который она смотрела настолько часто, что даже загореть не успела. Хотя и ела фрукты, гоняла на мопеде и велосипедах, каталась на машине и в целом радовалась жизни. Пережила, в конце концов, осень. Всего-то надо – решиться поменять место жительства на время, пройти мимо всеобщей депрессии, пить свежавыжатые арбузные соки и не думать о проливных холодных дождях – там о них просто не знают. Читать рассказы Эдгара По для контраста, изучать современную тайскую музыки, состоящую из групп типа «PopGirls» и «Ebala». И не следить за новостями с родины, где все активизировалось, кажется, всего лишь на 50 процентов. На любимых радиостанциях не появилось ни одной новой песни, а значит, это точно мертвый сезон. Вейк ап.

Письмо из Польши

Здравствуй-здравствуй,

Пробираюсь через Польшу на родину, нет, даже так – на Родину, на любимую свою землю российскую. Устал безмерно. Надоели иностранцы, а более всего – соотечественники за границей. Встретил в Бельгии двоих – пьянствуют, живут на местное пособие, а при этом работают в местной правой газете переводчиками, где сообщают об успехах черносотенцев и прочей нечисти. Я так им и сказал – работайте в открытую, а деньги бельгийского государства отдайте тем, кто более в них нуждается. Чуть не побили, и это прямо на центральной площади Антверпена. Своих начал бояться более. Хотя ранее был спокоен, поскольку почитал фламандцев и голландских франков за самих мирных европейцев. Однако позабыл, что паспорт меняется, а на фотографии – все то же рыло неудачника, которое легко может покуситься на твою независимость.

В Германии та же история. Оказался у ворот нашего консульства, показав паспорт, прошел на территорию. Ты знаешь, где меня настигло чувство того, что я вернулся? В местном ватер-клозете – с обрывками бумаги, отсутствующим мылом и холодной водой в оба крана. У дверей сидели сплошь мои ровесники-эмигранты, которые бодро рассказывали друг другу, чьими подданными в случае чего они будут через пять лет. Собственно, пошел я туда, чтобы узнать, как можно наилегчайшим способом добраться туда, куда они уже не стремятся. Однако, похоже, русским за границей, как и любым новообразованным диаспорам, не

нужны соотечественники, не желающие пускать корни в черноземную почву чужбины.

И мне кажется, что это в некотором смысле прекрасно – быть чужаком не только на иной земле, но даже на острове относительной родины, где слышна уже искаженная постоянными подделками под немецкий акцент речь, где вместо кебабов и сосисок тайком поедаются бутерброды с копченой колбасой, пускай и не выпущенной в Московии.

Да, прекрасно быть ни к кому не принадлежащим, как не страшно тебе это писать. Порой мне думается, что мы сначала крепко вяжем, приклеиваем себя к обстоятельствам, к людям, а ведь в начале нового века его представитель должен делать гигантский прыжок, а сделает он это один, без тяжестей, но и без пружин. Просто сам. Как в самой древней эпохе – нашел камень, и пошло дело. Мы надеемся на чужую помощь, а потом говорим – отстань, я сам, ну что ты лезешь. Пора бы закончить с этим лицемерием. Либо принимай, что ты вовлечен в цепочки, либо падай в невесомости и сам придумывай точки опоры.

Только вот это бесконечное падение – ведь оно вскоре начнет восприниматься, как естественное положение. Просто бесконечное падение – это и есть чувство отсутствия массы. Если нет падения, почему бы и не прожить так, пока беззвучно не стукнешься?

Хотя если ты человек, который оказался в воде, но не научился плавать, единственное, что можешь – расслабиться.

ся и плыть туда, куда ведет течение. Вот я не умею плавать, так что, думаю, нырну до дна и пойду по нему до берега пешком.

Хотя я знаю, что ты обязательно выйдешь замуж, вступишь в партию, поделишь свое место обитания, чтобы растворить свои беды и достижения с массами. Наверное, это тоже хорошо. Возможно, мы пойдем двумя разными путями, чтобы к старости понять, кто остался прав, а кто оказался также прав, но не доволен сим.

В Польше речь весьма похожа на нашу. Чувствуется, что места эти когда-то принадлежали мятущимся православным князькам. Говорят, что кое-где можно почувствовать ненависть к нашему брату, однако я нахожусь уже в скорлупе. И даже не могу в полной мере оценить красоты польской. Знакомцы, бывалые путешественники, советовали обратить на красочные поезда различных видов – и обязательно опробовать все без исключения. Увы, денежные средства уже не позволяют мне это осуществить, а вводить себя в состояния знатного зайца уже не позволяет, во-первых, усталость, во-вторых, остатки справедливости. Зато сумел немного проехаться по местным дорогам на телегах, а также в каретах средней знати – немного ишифруюсь под англичанина, ибо не знаю, как аборигены могут отреагировать на немецкую или французскую речь – все-таки история европейская настолько запутанна, что луч-

ше выбирать ту мову, что наиболее не близка территории. Хочется спать. Отдам письмо случайно встреченному капиталисту, ох, едущему в Петербург с большей скоростью, чем я. Так что весточка настигнет тебя раньше, чем я, и первый домашний вечер, надеюсь, пройдет спокойно и благостно. Ложусь спать.

Константин.

И это был город, в котором, как всегда, только успокаиваешься, потому что ходишь по прямым проспектам, из каждого двора есть выход с кнопкой в стене, таблички говорят об адресах, а люди говорят, чтобы ты не толкался. Где лес, я хочу в лес, я хочу опасаться за себя, потому что природа уже не друг человека, не враг человека, она его уже за существо не считает. Потому что житель земли перестал чувствовать почву под ногами, он думает, что перемещается одной силой мысли, что информация и вправду правит миром, однако любая новость, любое откровение просто уходит в кору мозга и высыхает там, это продолжается так долго, что дай бог вам вспомнить первую букву этой фразы. Ты слышишь звуки и запахи, они говорят тебе правду, настоящую правду, ради которой не хочется спорить с неизвестными людьми, ведь сейчас вы не можете даже поговорить друг с другом – вас ничто не беспокоит. А ведь только внутренние проблемы располагают к взаимообмену – несколько снимков порезов, рентгенограмма и лист с заключением – а у вас что?

Марина позвонила отцу.

Выяснила, что в начале века в Петербурге жили некие Владыкины, вроде бы прямые ее родственники. Простучала остальных родичей вплоть до троюродных братьев и сестер – для этого хватила пары звонков самым говорливым теткам. Истратив две карточки IP-телефонии по 100 рублей, Марина поняла, что, по сути, прямее ее к поэту (кажется, к поэту) линия уже ни к кому не ведет. Наследство, подумала девушка. Неявный подарок из прошлого.

Тут она поняла, что ее давние разговоры про писателя Котова, которыми она изводила девчат по клубу, но так и не рассказала Теме (как он там, кстати, милый, бедный?) – не только результат буйной фантазии. Видимо, кто-то в детстве поведал ей о прапрадеде-поэте. Или придумал красивую сказочку.

Мы знаем, кто разрушает сказки.

Система, закон, юристы в кабинетах без отделки.

Что ей в итоге удалось найти? Фотографии Константина Владыкина. Его сборники. Упоминания в литературной критике. Выписку из церковной книги о рождении. Как можно доказать родство, она уже представить себе не могла.

На добывание милых, но совершенно бесполезных бумажек, у нее ушла неделя. И тогда она вспомнила про одного человечка, занимавшегося криминальными репортажами. Сереженька по кличке «Заказник» с восторгом слушал ее

историю и обещал прошерстить документы по своим каналам. Довольно скоро, дней через десять, он позвонил и предложил встретиться в кафе на Некрасова.

– Понимаете, Марина, когда ваш предок умер, квартиру передали другим людям, – сказал Сергей, когда чай они допили. – Ее уже частично заселили всякие посторонние лица – рабочие, преподаватели. Еще жива была его сестра – она умерла рано, от всякого имущества отеклась. Ярая большевичка иначе вести себя и не могла. Так что никаких прав – никто – на это жилье не имеет. Вообще, я с вами встретился только потому, что меня попросили ваши хорошие знакомые. Таких дел никогда в России не рассматривался. И, наверное, в мире тоже. Возможно, конечно, случались прецеденты. Но у нас слишком рваная история, что всерьез за нее приниматься.

– И это значит, что я платила за жилье, которое государство присвоило себе?

– Если бы я не являлся человеком, который что-то понимает в юриспруденции, я бы с вами даже погоревал. Если отбросить формальности, то да – это ваша квартира. Но есть такая штука, как история. Сначала вокруг одни степи, потом начинают появляться станы, далее пограничные заставы, в стенах строят дома из бревен или камня, приходят иноверцы или иногородцы и сжигают город. Потом приходите вы и требуете вернуть ваши 56 квадратных метров. В вашем случае все прошло достаточно просто. Одни владельцы права

передали, другие жилища национализировали. Раньше, при СССР, – увлеченно продолжил Сергей, – квартиры покупали, отдавая государству старую, ту, что получили бесплатно от него же. Имелась трехкомнатная, вы ее поделили на два и один, но не получив никакой выгоды. Вам просто нельзя иметь так много квартир.

– А это какое отношение ко мне имеет?

– Никакого. Но, по крайней мере, вам не надо будет стесняться с такими формальностями.

– Послушайте, Сергей. Я девушка не самая типичная по профессии. Я танцую стриптиз чуть не ежедневно. Откровенно говоря, со стороны это кажется диким, когда за то, что ты трешься о промежность мужчины, тебе дают деньги. Но я вообще ни к кому не прикасаюсь, я просто танцую. Но я дико устаю. Так что подобные формальности, о которых вы сейчас живописно рассказали, меня вообще не волнуют. Я просто не понимаю, почему всякие работяги получили свой кусок, а у плохих поэтов его отняли? Они же равны, почему одним – все, а другим – шиш?

– Мне не до дискуссий, – сказал Сергей, глядя в смартфон. – Вы понимаете, что провертел эту операцию за минимальную плату чисто из-за симпатии к вам...

– Потому вы тогда в клубе опозорились, уронив все деньги и документы на пол, а их хотели отдать, применив громкую связь. А вы так и не отзывались, а я вас в итоге просто нашла.

– ...Ну да, словом, из-за того, что вы мне помогли. Теперь

же у меня еще дела, немало дел, я должен идти. Жаль, что не придется раскрутить это любопытную ситуацию.

Когда юрист ушел, Марина, съев еще одно пирожное, позвонила подруге, недавно съездившей в Испанию для проверки обстановки. Если нет родственников с жилплощадью, надо искать ее там, где она дешевле. Искать новых родственников, молодых, живых, обеспеченных. Или просто делать ту же работу в более цивилизованной стране. В конце концов, она не только профессионал, но и философ, а в теплом климате второе в определенные часы даже важнее.

Путешествие оказалось не самым легким делом, однако после двух суток (они казались таковыми, возможно, она ехала и меньше, но – 48 часов, пусть так будет для небольшой дозы красоты).

Напротив нее сидел достаточно пьяный паренек в армейской рубашке и грязноватых больших ботинках и рассказывал, как он работает, склеивая ванны. «Вообще отличная такая тема, понимаешь? – на ты он перешел полчаса назад. – Обновляем ванны, новые делаем, декор, такая профессия, творческая, можно сказать». Инна его и не слушала, просто смотрела в одну точку над его головой и в 505-й раз читала заголовок в газете, что лежала за сеточкой в компании с полиэтиленовым пакетом. Половины букв не видно, однако ясно видны слова: «Альтернативы нет – заявляют».

У Инны могли быть варианты в Питере получше и похуже.

Коммуналка на шесть комнат на Пяти углах с людьми степенных профессий, вроде хирурга или архитектора. Общие деньги на туалетную бумагу и пакеты для мусора. Никакой громкой музыки вечером.

Или четверо экспатов, живущих окнами на набережную. Обязательно – бармен и учитель английского. Первый приводит подруг и друзей в пять утра после окончания смены, ко второму ходят стройные блондинки в развевающихся мини-юбках и их мамы в жакетах. Постоянно гостит милиция.

Или замкнутое сообщество промоутеров и дизайнеров – по ночам они придумывают новые вечеринки, при этом сами дома не веселятся, а только пишут письма и водят пальцами по тачпадам. Глубоко-глубоко во дворах стоит их дом. Выходят только за едой и в день икс, когда предстоит потратить деньги спонсора на еще одно сомнительное мероприятие.

Аналог – девчата, штук пять или шесть, все ходят в Муху или Репина, клеят макеты, шьют платья и вместе клеят полоски картона на эскизы к экзаменам. Питаются йогуртами и овощными супами. Раз в неделю кто-то обязательно покупает торт. Инна убеждает их основать креативную фирму – и успешно продает их продукцию за рубеж.

Даша однажды рассказывала, что ее закадычные друзья живут под самой крышей в огромном торговом центре на Невском проспекте. Последние этажи все не могут продать, там голая проводка на стенах, каждое окно выходит на крышу, но чтобы не напали не погибающие тараканы, один из

чудиков спит на шкафу – и пока что оттуда не падает. Все-таки – это хороший или плохой вариант? Инна точно не тронет обнаженное электричество и против тихих дуростей ничего против не имеет. Ее смущают только люди, курящие прямо в прихожей и на кухне – отчего пальто, куртки, шапки, береты, кажется, даже пластиковые тарелки пропитываются запахом табака. Ну, это она смогла бы уладить.

Отлично было бы иметь в квартире животных – крыс, котов, улиток, морских свинок...

Но ей достались эти четверо, дела кончились не так хорошо и зло, как хотелось.

Когда солдатик перешел на подробности покупки «будущей 12-й», на которой он с корешами тут же отправится на море жарить шашлыки (на новенькой тачке с севера на юг, до Азовского моря, к станице, к однополчанам), Инна вышла покурить. Зажигалка, сигарета, дверь в тамбур – все приходилось делать левой рукой. Потому что она все еще остерегалась снять с правой повязку. Хотя и противно было ходить с ней навесу, постоянно вызывая жалость. Поезд ужасно трясло, она чуть не опалила фильтром губы, безумно хотелось спать, а этот товарищ напротив вылезал через 20 минут – если его проводница сама не вытащит. Так что можно еще потерпеть. Инна уже собиралась пойти в вагон-ресторан, когда ей позвонили. Опять мама. Истратила на нее уже, наверное, тысячу, если не считать всю плату за роуминг у самой

дочери.

– Привет, милая! Как дела? Все не спишь?

– Господи, мама, сколько можно. Я же утром уже буду дома.

– Знаешь, я бы ни о ком не волновалась бы, но только не о девушке, которая из окон падает. И из больниц сбегает. Мы же могли тебя сами довезти, под присмотром. Так ведь нет, обманула врачей, деньги добыла...

– Мне одолжили. Мама, я же все объяснила! Давай дома поговорим! Не трать время!

– Ладно, ладно, пока.

Инна взяла коньяк и стопку лимонов, села подальше от выхода, в вагоне осталось совсем мало народу. Она вновь достала то короткое письмо и перечитала.

«Валя, привет!

Все очень срочно, поэтому я попросил, чтобы это сообщение тебе передали не почтой, а с моими случайными знакомыми. На телеграф совершенно нет ни копейки. Я работаю всего три дня, так что выплатят первые кроны только к концу недели. Хотел сказать, что в ближайшее время ждать меня не стоит, я еще задержусь. Не могу сказать точно где, потому что тут какие-то проблемы с границами. Вообще, в воздухе пахнет войной, даже такой дурак, как я, это чувствует. Но я скоро доберусь до дома. Жди».

Собственно, смысл был вовсе не в тексте, а в том, что его – изрядно помятое и, похоже, старательно высушенное, ей

принесла Марина, когда еще раз, уже одна, по собственному почину, заходила к ней в больницу. Сказала несколько дежурных фраз, а потом передала письмо – со словами, что это она нашла в квартире, в числе многих других бумаг.

– Это, видимо, каких-то моих родственников. Мне кажется, я как-то связана с людьми, которые жили... там, раньше, лет сто назад. Ты уж извини, что так вышло. Письмо – так себе. Но, в общем, тебе же тоже интересно. Ну... то есть... ты, конечно, не родственница, но с другой стороны, словом, так...

Инна зашла в купе, когда два пустовавших до этого места занимала мать с дочерью. Она быстро забралась на верхнюю полку и заснула. Ночью она простудилась, да настолько, что потом пришлось матери разрывать между ней и внуком, который сам все лето пролежал в больнице с тонзиллитом.

Ему приснилось, что его дед – агент ГРУ, что он погиб при исполнении важного позорного задания. А его бабка просила его спеть пару народных болгарских песен, вспомнив корни, ведь сыночек, папаша твой, совсем родную речь позабыл, говорит, ему по статусу и профессии не положено. И в первый раз, когда он взял в руки аккордеон и затянул первое, что пришло в голову, бабка заревела и повалилась на пол, так что он испугался и прекратил играть. Но она оставалась в сознании, без ушибов. И пообещала потерпеть и дух мужа не вызывать. И ко второй неделе уже не лил редких слез, а

начинала тихо подпевать. Даже в беде есть своя красота, думал Артем и просыпался.

В центре самого нигде – чтение и пристрастие к еде. Не спи, не спи, иначе день со днем не отличишь, а как же воскресенье... Его стошнило.

Вообще, ему предлагали еще одну коммуналку. Теперь уже в самом что ни на есть центре, то ли на Бакунина, то ли чуть подальше, ближе к набережной. Он так и не запомнил адреса, потому что его смутила цена – в два раза выше, чем раньше, а во-вторых, испугала необходимость ежедневно не только у себя в комнате, но в коридоре или туалете или ванной или кухне что-то мыть. По строгому расписанию, составленному хозяйкой, которая обещала проверять выполнение плана каждую неделю. Поэтому он для порядка прошелся по жилым помещениям. А потом вновь вернулся на репетиционный диван.

Заснуть к утру не на диване в холле, и даже не на широком подоконнике в первой репетиционной комнате, а упершись спиной об усилитель в кладовке. Такого с ним еще не случалось. Он потянулся, вздохнул. Хотелось пить – вышел в уборную, открыл кран и долго пил, потом ополоснул лицо, нашел в аптечке над раковиной цитрамон и активированный уголь, кинул таблетки в рот и уселся на диване у выхода. Через полчаса ему стало лучше. И он начал вспоминать, какие у него есть дела на ближайшее время. С коммуналки он съехал по истечению месяца, потом деревня, а ведь все

еще стояло лето, ей-богу, непонятно, а что теперь надо делать-то? Искать новое жилье? Да так ведь на базе соорудили душ, на этом диване можно спать, работает электрический чайник и микроволновка. А цены на комнаты растут, непонятно, к чему тогда нужно было переезжать из Москвы, если деньги приходят в Петербург, да не в те карманы, что хотелось бы – либо в чужие, либо в свои, но дырявые. И значит, те, кто озаботился о недвижимости, те, кто нашел себе дело, скоро перестанут быть этой болотной сыпью и превратятся в хищные цветы первого десятилетия. А что он будет делать, Артемий Олегович, хотя и не стоит тебя так называть, потому что не заслужил? Смотреть за чужой жизнью, вести летописи, готовить барабанщиков к лучшей доле, слушать вторичную музыку за стеной. Впадать в тоску. Но сам подумай, своей головой – встречаешь ты, к примеру, старых друзей в ином городе, в каком-нибудь центральном кофе. И вы друг другу рассказываете новости – кто женился, кто развелся, детей нарожал, директором стал, а ты и говоришь – я на репетиционной точке работаю, музыкантов ругаю и учу. И ведь для них это все темный лес, а для тебя, быть, скука смертная. Так проблема, получается, в тебе, а не в записях в трудовой или прочих деталях. Просто надо успокоиться. Ты не станешь героем, потому что кому-то еще больше не повезет и ему придется везти неравный бой с глыбой ответственности и булыжником величия. Кому не придется быть человеком, но еще одним параметром, по которому меряют

время. А ты просто кегля, 100 граммовый груз на другой чаше весов, разменная монета. Вроде бы и не нужен, но вот за тобой бегут в соседнюю кассу, а потом оказывается, что рубль-то – юбилейный.

И Тема пошел в магазин за хлебом и молоком, потому что он был голоден, а музыканты должны собирались прийти только через полчаса. Воскресенье, все-таки, люди хотят веселиться.